

ВОКРУГ СВЕТА

№11 1995

**ОСТРОВ
СОКРОВИЩ**

**ПОДЗЕМНАЯ
Одесса**

**СЕКРЕТЫ
КИТАЙСКОЙ
КУХНИ**

ПУТЕШЕСТВИЯ • ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ФАНТАСТИКА

ТРОЙНОЙ АНТАРКТИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ

В сентябре этого года в Москве, в переполненном зале "Президент-отеля", проходила необычная пресс-конференция. На ней собрались известные путешественники, исследователи Заполярья и Антарктиды, и журналистам впервые был открыт план российской лыжной экспедиции "Антарктида и человек".

Первым в Антарктиду должен прилететь **Федор Конохов**. Предварительно пройдя альпинистскую тренировку в горах Чили на высотах до пяти километров, он отправится покорять в одиночку высшую точку Антарктиды — гору Винсон (5140 м). Подняться на нее было мечтой Уэмуры, японского путешественника-одиночки, отваге которого Федор до сих пор поклоняется.

Затем из Москвы на холмы Патриот высадятся "Арктика" — группа лыжников Владимира Чукова и "Метелица" — женский отряд, возглавляемый Валентиной Кузнецовой. Чуков со своими лыжниками перелетит в район аргентинской научной станции Генерал Бельграно. Разойдясь таким образом на довольно приличное расстояние друг от друга, три группы российских лыжников в один и тот же день стартуют к Южному полюсу.

Такого в мире еще не было. Михаил Малахов, известный своим недавним путешествием вместе с Ричардом Вебером к Северному полюсу — от берегов Канады и обратно, не без юмора назвал на пресс-конференции эту программу "инвазией", то есть вторжением, русских в Антарктиду". Артур Чилингаров, Герой Советского Союза, президент Ассоциации полярников и заместитель председателя Государственной Думы Российской Федерации, возглавивший оргкомитет экспедиции, сказал собравшимся в "Президент-отеле": "Великая держава должна иметь великих путешественников". Сам он уже поднимал на Южном полюсе флаг СССР. Теперь на полюсе должны взвиться три государственных флага России. А лыжницы "Метелицы" поднимут там и флаг города Москвы, врученный им мэром Юрием Лужковым.

Когда до читателя дойдут эти строки, все лыжники, надеемся, будут уже в пути, борясь с морозом, ветром и коварными трещинами в ледниках. Репортажи об экспедиции предполагается транслировать через спутниковую связь по радио. На станции Беллинсгаузен и на холмах Патриот специально для этого будут работать две вспомогательные группы.

Все участники экспедиции — мастера опытнейшие. В группе Чукова — пять человек из Москвы, Северска и Норильска. С ними он достиг в автономном режиме Северного полюса, о чем писал наш журнал ("ВС" № 5-6, 95). На этот раз Владимир ставит задачу не только достичь к назначенному сроку Полюса, но и за сто ходовых дней пересечь южный континент без поддержки извне, закончив маршрут в районе моря Росса на американской научной станции Мак-Мердо. Каждому из участ-

ников предстоит волочить сани весом в 150-160 килограммов и одолеть расстояние в 1500 километров.

Лыжницы "Метелицы" имеют не только немалый опыт жизни во льдах Ледовитого океана, хождения по дрейфующим льдам к Северному полюсу, но и опыт преодоления антарктических льдов. В 1988-1989 годах команда прошла от станции Мирный до внутриконтинентальной станции Восток (Южный геомагнитный полюс), преодолев около полутора тысяч километров. На этот раз предстоит пройти на полтысячи километров меньше, но вряд ли этот поход будет легче. В дорогу отправляются девять самых опытных спортсменов "Метелицы", по возрасту, как шутя признались они на пресс-конференции, в основном все уже бабушки.

Для "Метелицы" и Федора Конохова на полдороге к полюсу будет устроено продовольственное депо. Федору предстоит преодолеть 1,2 тысячи километров. От депо будут одиночки и "Метелицы" съезжаться, но это не значит, что идти они будут вместе.

Главное, говорит Федор, чтобы к назначенному сроку всем оказать ся на Южном полюсе. Так запланировано для эвакуации лыжников. А выйти к полюсу предполагается к Новому году. В Антарктиде это разгар лета, максимальная температура в этой точке в это время года — минус 14,7 градуса.

Подняв над полюсом российские флаги, группы разъедутся. Чуков со своими лыжниками продолжит путь к Мак-Мердо, где их подберет научно-экспедиционное судно и доставит в Новую Зеландию. Женская команда через Чили вылетит в Москву. А Федор Конохов в чилийском порту Пунта-Аренас дождетс прихода учебно-парусного судна "Круженштерн", на котором будут находиться наши корреспонденты, и на этом судне, совершающем кругосветное плавание, вернется через Тихий океан в родной порт Находку.

Когда проходила пресс-конференция, многие вопросы необычной экспедиции еще не были решены: не была известна смета, не набралось достаточного количества спонсоров. Но собравшиеся в зале с таким воодушевлением желали ей успеха, что было понятно — состояться она должна непременно. И мы, публикуя эти строки, от всей души желаем неутомимым российским покорителям северных льдов достичь и полюса Южного. Тем более, что экспедиция посвящается 300-летию юбилею Российского флота и 175-летию открытия Антарктиды русскими мореплавателями Ф.Ф.Беллинсгаузенем и М.П.Лазаревым.

В.ОРЛОВ
наш спец.корр.

1 Город Пунта-Аренас (Чили)

2 Научная станция Беллинсгаузен (Россия), аэродром Марч

3 Сезонная база "Холмы Патриот"

4 Горный массив Винсон

5 Научная станция Генерал Бельграно (Аргентина)

6 Продовольственная подбаза для команды "Метелица" и

Ф. Конохова

7 Южный полюс, научная станция Амундсен-Скотт (США)

8 Научная станция Мак-Мердо (США)

— маршрут команды "Арктика"

— маршрут команды "Метелица"

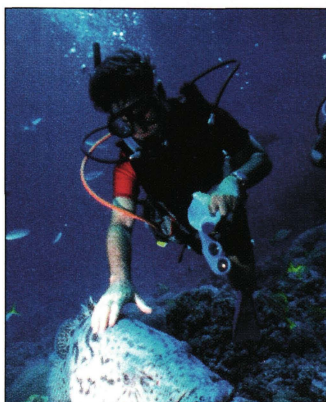
••••• маршрут Ф. Конохова

Приглашаем туристов в экзотическое путешествие в АНТАРКТИДУ

Справки по тел.: (095) 925-99-48, (095) 925-92-56

Экспедиционный проект "АНТАРКТИДА И ЧЕЛОВЕК" АНТАРКТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ Федора Конохова "ОДИН К ЮЖНОМУ ПОЛЮСУ"

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

МИРОВОЙ ОКЕАН. В начале 40-х, когда Жак-Ив Кусто с товарищами впервые опробовал акваланг, перед ними открылся безбрежный неведомый мир и оказалось, что обитатели его не так страшны и кровожадны, как представлялось поколениям жителей планеты Земля, знакомым с морем лишь поверхностно — в прямом смысле этого слова. Полутораметровый групер — монстр, на первый взгляд — доверчиво подплывает к аквалангисту и дает себя погладить. Мурены берут пищу из рук, а некоторые акулы позволяют ныряльщикам покататься на своих широких и шершавых спинах. Но подводный мир допускает к себе людей только с добрыми намерениями. К охотникам и злоумышленникам он бывает жесток и беспощаден...

Фото «Вокруг света»

В НОМЕРЕ

VIA EST VITA

4

Игорь АЛЧЕЕВ

Перед уходом в океан

7

А потом была Балтика...

ЭКСПЕДИЦИИ

25

Константин ПРОНИН

Под землей —
в центр Одессы

О СТРАНАХ И НАРОДАХ

10

В. ЛЕБЕДЕВ

Самоцветы

«Львиного острова»

30

Елизавета СУМЛЕНОВА

Крест над скалами

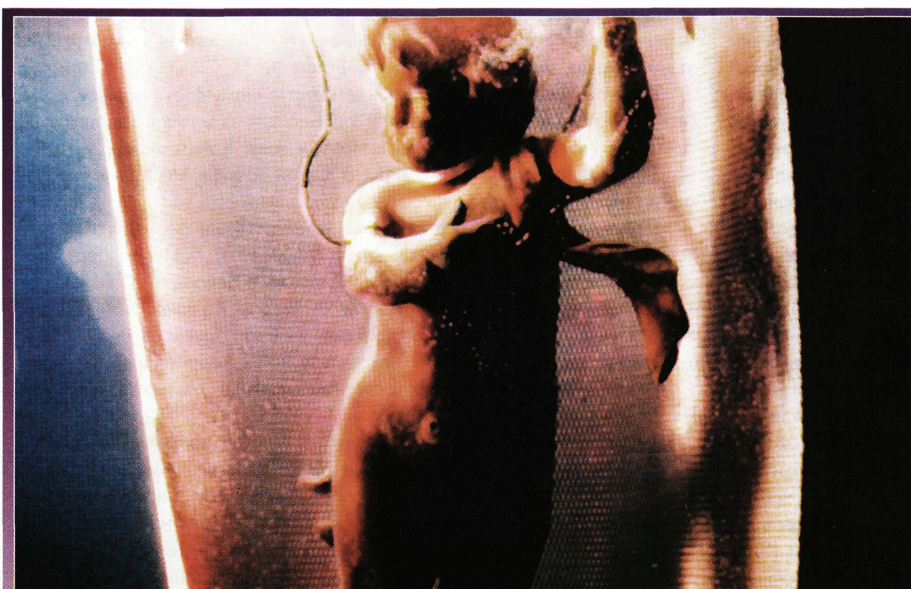
ДЕЛО ВКУСА

34

Лев МИНЦ

Котелок дядюшки Ляо

ЗАГАДКИ, ПРОЕКТЫ, ОТКРЫТИЯ

С КОРАБЛЯ — В ГАЛЬВАНОВАННУ

За семь последних лет борт затонувшего в 1912 году «Титаника» посетили три археологические экспедиции на подводных лодках. Поднято на поверхность более 3600 различных предметов. Их детальное исследование — дело ближайшего будущего, а пока главное — законсервировать ценные находки. Со многими предметами, особенно металлическими, произошли удивительные, ошеломившие даже специалистов метаморфозы: к примеру, никелированные металлические поверхности, которые, как известно, на воздухе, да и в морской воде в обычных условиях, никогда не окисляются, были изъедены коррозией, а другие вещи, которым, казалось бы, на роду было написано давно распастись на молекулы, вы-

глядели как новенькие, но на воздухе, однако, быстро начинали «стариться».

Как выяснили ученые, дело в том, что корпус гигантского судна на глубине почти четырех тысяч метров стал своего рода гальванической мастерской. Сказались почти полное отсутствие кислорода и постоянная температура, близкая к нулю. В отдельных отсеках «Титаника» вода превратилась в самый настоящий электролит, а дальше все пошло по сложной цепи химических превращений. И теперь гальванические ванночки — первое, что ожидает находки с борта «Титаника», сообщает журнал «Geo». На снимке — одна из бронзовых фигур, украшавших салон «Титаника». Пока ее можно видеть только сквозь защитную сетку.

Адрес редакции:
125015, Москва, А-15,
ул. Новодмитровская, 5А, 16 эт.
Тел.: 285-88-83, факс: 285-09-30

«Vokrug sveta» («Around the world»)
Magazine of Travels,
Adventures and SF Est. 1861

5A Novodmitrovskaya str.
Moscow 125015, Russia
Phone: 285-88-83, Fax: 285-09-30

Свидетельство о регистрации журнала
№929 от 13 ноября 1990 г.

Учредитель журнала:
Трудовой коллектив редакции.

®Товарный знак «Вокруг света»
зарегистрирован Роспатентом.

Свидетельство №131448 от 28.08.95.
Использование наименования журнала, его
товарного знака, полная или частичная
перепечатка материалов — только с
разрешения редакции.

Редакция не всегда разделяет точку
зрения авторов публикуемых
материалов.

Редакция, к сожалению, не имеет
возможности ответить каждому
корреспонденту письменно.

Ответственность за содержание
публикуемой рекламы несут
рекламодатели.

Цветоделение:
АО «Вокруг света»
Изготовление фотоформ:
журнал «Техника — молодежи»
Печать:
W E Berry Ltd, Great Britain
Экспедирование тиража:
АО «Молодая гвардия»
Номер подписан к печати 30.09.95
Тираж 85 тыс. экз.
© «Вокруг света» 1995
ISSN 0321-0669

Ежемесячный
научно-художественный
журнал
путешествий,
приключений,
фантастики

№11 1995

А.БЕРКОВИЧ

Со всей
Великобритании —
пиво, пиво, пиво...

52

РУССКИЕ УГЛЫ

Владимир ЛОБЫЦЫН
Галлиполи

20

ПЕСТРЫЙ МИР

38

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ РОМАН

Алистер МАКЛИН
К югу от мыса Ява

42

АДРЕС

«Инна» :
в туризме
по призванию

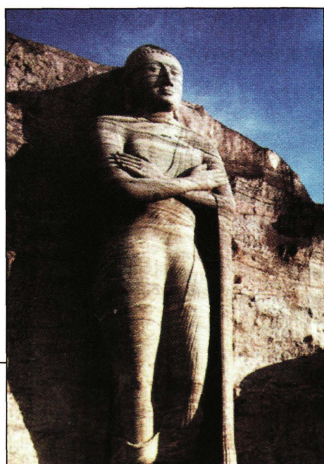
57

Елена СЕРОВА
Вы собираетесь
на светский раут...

62

Погода
в европейских столицах

63

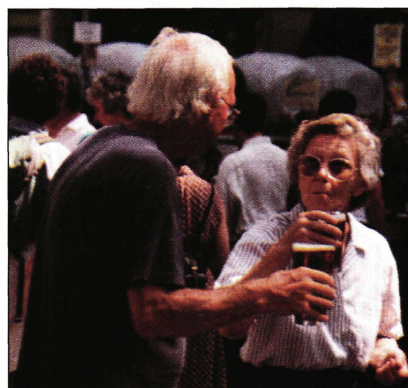
С.10

С.20

С.34

С.52

Подписка:
АО «Агентство подписки и
розницы»
Индекс издания 70142
по каталогу Федерального
управления почтовой связи.

Цена номера
по подписке 6000 руб.

Распространение
оптом и в розницу:
агентство «Инком-пресс»
тел. (095) 195-89-94

Издатель журнала:
АО «Редакция журнала
«Вокруг света»

Совет директоров:

Сергей Житенев

(председатель)

Александр Полещук

(генеральный директор)

Владимир Малютин

Владимир Шилов

Редакционно-издательский совет:

Александр Полещук

(председатель)

Юрий Веденин (зам.

председателя)

Вильям Азар

Владимир Бельтюков

Сергей Житенев

Константин Ильяшевич

Владимир Лебедев

Юрий Мешков

Николай Непомнящий

Татьяна Ташева

Борис Федоров

Лидия Чешкова

Игорь Шабдураулов

Главный редактор
Александр Полещук

Заместители главного редактора
Владимир Лебедев
Вильям Азар

Секретариат:
Николай Непомнящий
(ответственный секретарь)
Людмила Костюкова

Редакторы:
Лидия Чешкова
(ведущий редактор)
Игорь Алчев
Лариса Боброва
Лев Минц
Валерий Орлов
Надир Сафиев
Вера Семенова

Отдел «Адрес»:
Юрий Мешков
Никита Кривцов

Дизайн и верстка:
Владимир Бельтюков
(главный художник)
Ольга Бойко
Алексей Городецкий
Константин Янситов

Заведующая редакцией
Надежда Малиничева
285-89-38

Финансовая группа:
Валентина Зеленина
(главный бухгалтер)
Ирина Евдокимова
Евгения Чубуркова
285-88-09

Менеджеры:
Александр Ребрик
Николай Рогинский
285-80-58

Операторы
компьютерного набора:
Марина Грязнова
Галина Пожидаева
Галина Штуль

Приемная. Справки:
Любовь Андреева
285-88-83

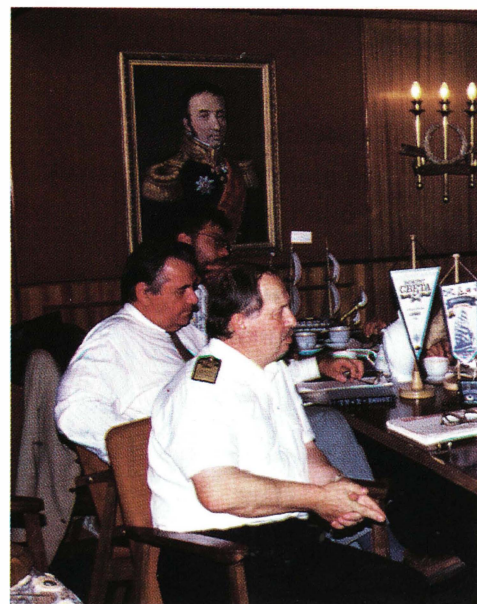
Приложение «Искатель»:
Ответственный редактор
Евгений Кузьмин
285-88-84

Издательский дом
«Вокруг света»:
Генеральный директор
Вячеслав Заворотов
285-89-36

Рекламное агентство
«Вокруг света»:
Генеральный директор
Феликс Тамоян
285-80-79

КАЮТ-КОМПАНИЯ

300-летию
отечественного флота
посвящается
кругосветное плавание
барка «Крузенштерн»

Перед

Организаторы и спонсоры плавания:
Акционерное общество Газпром;

19 августа 1995 года мы впервые проводили нашу «Кают-компанию» не у себя в редакции, как обычно, а на борту именитого четырехмачтового барка «Крузенштерн».

Состоялось это в Санкт-Петербурге. «Крузенштерн» пришел туда, одержав победу в первом этапе самой, пожалуй, престижной международной гонки больших парусников «Катти Сарк», проходившей в Северном море, и успел к открытию международной выставки «Инрыбпром-95», организованной Комитетом Российской Федерации по рыболовству (КРФР), под флагом которого барк ходит уже больше двадцати лет. Наша встреча состоялась в кают-компании барка, украшенной портретами выдающихся русских мореплавателей: Беллинсгаузена, Коцебу, Головнина, Лазарева. Всего собралось человек пятнадцать — журналистов, военных моряков из «Морского кумпанства» и представителей Молодежной морской лиги. Разговор шел о предстоящем кругосветном плавании, в которое барк отправится в конце октября этого года.

УХОДОМ В ОКЕАН

Карты номера выполнены Т.Русиной и Т.Васильевой

Комитет Российской Федерации по рыболовству (судовладелец); Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота; Российское Всероссийский фонд традиций и реликвий отечественного флота «Морское кумпанство»; Молодежная морская лига и другие.

...Капитан «Крузенштерна» Геннадий Коломенский приветствовал участников «Кают-компании» и поблагодарил всех тех, кто занимается организацией и подготовкой кругосветного плавания учебного парусника, посвященного празднованию 300-летия Российского флота.

— Прежде чем мы начнем разговор, — обратился к нам капитан, — я хочу в полный голос объявить приятную новость. Быть может, об этом пока еще не все знают: на днях здесь, на судне, состоялась большая встреча руководителей Комитета по рыболовству и входящих в него подразделений. Встречу проводил председатель комитета Владимир Корельский. Он заявил совершенно определенно: кругосветное плавание барка «Крузенштерн» состоится в оговоренные сроки. Обратного хода нет. Такова обстановка по судну, да и вообще, на сегодняшний день.

Сообщение капитана обрадовало, потому как в процессе подготовки, на последнем этапе возникли проблемы. Они-то и ставили под сомнение кругосветное плавание «Крузенштерна».

Надо сказать, что организация предстоящего плавания проводилась только силами Комитета без привлечения зарубежных спонсорских средств. Но без помощи друзей и партнеров КРФР здесь, у нас в России, было не обойтись. Для снаряжения этой уникальной экспедиции требовался один миллион долларов, не считая огромных рублевых затрат. И в том, что деньги нашлись, следует признать, была немалая заслуга, в частности, Александра Родина, первого заместителя председателя КРФР и руководителя оргкомитета кругосветки. Кстати, он тоже должен был принимать участие в нашей «Кают-компании», но не смог — как раз в это время у него проходили переговоры с зарубежными партнерами КРФР, участниками выставки «Инрыбпром-95»...

Слово взял главный редактор «Вокруг света» Александр Полещук:

— Понятно, для чего раньше совершались кругосветные плавания. Вот что писал русский флотоводец Степан Макаров: «Имена незабвенных исследователей: Крузенштерна, Лисянского, Сарычева, Голловина, Коцебу, Беллинсгаузена, Врангеля и Литке перейдут в грядущее поколение. На утлых кораблях совершали наши ученые моряки свои смелые путешествия и, пересекая океаны по разным направлениям, отыскивали и изучали новые, еще неизученные страны. Описи и съемки, которые они сделали, и по сие время служат для руководства мореплавателям, и замечания и наставления их цитируются лояциями всех наций...» А современному человеку, может быть, не совсем ясно, зачем «Крузенштерн» идет в кругосветку. Другое дело — какой-нибудь отважный яхтсмен-одиночка хочет обогнуть земной шар, чтобы добиться чисто спортивного достижения, поставить некий рекорд — словом, самоутвердиться...

В разговор включился адмирал Василий Панин, председатель правления Всероссийского фонда традиций и реликвий Отечественного флота «Морское кумпанство»:

— В самом деле, минули столетия, другим стал мир, другими стали ко-

рабли, а вот океан остался для моряков таким же опасным и непредсказуемым, как и сотни лет назад. И маршрут, проложенный капитаном Коломенским, в мировой практике мореплавания считается сложным. Возьмем хотя бы мыс Горн. Преодоление его парусниками во все времена отмечалось как знаменательное событие.

Предполагается, что «Крузенштерн» посетит порты четырнадцати стран. И я думаю, мы вправе показать миру, что российские моряки, несмотря ни на что, могут содержать большие парусники и пускаться в смелые, дерзкие плавания... Потом, во время кругосветки, помимо практического обучения курсантов, будут решаться и чисто научные задачи. Так, в экспедиции должны принять участие ученые из Российской Академии наук — океанологи, гидрологи, ихтиологи, экологи... Что же касается «Морского кумпанства», цель наша в том, чтобы привлечь к участию в этой глобальной акции российских военно-морских атташе в портах тех стран, куда, согласно рейсовому расписанию, будет заходить «Крузенштерн». Иначе говоря, наша цель — сделать так, чтобы о знаменательной для всех нас дате, 300-летию Российского флота, узнало как можно больше людей за рубежом...

— И еще, — добавил Сергей Вьюгин, президент Молодежной морской лиги, — о самом существенном. Кругосветка — это часть, точнее продолжение программы подготовки молодых кадров отечественного флота, к которой Геннадий Коломенский, как капитан флагмана российских парусников, имеет самое прямое отношение.

— Такая программа, как я понимаю, дело действительно необходимое, — продолжил заданную тему Александр Полещук. И, обращаясь уже к Геннадию Коломенскому, сказал: — Встает, однако, еще один вопрос: зачем будущим морякам учиться ходить под парусами в наши-то дни, когда в их распоряжении суперсовременные корабли, оснащенные, что называется, по последнему слову техники?

— Это традиционный вопрос... — ответил капитан. — В самом деле, сегодня нужда в парусниках, казалось бы, отпала. В наши дни можно ходить на каких угодно судах. Но получается, однако, странная штука. Сколь бы стремительно ни развивался флот, число морских катастроф ничуть не уменьшается. И это — несмотря на наличие на борту судов электронных средств управления, компьютерных навигационных спутниковых систем. В чем же причина? — вправе спросить любой из вас. Все очень просто: моряки на современных судах настолько привыкают к тому, что за них все работает как бы само собой, что, когда, не дай Бог, возникает сложная критическая ситуация, они далеко не всегда бывают готовы справиться с трудностями. Они пасуют. Иное дело, когда будущий моряк проходит практику на парусном судне. Здесь все приходится делать своими руками. Если надо — лезешь на головкоуружательную высоту, чтобы, к примеру, убрать или поставить бом-брамсель — самый верхний парус на мачте. А это добрых полсотни метров, и все вверх. Даже если

судно стоит, попробуйте-ка взобраться на эдакую высоту. А теперь представьте — вы в открытом море, да еще ревет ветер... Помню, идем мы во время Трансатлантической регаты «Колумбус-92» по Атлантике. Шторм — 8-9 баллов. Идем, значит, бакштагом¹. И вот ночью я посылаю курсантов убирать верхние паруса. А утром — ставить снова... И такое часто бывает — когда парусные авралы следуют один за другим. Так было, к примеру, и на последней «Катти Сарк»², где мы и правда отличились. На постановку всех парусов — а их на «Крузенштерне» тридцать один, общей площадью четыре тысячи квадратных метров, — у нас ушло 2 минуты 40 секунд, ни больше ни меньше. Для четырехмачтового барка это — рекорд. Вообще, чтобы выполнить эдакую работу, нужно как минимум 120 человек команды, при том, что на каждую мачту одновременно поднимаются 30 человек. Так что предстоящая кругосветка станет для курсантов такой школой, что лучше просто не найти...

Воспользовавшись паузой, я спросил капитана:

— Геннадий Васильевич, как выбирался маршрут кругосветки?

— Вариантов было много, — вздохнул капитан, видно, вспомнив, сколько сил, энергии отдал он, когда отстаивал свою точку зрения: — Лично я предлагал совершить кругосветное плавание, что называется, в чистом виде — без захода во Владивосток, где предполагается произвести смену курсантов. В таком случае мы должны были бы, выйдя из Балтики и пройдя Северное море, двинуться на юг через Атлантику, обогнуть мыс Доброй Надежды, пересечь Индийский океан, зайти в Австралию и Новую Зеландию, пересечь южную часть Тихого океана,

¹Б а к ш т а г — курс парусного судна при попутно-боковом ветре, когда угол между продольной осью судна и направлением ветра составляет больше 90 и меньше 180 градусов.

²Подробный рассказ о том, как проходила эта гонка, мы планируем опубликовать в одном из ближайших номеров журнала.

затем пройти мыс Горн — и снова пойти по Атлантике, только в обратном направлении, зайти в Европу и наконец вернуться в Балтику. Это был бы самый быстрый и классический вариант пути парусного судна вокруг земного шара.

Выдвигались и другие предложения, причем самые разные. Нам, например, предлагали максимально приблизиться к маршруту Ивана Федоровича Крузенштерна. Но осуществить такой проект было бы практически невозможно.

— Почему?

— Да просто потому, что Иван Федорович плавал три года, а мы должны будем уложиться в десять месяцев. Да и средств, в смысле — денег, понадобилось бы столько, что и не сосчитать. Потом, судовладелец — Калининградская Балтийская академия — настаивала на том, чтобы смену курсантов обязательно произвести во Владивостоке, — так, дескать, дешевле.

— Ну а вы?

— А я предлагал курсантов менять в Австралии, — доставка практикантов туда обошлась бы не дороже, чем заход парусника во Владивосток. Иначе сроки плавания увеличиваются аж на два месяца, потому что это довольно приличный крюк. Сначала, вообще, хотели направить барк в Петропавловск-Камчатский — точно по маршруту Крузенштерна. Но в марте — а мы должны быть там весной — в тех водах тяжелая ледовая обстановка. И, чтобы не рисковать судном, решили вернуть его во Владивосток.

Поскольку настоящее кругосветное плавание предполагает непрерывный заход в Австралию, стало быть, в обратном пути — уже из Владивостока — нам предстоит сделать еще один большой крюк, чтобы зайти во Фримантл — на юго-западное побережье Австралии. А мыс Горн будем огибать в декабре-январе — когда в Южном полушарии установится лето. Для этого нам нужно выйти из Балтики в конце октября-начале ноября, никак не позже.

— Какие этапы маршрута самые сложные?

— Их будет много, особенно если учесть постоянную смену времен года и связанные с этим изменения метеословесий. Сначала придется выдержать сильнейшие осенние штормы в Балтике и Северном море. Дальше нас ждут так называемые конские широты — предтропическая зона, где во все времена года ветра почти не бывает, — а нам идти под парусами. Потом, конечно же, грозные пятидесятые, ревушие сороковые и мыс Горн. Впрочем, о том, что такое мыс Горн, лучше всех нас, пожалуй, знает Олег Седов, мой старший помощник. Пусть он и расскажет.

Взгляды присутствующих обратились к старпому — до сих пор он сидел незаметно в сторонке.

— Если честно, нам бы проскочить этот участок как можно быстрее, — сказал он. — Однажды я проходил мыс Горн — на эстонском рефрижераторе «Перунарский залив». Было это осенью, в середине семидесятых. Штурмовали мы этот самый мыс целых две недели. Хотя, в сущности, стояли на месте. Туман — ничего не видно. Ветер — 28-30 метров в секунду, а то и больше. Судов рядом много, все гудят — не поймешь, что творится вокруг.

Потом, там почти всегда штормит — волнение порядка восьми-девяти баллов. В общем, все это напоминает страшную толчею: тебя крутит, вертит, бросает в разные стороны... Ветер налетает с одного направления, а волна бьет совершенно с другого — жуткое, неприятное ощущение. Мы тогда шли в Перу — в Кальяо. А обратно уже возвращались через Панамский канал.

— Да уж, — говорит Геннадий Васильевич, — мыс Горн есть мыс Горн... В Тихом океане тоже всякое может быть... А по выходе из Владивостока сложный участок — малайзийские моря, проливы и острова: там просто негде развернуться, да и ветер встречный — до самой Австралии. И в довершение всего — мыс Доброй Надежды. Снова коварное место...

В общем, за все плавание мы пройдем 39,412 непростых морских миль. Общая продолжительность рейса составит 302 суток, а длительность стоянок в иностранных портах — 52 суток. На заход во Владивосток уйдет по меньшей мере дней восемь — для пополнения запасов и смены курсантов. Непосредственно в море будем находиться 242 суток. Среднесуточная скорость перехода — 163 мили в сутки, то есть 6,8 узла, при том, что большую часть маршрута мы пройдем под парусами. Первый этап, от Калининграда до Владивостока, составит 153 суток, второй, от Владивостока до Санкт-Петербурга, — 141 сутки.

Что касается стоянок в иностранных портах, у нас есть своя программа: мы покажем барк всем желающим, расскажем его славную историю... Подобный опыт у нас, моряков, есть.

— Кстати, об истории, — позволил себе заметить я, уловив мгновение. — Геннадий Васильевич, ведь барк не молод — он пребывает уже в преклонном возрасте.

— Расскажу... — оживился Геннадий Васильевич. — Но только вкратце, потому как подробный рассказ, боюсь, займет не один час.

Прежде всего я должен сказать во всеуслышание, что «Крузенштерн», бывшая «Падуя», — самое лучшее в мире парусное судно. Он был построен в 1926 году в Германии, в Бремерхафене, — на верфи Йона Текленборга. Построечный номер — 408, он закреплен снаружи штурманской рубки. Что же он означает? А то, что «Падуя» была последним крупным, чисто грузовым железным парусником из плеяды так называемых «Летучих «П», или «винджаммеров», буквально «выжимателей ветра», — кораблей, названия которых начинались на букву «П». Среди них были такие известные парусники, как «Поммерн», «Памир», «Парма», «Пассат», «Пекин» и другие — все они принадлежали немецкому судовладельцу Фердинанду Лайошу. Однако ни один из них не обладает такой исторической ценностью, как «Падуя» — нынешний «Крузенштерн». Ихных уж нет. А другие далеке: «Пассат» стоит на приколе в Травемюнде, «Пекин» — в Нью-Йорке. А «Крузенштерн», пройдя в прямом смысле огонь и воду, живет и работает. И еще послужит. Ведь за семьдесят лет корпус его износился всего лишь на 0,8 десятых процента.

До второй мировой войны «Падуя» считалась самым быстроходным па-

русником — почти каждый его рейс был кругосветным. Например, в 1935 году она совершила переход из Европы в Австралию за 65 суток, при том, что шла только под парусами, потому что двигателей у нее тогда еще не было. За двадцать лет на «Падуе» сменилось всего лишь пять или шесть капитанов. Фердинанд Лайош набирал на борт практикантов. Только, в отличие от современных курсантов, они платили деньги за обучение морскому делу: первые полгода — по 80 марок в месяц, потому как были неумеи и их приходилось всему обучать с нуля, а следующие полгода — по 40 марок, когда они обретали кое-какой опыт. В общем, по тем временам это были немалые деньги.

В годы войны «Падуя» стояла сначала в Киле — там с нее сняли рангоут и такелаж и стали использовать как несамостоятельную баржу для перевозки военных грузов из Германии в Ригу и Таллин.

После войны, когда страны-победительницы по условиям репарации делили между собой корабли немецкого флота, «Падуя» досталась по жребию Советскому Союзу и перешла в ведение Военно-морского флота СССР, где ее переименовали в «Крузенштерн». Затем барк перевели в польский порт Свиноуйсьце — там его отремонтировали, переоборудовали и доставили в Кронштадт, уже с рангоутом и такелажем. Так Россия стала обладательницей одного из крупнейших парусников в мире — до этого подобных парусных кораблей у нее никогда не было.

Первое время «Крузенштерн» служил школой подготовки младших офицеров ВМФ. А в 1956 году, после первого пробного плавания, было решено переоборудовать барк в специальное военное океанографическое судно...

Со временем, когда на Военно-морском флоте надобность в паруснике отпала, было принято решение списать «Крузенштерн», что называется, на свалку — на металллом. И вот тут-то барк в прямом смысле спас бывший командир «Седова» — этот барк, кстати, тоже достался СССР по репарации — Петр Митрофанов. Он нашел поддержку у тогдашнего министра рыбного хозяйства СССР Ишкова — и тот принял «Крузенштерн» на баланс Минрыбхоза. А затем, в 1969 году, барк снова стал на переоборудование — на Кронштадский завод — и простоял там до 1973 года. Там-то барк и был перестроен под учебное парусное судно для проведения морской практики курсантов высших и средних мореходных училищ Минрыбхоза. С тех самых пор «Крузенштерн» ходит под флагом рыбаков...

Начиная с 1974 года барк регулярно участвует в мероприятиях, проводимых Международной ассоциацией учебных парусников — больших трансатлантических регатах и гонках типа «Катти Сарк». Не могу не сказать, что последние годы барк действительно занимается там только первые места.

— Этим он, должно быть, и снискал себе мировую славу?

— Ну, это уж вы хватили, — улыбается капитан в ответ на мой вопрос. — Пока что барк хорошо знают только в Европе и Америке. У нас в России — более или менее. В основном, по слухам. Вот пройдем достойно кругосветку, тогда уж точно — о нас узнает весь мир.

— Кстати, о слухах — они имеют прямое отношение к истории барка, —

А ПОТОМ БЫЛА БАЛТИКА...

припоминаю я. — Говорят, будто однажды вам, то есть «Крузенштерну», оказала почести сама королева Великобритании?

— Вот именно — говорят, — смеется Геннадий Васильевич. — На самом деле это мы оказали ей высочайшую честь, а не она нам.

— Каким же образом?

— Это было в восемьдесят четвертом в Ливерпуле, — вспоминает капитан. — Мы пришли туда прямо из Канады, одержав победу в Трансатлантической гонке, чтобы участвовать в параде больших парусников, который, по традиции, должна была принимать английская королева с борта яхты «Британия».

Королева, сами понимаете, есть королева — и приветствовать ее следует подобающим образом, что и предстояло сделать капитанам парусников, участвовавших в параде. Так уж вышло, что «Крузенштерн», вместо того, чтобы, как победитель гонки, идти впереди всех, замыкая строй своих собратьев... Парад длился часа три или четыре. И члены королевского семейства там, на «Британии», надо полагать, подустали от одинаковых приветствий — гудков сирен, боя рынд, подъемов-спусков флагов — и собрались было покинуть верхнюю палубу. А я между тем все ломал себе голову: ну как же нам отличиться от других кораблей? И наконец придумал...

Когда «Крузенштерн» поравнялся с «Британией», я приказал палубной команде разом належ на лебедки и опустить верхние — бом-брам-реи, вместе с парусами. Опустить — и снова поднять. И так несколько раз подряд. Согласно старой морской традиции, это была самая высокая честь, которую капитаны, в частности, английских парусников когда-либо оказывали своим монархам. Правда, сегодня об этом помнят далеко не все капитаны. А Елизавета, оказалось, помнила — и оценила такой знак внимания по достоинству. На «Британии» все тут же забегали, засуетились. Придворные вызвали оркестр, который к тому времени уже успел уйти с верхней палубы, — и тут грянул наш гимн... Об этом случае потом писали многие английские газеты. Так мы прославились на всю Англию.

— Геннадий Васильевич, — задаю свой последний вопрос, — а вы-то сами когда впервые ступили на борт «Крузенштерна»? Когда стали капитаном этого парусника?

— В октябре шестьдесят девятого я пришел на «Крузенштерн» матросом 1 класса. И с тех пор не покидал барк — только вот совершил несколько рейсов на «Седове». Затем поступил в мореходное училище. Закончил его в семьдесят третьем — в тот год «Крузенштерн» как раз вышел из ремонта, и я стал четвертым помощником капитана. Потом — вторым, дальше — старшим... И в сентябре 1979 года вышел в свой первый рейс капитаном — то есть через десять лет после того, как впервые ступил на борт «Крузенштерна»...

Итак, в конце октября этого года «Крузенштерн» уходит в свой 63-й рейс — в плавание через три океана. Что ж, удачи всем нам, капитан! Попутного ветра и семь футов под килем!

Разговор в кают-компании записал Игорь АЛЧЕЕВ

Солнечно и ветрено. В общем, то, что надо! «Крузенштерн» на двигателях, вышел из Финского залива и взял курс на запад — на Калининград.

Оглушительная трель сирены нарушила полуденную тишину, затаившуюся в кубриках и других внутренних помещениях и отсеках барка. По корабельным громкоговорителям прозвучал бесстрастный, как будто пропущенный через модулятор голос старшего помощника: «Парусный аврал! Парусный аврал!.. Приготовиться к постановке парусов!..»

На барке тотчас же все приходит в движение. К мачтам — фоку, первому и второму гротам, к бизани — бегут курсанты в робах, а следом за ними какие-то юнцы, одетые кто во что горазд. Эти мальчишки — участники второго этапа организованного Молодежной морской лигой (ММЛ) конкурсного отбора юнг в предстоящее кругосветное плавание «Крузенштерна». Их на борту ровно двадцать пять человек; они прибыли на барк в Санкт-Петербурге, из разных городов и областей России, из Украины, Белоруссии и Эстонии. Из их числа строгая судейская комиссия отберет восемнадцать человек, самых достойных, которых потом поделают на две группы — на первый и второй этапы кругосветки, и они станут юнгами.

В составе судейской комиссии люди многоопытные в морском деле: контр-адмирал Игорь Петров, профессор, кандидат исторических наук; директор Нарвского клуба юных моряков, штурман дальнего плавания Вадим Тренин; вице-президент ММЛ Юрий Игонин. А также капитан барка Геннадий Коломенский и старший помощник Олег Седов...

Быстро разбившись на четверки у каждой из мачт, конкурсанты внимательно выслушивают наставления боцманов — и вперед, вслед за матросами из штатной команды барка и курсантами-практикантами — к лебедке, горденям, шкотам и фалам.

Еще пару дней назад там, в Питере, эти мальчишки — некоторым из них впервые предстояло выйти в море — глядели на барк во все глаза. И вот они уже на палубе бойко травят шкоты, крутят рукоятки огромных марсафальных лебедок, выбирают гитовы и гордени — строго по командам боцманов. Вернее, помогают работать основной палубной команде. Потому как они еще даже и не юнги — юнгами им только предстоит стать, — а подручные у мастеров морского дела. Но работают они усердно — стараются, сосредоточив внимание лишь на том, что происходит над головой: как расправляются и взбухают, наполняясь ветром, шесть гро-

мадин прямых парусов — нижний и верхний фор-марсели на фоке, нижние и верхние грот-марсели на обоих гротах, и как ползут все выше косые паруса — кливер над бушпритом, фор-стенг-стаксель над баком, оба грот-стенг-стакселя между двумя гротами и апсель между вторым гротом и бизанью.

Нет, будущие юнги пока не побегут по вантам на головокружильную высоту и не будут, стоя на пертах — стальных тросах, ставить и убирать паруса на огромных, многотонных реях. Хотя, впрочем, вчера в Финском заливе, в спокойную погоду они уже поднимались по вантам под присмотром матросов, но только до марсовой площадки...

Мальчишкам, получившим первое морское крещение, предстоит теперь показать свои познания в истории парусного флота и географических открытий, а также в устройстве парусного судна. Они должны будут определять координаты барка с помощью секстана; быстро и грамотно вязать сложные морские узлы, называя при этом предназначение каждого из них.

Дальше их ждет спортивный конкурс с эстафетой — под чисто олимпийским девизом «Citius, altius, fortius!» («Быстрее, выше, сильнее!»); кто больше подтянется на перекладине и отожмет пудовую гирию; кто скорее пробежит вверх-вниз по трапам с десятикилограммовым плетеным кранцем; кто ловчее бросит швартов в специальный круг и поднимется по условному шторм-трапу.

А в перерывах между классными и палубными занятиями и экзаменами они несли вахты у громадного двойного штурвала, рядом с курсантами, а если выпадало стоять впередсмотрящим у рынды, перед бушпритом, то приходилось и отбивать склянки; драить палубу, работать на камбузе... И так в течение четырех суток, что длился переход «Крузенштерна» по Балтике, — и днем, и ночью...

Наконец, в предпоследний день, когда прямо по курсу показался Балтийск, расположенный при входе в Калининградский залив, судейская комиссия вынесла решение — восемнадцать мальчишек отправятся юнгами в кругосветку. И в их числе — семнадцатилетний студент первого курса Санкт-Петербургского гидрометеорологического института Александр Прищепов, прямой потомок первого русского кругосветного мореплавателя Ивана Крузенштерна.

Игорь АЛЧЕЕВ и Юрий МАСЛЯЕВ
(фото), специальные корреспонденты
«Вокруг света» на борту
«Крузенштерна»

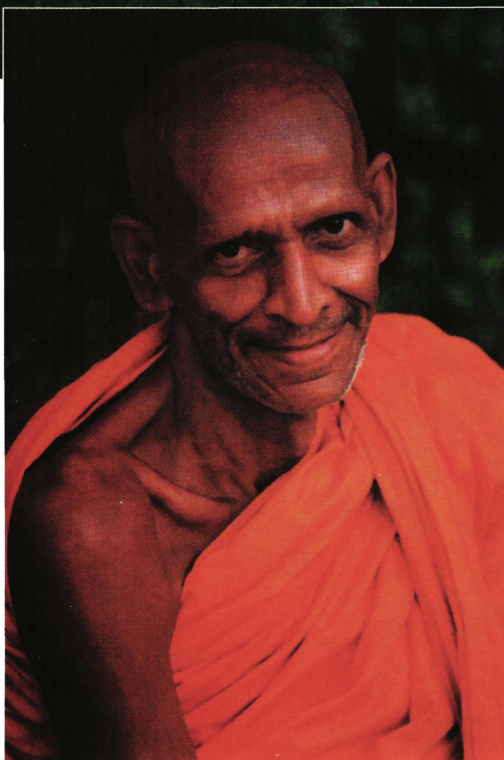

В жизни будущих юнг то был первый парусный аврал. С каким восторгом следили они за курсантами, стремительно бегущими вверх по вантам. С каким усердием помогали палубной команде! И с каким вдохновением пели под гитару морские песни — потом, после аврала... Ну а что до старшего боцмана, Сергея Забобона, то он привык отдавать команды из любого положения.

САМОЦВЕТЫ «ЛЬВИНОГО ОСТРОВА»

Все, кто побывал на этом острове, восхищались им: и венецианский путешественник Марко Поло, и классик индийской литературы Рабиндранат Тагор, назвавший его «жемчужиной Индийского океана». Наш Антон Павлович Чехов тоже был в восторге от «райского уголка». Сейчас у него весьма благозвучное название — «Шри Ланка», что значит на санскрите «Благословенная земля». А при англичанах остров называли «Силон», по-русски «Цейлон», — это искаженное «Сингхала» — «Остров львов». Дело в том, что индоевропейцы-сингалы, составляющие основное население Шри Ланки, пришли сюда с севера Индии в середине I тысячелетия до н.э. Их возглавлял, как свидетельствуют сингальские хроники «Дипаванса» и «Махаванса», царевич Виджайя из рода Львов («сингха»). Точнее, он был внуком льва, а его отца, удельного князя Сингхбаху, воспитала львица.

ОКЕАНСКОЕ САФАРИ АРТУРА КЛАРКА

В. ЛЕБЕДЕВ,
наш спец. корр.
Фото автора и
В. ЗАВОРОТОВА

Проснувшись на широченной, почти королевской кровати под баддахином, я встал и, накинув на плечи белейший халат, раздвинул тяжелые шторы и вышел на балкон. Порыв вялого ветра обдал душой и влагой. Передо мной во всю ширь горизонта под тяжелыми, набухшими дождем тучами катились серые валы, разбиваясь с грохотом и брызгами у подножия растрепанных пальм. Время муссонных дождей. Что ж, не сезон, так не сезон, зато мы оказались в полупустом отеле, в люксе. Правда, не удастся поплавать в голубых волнах Индийского океана, поваляться под солнышком на песочке, а все равно в душе что-то пело и играло, было предчувствие чего-то неожиданного и радостного.

фирмой и договоримся, — успокоил нас Абеи и открыл дверцу машины.

Он сам предложил называть его коротко — «Абеи», что значит «добрый». Таким он с нами и был во время всего путешествия по Шри Ланке — терпеливым, предупредительным, очень веселым и, конечно, добрым.

Еще вчера вечером с балкона отеля «Галадари» мы видели мощный, яркий луч вращающегося прожектора, который указывает путь кораблям со всего света в старейший порт острова. Искусственную гавань с волнорезами, доками, причалами соорудили еще англичане в 1885 году. Отсюда было удобно перевозить чай с многочисленных плантаций, фрукты, кокосовое масло по морским путям к уже открытому Суэцкому каналу.

В сам порт заезжать не стали, а поехали через район деловых кварталов — страховые конторы, крупные компании, банки здесь соседствуют с

В гости к сингалам, «Львам подобным», нас с коллегой Вячеславом Заворотовым пригласил «Альбионтур» (с рекламой этой фирмы вы можете познакомиться на второй обложке журнала), а на Шри Ланке радушную встречу устроила местная компания «Джордж Стюарт», владеющая чайными плантациями на острове еще с прошлого века. Турагентство этой компании не только предоставило нам возможность побывать в древних городах острова, в старой столице горного края Канди, в храме Зуба Будды, но и увидеть, как добывают драгоценные камни. В исторических хрониках Шри Ланку еще называют «Ратнадвила», то есть «Остров самоцветов». Теперь, когда вспоминаешь это путешествие, множество встреч, древние памятники, — кажется, что перед глазами переливаются все самоцветы острова.

Может быть, оттого, что вчера поздно вечером на фуршет у Джорджа Диркса, председателя правления компании «Джордж Стюарт», менеджер по туризму Лаки Фернандо пообещал нам устроить встречу со знаменитым английским фантастом Артуром Кларком. Хозяин дома показал старый путеводитель по Шри Ланке, эпиграфом к которому были взяты слова Кларка: «Я прибыл на Цейлон в 1956 году, намереваясь пробыть здесь шесть месяцев и написать книгу об исследованиях прибрежного подводного мира. Прошло четырнадцать лет (теперь почти сорок лет — В.Л.), уже вышло в свет двадцать моих книг, а я все еще здесь и надеюсь остаться тут до конца моих дней».

Первый мой вопрос к нашему сопровождающему Абеисандере, который уже ждал около отеля, был, конечно же, о намеченном визите:

— Когда поедем к Кларку?

— Подождите, подождите. Немного посмотрим город, созвонимся с нашей

фирменными ювелирными магазинами и отелями, размещенными в добротных зданиях европейской архитектуры. Машина притормозила у отеля «Тапробана», где раньше была небольшая гостиница, привлекавшая всех русских, заезжавших в Коломбо, тем, что здесь в 1890 году останавливался Чехов, возвращавшийся с Сахалина. Ему было тогда всего тридцать лет — пора творческой зрелости, он провел среди яркой природы Цейлона несколько дней, но ничего не написал о нем. Зато закончил здесь рукопись известного рассказа «Гусев». Может быть, это судьба русских писателей и поэтов (стоит назвать еще лишь имя великого Ивана Бунина) — вдали от родины вспоминать Россию и писать о ней...

Абеи пояснил, что район деловых кварталов до сих пор носит старинное название «Форт». Он даже показал каменную глыбу, на которой можно разглядеть герб португальского короля; эта глыба — остатки прежней высокой стены, которая когда-то опоясывала

военную крепость, сторожившую вход в гавань. Сейчас следы этой грозной крепости можно отыскать лишь с трудом, и нет уже на Шри Ланке ни португальцев, ни голландцев, ни англичан. Хотя следы их пребывания остались и, в частности, в именах сингалов: Риджуэй Уэст Диас...

Заметив, что мы беспокоило поглядываем на часы, Абеи смилостивился:

— Вижу, что вам не до лавочек и магазинов. Экскурсию сокращаем, но поедем через район Петта — «Черный город». Такое название дали ему англичане, чтобы подчеркнуть азиатский характер этих кварталов в отличие от белых, европейских.

Машина с трудом движется по узким улочкам с левосторонним движением. Такую улочку могут перегордить не только двухэтажные автобусы, но и двухколесные деревенские повозки, запряженные волами. Чем только не торгуют здесь магазинчики и совсем маленькие лавчонки: пестрыми

Во-первых, я там живу, во-вторых, рядом мой родной шинный завод, на котором я отработал много лет. Вы даже не догадываетесь, что я обучался у вас на Ярославском шинном заводе и чуть не женился на красивой девушке Люде. Мы долго переписывались, и об этом знает моя жена...

— Вот, вот, смотрите, — перебивает он сам себя, — река Келани, на берегу которой стоит известный буддийский храм — второй по значимости после храма Зуба Будды в городе Канди. Чем по-настоящему знаменита Келания, так это тем, что здесь был Будда! Представляете, Келания — одно из трех мест на острове, которые посетил сам Будда?! О, мы уже приехали — улица Сапарамату, дом 14 — этот дом я купил не так давно и переделал все внутри по собственному вкусу.

Мы проезжаем во двор, где в листве деревьев спрятался дом с мансардой. Абеи гладит ствол невысокого дерева с зелеными плодами и спрашивает:

Хозяин выскочил во двор и принес на блюде несколько мохнатых кокосовых орехов.

— Закуска! — провозгласил он.

Орехи очистили от волокон, срубили верхушки, а кокосовое молоко вылили в стаканы.

— Рассол, — объявил весьма преуспевающий в русском языке хозяин, проворно доставая из скорлупы белую мякоть.

По вкусу кокос удивительно напоминает орех, особенно если его долго жевать, а по цвету и твердости — капустную кочерыжку.

— Хороши кокосовые пальмы на участке моей жены, — с довольным видом произнес Абеи, — и там же, рядом грядки с ананасами. Попробуйте вот эти ломтики...

В этот момент, когда мы поднимали бокалы, раздался, как всегда некстати, звонок радиотелефона. Абеи живо схватил трубку.

— Слушает Абеи, гид и переводчик, — важно произнес он. — Что? Кларк ждет в три часа? О'кей! Едем! Ребята, допивайте, и в путь, — это уже к нам.

Через полчаса мы уже ехали по тенистым улицам пригорода Коломбо, где за деревьями прятались особняки зажиточных горожан. У металлической ограды одного из особняков на каменном столбе замечаем медную дощечку с надписью: «Леслис-хауз, 25». Подводное сафари. Артур С.Кларк», а ниже — более мелкими буквами: «Гектор Эканаяке». У ворот нас встретил смуглый усатый мужчина пиратского вида — это и был Гектор. Он представился как компаньон и управляющий Кларка и препоручил нас заботам подвижной стройной шатенки Валерии, своей жены. Она пригласила всех в кабинет писателя. Когда мы вошли в уютный, заросший плющом и цветами дворик, навстречу из дверей веранды, чуть не бив нас с ног, выкатилась орава хохочущих ребятишек.

— Мелинда! Тамара! Сейчас же успокойтесь! — прикрикнула Валерия, и, обернувшись к нам, сказала: — Теперь вы знакомы со всей моей семьей, мужа я встретила, приехав сюда из Австралии на подводную охоту, и вот у меня уже растут три дочери-цейлонки.

Мы несколько замаялись у темной деревянной двери, но Валерия смело открыла ее:

— Журналисты из Москвы.

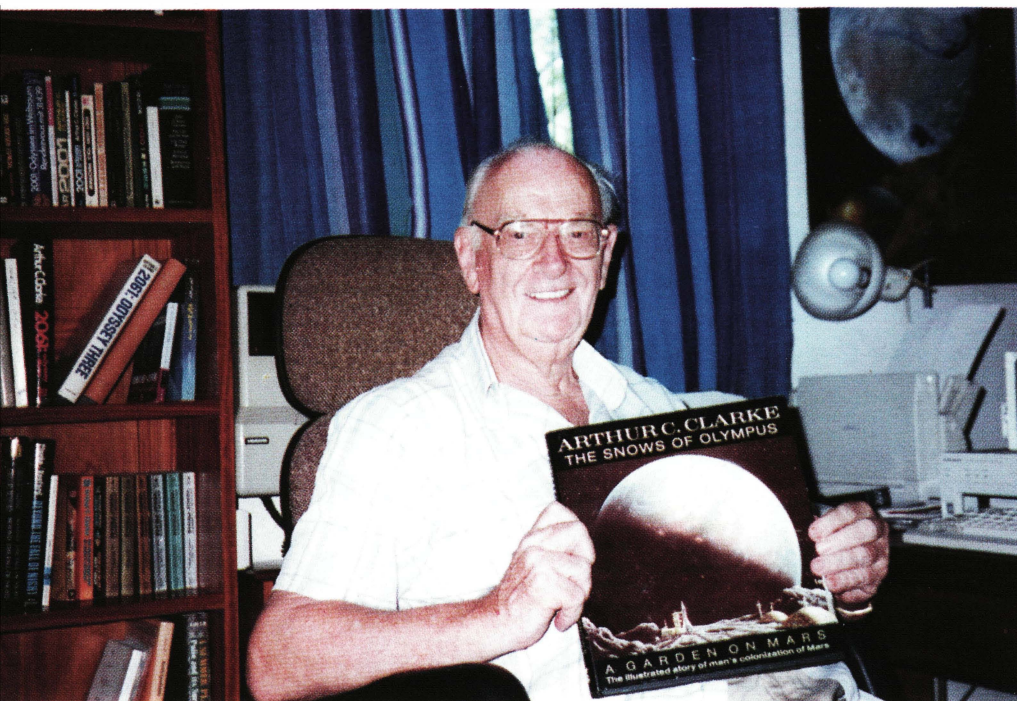
Кларк сидел за большим столом у компьютера и отбирал какие-то дискеты, доставая их с полки.

Не вставая, он пожал нам руки и сразу же задал вопрос:

— О, как там поживают мои друзья Базиль Захарченко и Алексей Леонов?

Василий Захарченко, будучи в свое время главным редактором журнала «Техника — молодежи», опубликовал нашумевший у нас роман Кларка «Одиссея 2001 года», в романе космонавт Леонов был изображен как капитан команды космического корабля, в составе которой действовали герои с фамилиями советских диссидентов.

Пока Артур Кларк показывал книгу Юрия Гагарина «Дорога в космос» с надписью автора: «В память о 1-м космическом полете и посещении Цейлона», свои снимки с космонавтами, я

тканями, овощами, прямо на тротуарчиках лежат груды кокосовые орехи и ананасы. Рядом харчевни, где на очагах готовят острые — даже на запах — кушанья.

От этих заманчивых запахов у нас разыгрался аппетит, и чуткий Абеи сказал шоферу Лайне, седому, добродушному человеку:

— Все, поворачиваем к моему дому, тем более, что я забыл радиотелефон. — И, обернувшись к нам, добавил: — Там и перекусим. Согласны?

Радиотелефон, которым Абеи очень гордился, он приобрел недавно (стационарный телефон установить в столице очень трудно и дорого). Позвонить же для уточнения времени визита к Кларку нам было неоткуда, да и очень хотелось взглянуть домой к коренному сингалу. Абеи уже покорила нас своей способностью по любому случаю припомнить что-либо интересное или забавное из истории острова.

— Едем на восток, в пригород Келания — это очень знаменитое место.

— Вы знаете, откуда произошло название нашей столицы? Согласно легенде, около португальского форта на месте столицы росло манговое дерево, вот такое же, как в моем дворе. А лист мангового дерева называется «калеамбо». Португальцы изменили сингалское название города и стали именовать его «Коломбо», сделав это слово созвучным имени Христофора Колумба, который здесь никогда и не бывал. Ну, пойдёмте в дом.

Пока мы смывали с лиц уличную пыль, миловидная хозяйка расставляла в прохладной гостиной на небольшом столике блюда с рисом и мясом и острые приправы. Я знал из них только карри.

Абеи включил проигрыватель, поставил пластинку с русским романсом и дал мне открыть темную бутылку, похожую по виду на бутылку виски. Но там плескался местный напиток из перебродившего сока пальмовых цветков, у которого было знакомое название «Аррак».

тихонько присматривался к знаменитому фантасту и ученому.

У него худое лицо, пронизательные глаза, серьезно посматривающие на собеседника сквозь стекла массивных очков, водруженных на орлином носу. Обращал на себя внимание высокий купол лба, над которым были тщательно зачесаны редкие седые волосы. Одет по-домашнему и, как говорится, по погоде: голубенькая рубашка в клетку с короткими рукавами да выцветшие шорты защитного цвета. Когда после нашего визита, он медленно, с трудом переставляя босые ноги, ушел из кабинета, я увидел, как он высок и сутул.

Кларку исполнилось 77 лет. Последние годы он сильно болел. Кажется, всю жизнь он был одинок, впрочем, как и многие великие; в Лондоне у него живет сестра. Сейчас его опекают Валерия и Гектор.

Во время беседы писатель как-то по-детски все время посматривал на экран компьютера, где мелькали картинки, изображающие поверхность Марса.

— Это я просто играю, задаю программы компьютеру, иногда в голову приходят новые идеи для моих книг.

На одной из полок кабинета стоит модель первого советского спутника Земли. Нелишне вспомнить, что Кларк, окончив Лондонский королевский колледж, увлекся радио, во время войны был призван в армию, участвовал в создании радарных систем и за несколько лет до запуска спутников высказал идею о возможном использовании будущих спутников для радио- и телепередач. Увлечение космосом отразилось, естественно, и на тематике его книг; затем его герои начали действовать и в глубинах океана.

Не случайно Артур Кларк подарил нашей редакции свою первую книгу о Цейлоне — «Сокровище Большого рифа».

— Я был полон сил, когда приехал на Цейлон, бегал, как мальчик, и плавал не хуже рыбы. Я знал, что к Цейлону многие столетия устремлялись корабли со всего света. И попадали в ловушку, разбиваясь о барьерные рифы, на которых тогда не было маяков. Многие затонувшие корабли поросли кораллами, но осталось еще немало таких, которые стоит очистить от ила и песка и обследовать в поисках интересных находок.

Так с друзьями-подводниками я отправился из рыбацкого поселка Киринды в плавание к рифам Грейт- и Литл-Бэсиз. Здесь всегда можно наткнуться на опасные течения или сильное волнение, что, конечно, затрудняет подводную съемку, но все же нам удалось запечатлеть встречи с муренами и акулами, красоту подводных гротов. Моя книга не случайно называется «Сокровище Большого рифа», так как материалом для нее послужил подъем со дна морского находок с «серебряного» корабля, потерпевшего крушение в позапрошлом веке.

Артур Кларк раскладывает на столе снимки найденных сокровищ и снова обращается к нам:

— Я много писал о варварском расхищении кораллов, которые распродают, как сувениры, туристам, об угрозе для существования рифов морских

звезд, после опустошительных набегов которых остаются безжизненные серые пространства, и призываю ваш журнал тоже бороться за чистоту океана.

Знаете, когда я плавал в прибрежных водах в первые годы моей жизни на Цейлоне, лагуны на юго-запад от острова были полны кораллов, вокруг них кружило множество рыб, не уступавших бабочкам пестротой и яркостью окраски. А сейчас дно похоже на серую пустыню.

Русские люди, Гагарин и Леонов, не побоялись космоса: Юрий первым полетел на космическом корабле, а Алексей вышел в космос; океан также не раскроет своих тайн, если смельчаки не проникнут в его глубины.

Некогда сильная ладонь Кларка слабо жмет мою руку.

Валерия еще показывает нам комнаты, где происходит обучение подводному плаванию — подготовка к океанскому сафари. Кроме замечательных книг Артура Кларка, зовущих покорять глубины космоса и океана, останутся и другие его детища — станция подводного плавания, тут бывают аквалангисты всего мира и смотрят со стометрового утеса Свами-Рок, любимого места Кларка, на безбрежную даль океана, на подводное царство у его подножия. На ветвистые кораллы, которые всегда видны сквозь прозрачную голубизну воды...

БУДДЫ ВЕЛИКИХ РАЗВАЛИН

Такого множества монахов, как в тот день, я нигде и никогда не видел. Мы выехали из Коломбо, и наша машина еле пробиралась в потоке автобусов и грузовиков, маленьких и больших. Они заполнены были бритоголовыми буддийскими монахами в оранжевых одеяниях. Водитель Лайнэ проявлял чудеса ловкости, лавируя среди жарких чудовищ, плюющих в окна вонючими выхлопами газов, не соблюдающих никаких правил езды, но, стоило нам вырваться из очередной заварухи, как бампер машины утыкался в «баракарате» — двухколесную повозку, запряженную волами, или даже в слона. На слоне тоже сидели невозмутимые монахи.

Приходилось делать остановки: мы сворачивали то к плантации ананасов, где Абеи прямо у грядок объяснял, что карибский сорт надо консервировать, а маврикийский, желтый, очень ароматный и сладкий, лучше всего подавать к столу; то любовались задумчивым, в дымке тумана, озером Лотоса в обрамлении скал Слона, Угря и Черпахи.

Но стоило опять возвратиться на шоссе, как мы вновь оказывались в окружении оранжевого монашеского братства. Эта нескончаемая процессия проходила под множеством арок, устроенных над дорогой и увитых желтыми и оранжевыми лентами; над дорогой были протянуты и веревки с трепещущими треугольными флажками тех же цветов.

Это шествие тянулось и по волнистым холмам Полоннарувы — одной из

древнейших столиц острова, цели нашего сегодняшнего путешествия.

— Откуда столько монахов? — спрашиваю я Абеи. — И куда они все направляются?

— Эти монахи едут не только из монастырей и учебных заведений Коломбо и других крупных городов острова, но даже из такого дальнего монастыря, как Урубоку. Туда родители отдают детей для воспитания и расплачиваются за это частью своего урожая: фруктами, овощами, рисом. Монахи служат Будде, а пищу им несут верующие, снабжают всем необходимым, вплоть до одежды и зонтиков. Молодые послушники молятся, постигают буддийские законы, и лучшие из них поступают в высшую духовную школу в Коломбо, — Абеи сделал паузу, вздохнул и осмотрелся вокруг. — Сейчас все они собираются здесь, на месте древней столицы Полоннарувы, почтить память недавно убитого тамилами настоятеля буддийского монастыря. Именно поэтому всюду в знак траура вывешены желтые флажки и ленты. Вы можете меня спросить, почему именно тут? Прежде всего потому, что неподалеку расположен этот монастырь и потому, что сама здешняя земля священна для сингалов.

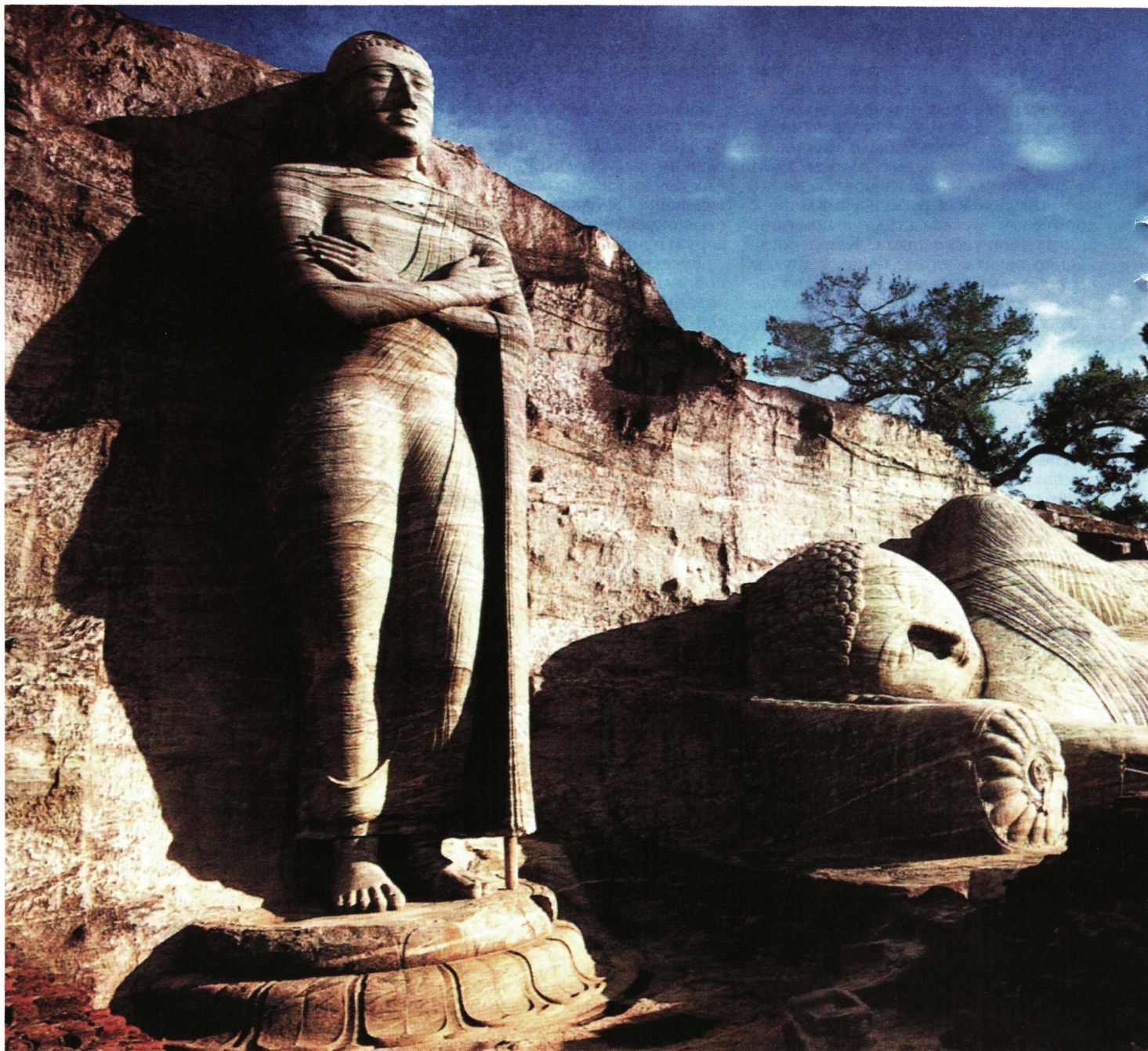
С давних времен тянется вражда сингалов с тамилами, которые прибыли на остров также из Индии, только из Южной, дравидской. И вот, как вы знаете, несмотря на то, что все права тамиллов закреплены в нашей конституции, они вооружаются и не перестают совершать террористические акты. Так был убит настоятель монастыря, один из высших буддийских чинов...

Пока Абеи перечисляет все прегрешения тамиллов, с которыми сингалы никак не могут ужиться уже много веков, я оглядываю плавную линию зеленых холмов, среди которых покоится огромное озеро Паракрама Самудра, внутреннее море острова. Самое интересное, что оно создано руками человека. Это — одно из деяний сингалских царей. Именно они, приняв буддизм, благоустроивали и украшали города государства Раджаратты со столицей Анурадхапура, описание которой осталось у одного из путешественников VII века:

«Золотые зубцы храмов и дворцов блестят на фоне неба; над улицами перекинуты дуги мостов с развевающимиися на них флагами; по бокам улицы усыпаны черным, а посередине белым песком; там и сям стоят вазы с цветами и находятся ниши со статуями, держащими лампы».

Не правда ли, великолепный город? Но и он не устоял под натиском тамиллов. Во второй половине XI века сингальскому царю Виджаябаху I удалось остановить наступление тамильского войска и создать новое государство с центром в Полоннаруве на месте бывшей военной базы, где уже давно находился воинский гарнизон из древнейшей столицы Анурадхапуры, охранявший подступы к берегам реки Махавели.

Но если история Анурадхапуры насчитывала почти полторы тысячи лет, за которые сменилось более сотни правителей, то век новой столицы был

короток — всего два столетия. Ее захватили и разграбили опять-таки тамилы, а затем обосновались в северной части Шри Ланки, на полуострове Джафна.

Развалины Полоннарувы были поглощены джунглями. Потом на следы бывшей столицы наткнулись новые завоеватели острова — португальцы, затем снова времена забвения при голландцах, и лишь в прошлом веке англичане, обнаружив ее, приступили к археологическим раскопкам.

Судьба «Великих развалин», как называют еще Полоннаруву сингалы, была непростой, и не хотелось, чтобы все свелось к обычному осмотру древних камней. Но тут нам необычайно повезло. Абеи показал на несколько строений, спрятавшихся в деревьях у подножия холма, и предложил:

— Хотите посмотреть на здешних резчиков по дереву?

Над входом красовалась надпись, вырезанная на доске: «Нисанта».

Нас не сразу повели в магазин: как журналистам, нам позволили заглянуть под широкий навес. Там на деревянных чурбанах сидели мастера, усердно склонившиеся над грубо сколоченными столами, на которых было разложено великое множество напильников и стамесок — с полукруглыми, прямыми, режущими кромками. От работы станков в воздухе стоял шум, и в косых лучах солнца, пробивавшихся сквозь крышу из пальмовых листьев, плясали мириады сверкающих пылинок. Зажав в тиски деревянные обрубки, мастера пилили, резали, строгали, шлифовали. Все было лишь в саронгах — длинных прямых кусках ткани, обернутых вокруг бедер, как юбки. На обнаженных темных торсах блестят бисеринки пота, лица сосредоточены, мускулистые руки непрерывно движутся...

Через мастерскую проходим прямо в магазинчик. Тут гораздо прохладнее и ощущается запах сандала. Но фигурки слонов, обезьян, носоро-

гов изготавливают и из других пород деревьев: красного и даже хлебного. Скульптуры божеств вырезают в основном из черного, эбенового дерева. Его еще называют королевским. На стенах висят ярко раскрашенные маски, которые должны отгонять злых духов от семейного очага.

И вдруг среди одинаковых фигурок, изображающих сидящего Будду и его сына Ганешу, я замечаю лежащего Будду с удлинённым туловищем.

— А эту скульптурку тоже делал ваш мастер? — обращаюсь я к хозяину, который только что с гордостью нам рассказывал, как создал мастерскую пятнадцать лет назад, собрав из соседних деревень способных подростков, склонных к резьбе по дереву.

— Конечно, позови-ка побыстрее Сарага, — говорит он продавцу.

Буквально через секунду мы уже знакомимся с Сарагой Гунасингой, худеньким юношей с большими сияющими глазами и приветливой улыбкой.

ценные тексты священных буддийских книг держали на верхнем уровне — этаже, где их мог лицезреть царь с членами семьи и его приближенные. На втором уровне постигали буддийские законы монахи, заучивая их наизусть. А на третьем уровне знакомились с обычными «бытовыми», заповедями («не убий, не укради, не возжелай жены ближнего своего») широкая публика.

Мне уже кажется, что в безмолвии руин я слышу шелест свитков и бормотанье человеческих голосов...

Сотни правителей, суровых военачальников победителей просто забыты, до наших дней подчас не дошли даже их имена, а статуя Паракрамабаху I стоит и поныне — лицом к созданной им библиотеке.

Четырехметровая скульптура царя высечена из цельного куска скалы по заказу его любящей супруги. Паракрамабаху I стоит не с жезлом, символом царской власти, не с мечом и щитом,

то аппарата: диаметр ее 72 метра и высота — 33! Эти гигантские сооружения каменной кладки, куполообразной формы, по сути — памятники Будде и его последователям, а также хранилище буддийских реликвий. Но и, конечно, место религиозных обрядов. Например, в этой дагобе, по преданию, имеется вверху малый золотой купол, где хранятся священный пепел и драгоценные украшения — дары верующих.

Наконец я разыскал моих спутников у какого-то многоэтажного сооружения, на руинах которого заливался соловьем наш Абеи:

— Этот семиэтажный царский дворец был окружен рвом, наполненным водой, через который знатные гости переходили по подвесному мосту. Видите лестницу, обрывающуюся прямо в небо? Так вот, она вела в царские покои, которые сторожила перед входом скульптура льва, он — символ нашего острова и сингальского народа. Там,

— Отчего скульптура такая необычная? — спрашиваю я.

— Ну, как сказать, необычная. Она, конечно, отличается от других, но ведь это копия одной из фигур Будд, сохранившихся в развалинах Полоннарувы. Вы что, там еще не были? — удивляется парень. — Могу вас туда провести, мне все равно уже пора домой: я живу в деревне по соседству с развалинами.

Сквозь цепляющиеся за одежду кусты карабкаемся на хорошо сохранившийся фундамент царской библиотеки; колонны ровными рядами уходят в глубину джунглей...

Абеи вместе с молодым мастером рассуждают о том, каким было здание библиотеки: купол над пятидесятиметровыми стенами, пагоды по углам, в нижнем этаже кельи-читальни для простого люда. Мои спутники уходят вперед, а я, стоя у развалин, стараюсь представить как сюда по подъемному мосту, через охранный ров (так оберегали знания в XII веке!) пробирались читатели. Конечно, наиболее драго-

хотя мог бы иметь и обличье воина, так как доблестно отражал нападения врагов и построил вокруг столицы прекрасные фортификационные сооружения. Статуя царя — символ мира и книжной мудрости: его фигура даже изогнулась под бременем знаний, а в руках он держит манускрипт. На нем шапка, одежда брахмана. Усы его и борода почему-то напомнили мне Конфуция.

И ведь во время правления этого царя построена не только библиотека, но и множество интересных зданий. Например, буддийские ступы, похожие на перевернутую пиалу. Название этих характернейших для буддийской архитектуры памятников идет от слова «тхупа» (на священном языке пали), а по-сингальски их зовут «дагоба» (отсюда — наша «пагода»). Первое такое сооружение на острове, возведенное еще в III веке до нашей эры, называли «Тхупарама».

Древняя же дагоба в Полоннаруве еле поместилась в объектив моего фо-

где лестница оканчивалась, находилась площадка для трона. Но всего не перечислишь — во дворце имелась тысяча самых разных покоев. Одними из самых роскошных были помещения гарема. Все это тщательно охраняли вооруженные до зубов воины.

Но сейчас вы можете увидеть и сам гарем, во-он, на втором этаже, и в центре — бассейн, а рядом — баню, где мылись и плескались первые красавицы сингальского царства.

Я слушаю нашего гида и вспоминаю строки из книги «Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского», написанной замечательным ученым-востоковедом И.П.Минаевым после путешествия на Шри Ланку в 1874-1875 годах.

«Все здесь оригинально и свидетельствует о другой эпохе, — сравнивает востоковед памятники Полоннарувы с анурадхапурскими, — когда цейлонцы веровали уже в другое, молились несколько иначе, и самое изящное понимали иначе».

Резчик Сараг выводит нас к главному храму комплекса, где изваяны каменные статуи четырех Будд. Первой, естественно, мы осматриваем Будду Лежащего, копию которого сделал мастер Сараг Гунасинга. Бросается в глаза величина скульптуры — четырнадцать метров — от подушки под головой до подставки в виде лотоса под ногой. От статуи веет покоем и умиротворенностью. Вторая статуя, Будды Стоящего, поменьше — семь метров. Лицо Будды светится от счастья, а руки прижаты к груди в знак величайшей благодарности за то, что он восемь лет сидел, опираясь спиной о ствол дерева. Следующий, Будда Сидящий, пребывает в состоянии медитации. Пятиметровая скульптура изображает Будду в позе йога: ноги, руки скрещены. А наверху пещеры Будда совсем маленький, сидит и глядит на толпящихся внизу людей добрыми глазами.

В этом храме показаны характерные позы Будды: лежащего, стоящего, сидящего. Правда, бывают еще

У ЛАНКИЙСКИХ ГАРИМПЕЙРОС

... Так вот она какая — знаменитая долина Ратнапуры, где в зеленом ложе бежит быстрая Калюганга, а в ее водах, на дне, в берегах скрыты в глине и песке мириады сверкающих брызг.

Пусть уважаемый читатель насладится музыкой многочисленных наименований острова Цейлона, в которых слышен шорох мерцающих самоцветов.

Уже много веков назад к острову устремлялись десятки кораблей искателей морских приключений и легкой добычи. «Поднимать паруса! Курс — на Тапробан!» — командовал греческий капитан. Арабские пираты выкрикивали: «Даешь Серендиб!», а в исторических хрониках, как я уже говорил, он упоминается как Ратнадива — «Остров самоцветов».

В этих же исторических хрониках

дится, естественно, как «город драгоценных камней». Наша машина проезжает его без остановки. Неприметный, в общем-то, городок с обязательным овощным рынком, разве что навстречу попадается много мусульман в белых шапочках: часть из них работает на одной из улиц, состоящей сплошь из лавок скупщиков камней, ювелирных мастерских. Но с этим нас познакомили позже, а сейчас машина вырывается из пыльных улиц городка в долину, сжатую поросшими лесом горами.

Тысячелетиями воды Калюганги вымывали разные минералы из горных пород и разносили их по долине, которая и состоит в основном из наносных глинистых почв. Именно на таких глинистых наносах раскинулась Ратнапура, так что название «города драгоценных камней» он получил, возможно, по этой причине, а не оттого, что там много перекупщиков и ювелирных мастерских. Вот под ними-то, под этими глинами, и находится гравий-иллама, содержащий драгоценные камни, до которого стараются добираться здешние гаримпейрос. (Это название бразильских добытчиков драгоценных камней я употребляю применительно к ланкийским старателям, так как не обнаружил соответствующего слова на сингальском языке.)

Старателей мы заметили сразу, едва машина покатила по дороге, справа от которой лежала пойма реки Калюганги. По всему ее пространству, сколько мог охватить глаз, были разбросаны, словно гигантские грибы, навесы пальмовых листьев.

Машина остановилась — мы приехали на прииск.

Надо признаться, что больше всего меня здесь поразили не глинистая размытая пойма, где еле просматривалась речка, ее рукава и многочисленные ручейки, не шахты, похожие на бразильские, а сами старатели. Даже встречавшиеся мне в Адоле эфиопские золотоискатели выглядели здоровее и опрятнее.

Да, здешние старатели действительно всем своим обликом напоминали бразильских гаримпейрос. Оборосшие, оборванные, они были похожи на бродяг. На худых телах с вытирающими ребрами подчас, кроме трусов или набедренных повязок, ничего не было. Лишь на бригадирах или молодых парнях красовались майки с экзотическими рисунками. Тощие голые ноги покрыты до колен, а то и до бедер, коркой засохшего ила, виднелись шрамы и не заживающие от сырости язвы.

Шустрый парень подошел к дороге и протянул мне руку, чтобы помочь перепрыгнуть через канаву. Ходить по пойме можно было далеко не всюду, а лишь по тропам, выложенным камнями и стволами деревьев. Неосторожный шаг вправо или влево — и ты проваливаешься по пояс в бурую, зловонную жижу.

Перескакивая с кочки на кочку, обходя темные окна промоин, мы приблизились, наконец, к одной из шахт.

Некоторые из них точнее было бы именовать шурфами: они мелкие, мет-

изображения Будды, сидящего и касающегося ладонью матери-земли, как бы черпающего от нее силу.

Молодой мастер, вырезавший нетрадиционную фигурку Будды, говорит, что хочет учиться дальше, чтобы стать настоящим скульптором; он провожает нас вдоль берега гигантского водоема, по берегам которого кипит жизнь. Идет стирка, на камнях сохнут разноцветные полотнища тканей: красные, желтые, синие пятна виднеются далеко-далеко. Купается стайками молодежь — девушки и юноши отдельно, причем не снимая с себя всей одежды: кто в рубашке, кто в блузке или накидке. Женщина черпает ведром воду и широко улыбается нам, приветливо машет рукой.

Из водохранилища, созданного в Полоннаруве века назад, по-прежнему, как кровеносные сосуды, разбегаются голубые ручейки, давая жизнь всему растущему на крестьянских полях.

говорится о том, что еще царь Соломон преподнес царице Савской огромный рубин. Марко Поло приводит также сведения о подобном рубине, который когда-то украшал дагобу Руванвели Сейя в древней столице Анурадхапуре: «Самый красивый в свете рубин у здешнего царя, такого никто не видел, да и увидеть трудно; он вот какой: в длину он с пядь, а толщиной в руку человеческую. На вид самая яркая в свете вещь, без всяких крапин, и красен, как огонь, а дорог так, что на деньги его не купишь».

Действительно, все было так. Даже когда один падишах, пожелавший во что бы то ни стало приобрести этот рубин, предложил за него стоимость целого города, сингальский царь гордо ответил: «Ни на какие богатства не сменяю этот камень — символ моего величия».

Многие из знаменитых камней найдены в долине Ратнапуры, где и город носит то же название и перево-

р-два глубиной, а есть очень глубокие, до тридцати метров.

Я заглянул в ствол шахты, из которого тянуло болотом, и увидел, что ее стены укреплены скрещенными кольями. Колодец роют лопатами, а когда доходят до гравия-иллама, то наполняют им бадьи или плетенные корзины и вытаскивают наверх с помощью лебедок или воротов. У некоторых шахт я видел нечто похожее на колодезный журавль.

У соседней, более глубокой, шахты работала помпа — откачивала воду, которая постоянно скапливается на дне. Труднее доставать породу из боковых штолен — их прорывают, когда со дна исчезает драгоценный гравий.

Пока мы с коллегой, подвернув брючины, суетимся у шахт и выбираем выгодную точку для съемки, обитатели навесов с любопытством наблюдают за нами. На топчанах под навесами, защищающими от дождя, ветра и зноя, отдыхают сменившиеся с работы старатели. Голые тела ничем не прикрыты — душно и жарко. Видны наспех сделанные очаги, нехитрая посуда и пожитки. Не все рабочие приходят сюда из соседних деревень, некоторые так и живут под навесами у шахт.

Улыбчивый парень в красной майке, приведший нас к своей шахте, машет призывно рукой. За несколько рупий он предлагает продемонстрировать последний этап добычи драгоценных камней.

В круглую корзину-сито он набирает породу, лежащую у шахты (некоторые бригады складывают добытую за день гальку и лишь под вечер, под присмотром бригадира, начинают ее промывать все вместе). Потом входит в ручей, зачерпывает корзиной воду и начинает делать вращательные, колебательные движения левой рукой, которой держит сито, а правой перемешивает породу, чтобы отделить от глины гравий. Выплеснув грязную воду и зачерпнув новую, начинает промывать сам гравий, стараясь обнаружить самоцветы. Он старательно разминает глиняные комки и вновь сливает мутную жижу.

Наконец над ситом склоняются две головы: черная — знакомого нам парня и седая — тощего старика. Старик внезапно что-то хватает из корзины и поднимает руку с зажатым в ней камешком. Нет, он не засверкал под лучами солнца. Необработанный драгоценный камень довольно трудно отличить от гальки: это доступно только опытному глазу. Старик радостно кричит:

— Рубин!

Я прилежно таращусь на содержимое корзины, но никак не могу разглядеть самоцветы среди простых камешков — все они мне кажутся одинаковыми. Эта задача подчас не по силам и специалисту, тем более что уникальной особенностью местных шурфов является то, что часто самые разные драгоценные камни могут быть найдены в одном и том же месте.

Тем временем неугомонный старичок, сторговавшись с Абеи за пять рупий, принялся рассказывать легенду о драгоценных камнях.

— В священных книгах написано,

что, когда боги сражались между собой, капли крови из их ран падали на жаркие камни и становились рубинами. А другие самоцветы образовались из небесного нектара, который боги проливали с небес на землю, празднуя свои победы. Самоцветы несли людям счастье и долголетие, воплощая в себе свойства божественного напитка, дающего богам бессмертие.

После такого великолепного монолога старик протянул сморщенную ладонь за монетой, а затем, воровато оглядываясь, достал из-под набедренной повязки какой-то камешек и прошептал:

— Купите — это очень хороший камень.

Мы уже были слышаны, как здешние умельцы вместо драгоценных камней сбывают кварц, а то и просто полированные бутылочные стеклышки. Более того, отличить, например, подлинный белый топаз от циркона или белого сапфира под силу только профессионалу. Но гораздо серьезнее другое: подобные сделки строго караются законом.

Добычей драгоценных камней занимаются государственные предприятия. Но есть и частный, артельный, говоря по-русски, промысел. Я не имею в виду старателей-хищников, которые прослышав о каких-либо участках, где гравий-иллама залегает близко к поверхности, пробиваются туда и тайком, ночами, при свете факелов роют землю и промывают породу. Таких гаримпейрос можно также встретить и у ручьев, где они промывают песок, гравий, который берут прямо со дна.

Некоторые крестьяне ищут драгоценные камни на принадлежащей им земле. Так, в музее драгоценных камней на окраине Ратнапуры, куда мы заехали после посещения прииска, нам поведали забавную историю о том, как один крестьянин нашел у себя на огороде больших размеров камень, похожий на самоцвет. Счастливчик пошел к перекупщику, и тот, определив, что найденный камень — «кошачий глаз», назначил слишком низкую цену. Тогда крестьянин заложил камень в банке, а затем его выкупил богатый торговец за тысячи рупий. Но самое интересное, что камень оказался таким редким, что его перекупил европейский миллионер за баснословную сумму.

И все же чаще всего добывают драгоценные камни артельно. Как правило, финансирует эти работы землевладелец, предварительно получив разрешение на организацию прииска. Но участок земли может арендовать и бригада.

В этом случае обязанности распределяются между всеми: одни рабочие роют шурф и поднимают породу, часто стоя по пояс в воде; другие заняты обслуживанием и ремонтом насоса, третьи с помощью корзин промывают породу; четвертые торгуются с перекупщиками, теми самыми мусульманами, встреченными нами в Ратнапуре, которые должны выплатить определенную сумму за добытые камни.

После продажи самоцветов около десяти процентов выручки причитается хозяину земли, 8 — владельцу техники, остальное делят между 10-12-

членами артели.

Мы заглянули в небольшую мастерскую, где камни обрабатывали для продажи.

У весьма примитивных точильных станков сидели мастера. Ножным ременным приводом, а то и просто рукой, они вращали диски, покрытые абразивной пастой. Камни тут обрабатываются двумя способами: гранением и полировкой. Полировщик пользуется горизонтальным латунным или медным кругом, а огранщик, если не применяется машинная огранка, — работает на вертикальном свинцовом круге.

Опытный мастер вначале внимательно изучает камень, спиливает, срезает шероховатости, убирает все лишнее вручную (рубин с примесями обжигают), и лишь затем приступает к огранке. И все это, не считая допотопных точильных станков, делают вручную, так как знатоки ланкийских камней убеждены, что гранильные машины способны лишь испортить камень и ни в коем случае не могут выявить полную цветовую гамму, проявить полностью всю его красоту.

А потом мы зашли — хочется сказать, в демонстрационный зал, хотя это всего лишь комнатка, где выставлены самоцветы многих стран, но нас интересовали, конечно, камни, добываемые из земли Шри Ланки: красные рубины, желтые, дымчатые, голубые сапфиры, топазы, аметисты, alexandrites, аквамарины, турмалины. Я спросил у смотрителя музея, как определить, что за камень, тем более, если он по цвету похож на другой.

— Только по объему и весу: нужно взвесить одинаковые по объему камни, и их вес будет разным, потому как разный удельный вес. Драгоценные камни измеряются своей единицей — каратом. Так что сапфир, например, в три карата будет меньше по объему, чем alexandrite того же веса.

Этими камнями украшали свои короны многие короли, султаны и цари, в том числе и российские.

В одной из старых русских книг записано, что Цейлону принадлежит слава «богатеишей в мире сокровищницы редчайших, совершеннейших драгоценных камней почти всех известных родов».

Сегодня многокаратный рубин чистой воды становится все большей редкостью, тем более, что драгоценные камни вывозятся контрабандным путем, чаще всего через Индию в Гонконг, который не зря называют «ювелирной лавкой Шри Ланки». Но брат рубина по ценности и красоте — голубой сапфир по-прежнему остается королем здешних драгоценных камней. В короне бывшей Британской империи красуется четырехсоткаратный сапфир «Голубая красавица», а «Звезда Индии» — бесценное сокровище страны — экспонируется в Америке, в Музее естественной истории.

По запасам драгоценных камней «остров самоцветов» уступает лишь Бразилии. Так что местным гаримпейрос работы хватит надолго.

Шри Ланка

Когда в прежние годы случалось проходить Дарданелльским проливом, выходя в Средиземное море или возвращаясь в Черное, я всегда старался держаться у борта судна, чтобы разглядеть маленький турецкий порт Гелиболу, который в недалеком прошлом назывался по-гречески Галлиполи.

В бинокль была хорошо видна внутренняя бухта, заставленная рыбацкими суденышками, набережная и одинокая старая башня над городскими домами. Помните, у Маяковского...

*К туркам в дыру,
в Дарданеллы узкие,
плыли завтрашние галлиполийцы,
плыли вчерашние русские.*

ГАЛЛИПОЛИ

В школьные годы мы не знали, кто такие галлиполийцы и почему они — «завтрашние». Лишь по предыдущим строкам догадывались, что речь идет о тех, кто вместе с Врангелем ушел из России. В ту пору на уроках истории рассказу о конце русской армии на чужбине места не было. Только потом пришлось узнать о русском лагере близ Галлиполи — из эмигрантской литературы. А весной 1994 года в Париже мне довелось услышать воспоминания об этом из уст Веры Александровны Звегинцевой, дочери начальника военных сообщений в армии генерала П.Н.Вранге-

ля. И так хотелось самому добраться до этих мест, трагически вписанных в открывшуюся наконец историю Отечества — не раскрашенную в только два цвета.

Поехать в Турцию сейчас не труднее, чем в любой город России. Небольшая сумма в твердой валюте, загранпаспорт — и вы садитесь в автобус турецкой компании, идущий от московского автовокзала у метро «Щелковская» прямо в Стамбул. Проведя в автобусе три дня и три ночи, вы наконец попадаете в Стамбул. И ваши страдания от долгой дороги, перенесенные унижения на таможнях, главным образом, на украинской, быстро

забываются в этом единственном в своем роде городе, лежащем одновременно на двух материках: Европе и Азии.

Здесь на каждом шагу вас встречает история. И некогда православная святыня Айя-София, где сохранились прекрасные мозаики, со столь привычными русскому человеку лицами святых, и мусульманская святыня — мечеть Султана Ахмета, или Голубая, внутри которой, стоя босиком на огромном ковре, устилающем пол, вы чувствуете себя парящим в голубом пространстве. И колонна византийского императора Константина, и греческая скульптура в Археологическом му-

зее, и саркофаг Александра Македонского... И ко всему этому — экзотика Востока, бухта Золотой Рог, Босфор...

Хорошо смотреть на все это, имея в кармане обратный билет... Этого были — навсегда! — лишены «завтрашние галлиполийцы», пять дней проведенные на пароходах в бухте Золотой Рог. А в это время союзники, решая, что же делать дальше с русскими изгнанниками, сгружали с пароходов армейское имущество: оружие, боеприпасы, продовольствие, обмундирование. И с голодным пайком, в выношенной одежде отправили русских дальше — «к туркам в дыру», в маленький турецкий городок Галлиполи, разрушенный недавней войной. И здесь, в «Дарданеллах узких», 22 ноября 1920 года под не прекращающимся осенним дождем первая партия русских людей, деморализованных поражением, голодных, измученных долгим переходом по морю в более чем тяжелых условиях была высажена на берег.

Для размещения «вчераших русских» французское оккупационное командование отдало место бывшего английского военного лагеря, располагавшегося в шести километрах от Галлиполи в долине речки Бююк-дере. Простые обитатели лагеря назвали это место «Долиной роз и смерти» — за непроходимые заросли шиповника и обилие змей, от укусов которых умирали английские солдаты. Голая долина выглядела так, что приехавший осмотреть отведенное для русского лагеря место генерал Кутепов с не свойственной ему растерянностью спросил сопровождавшего французского офицера: «И это все?» «Все, господин генерал», — последовал ответ.

Через три дня долина по обеим берегам речки покрылась белыми палатками... Тяжелее всего пришлось семьям офицеров. Часть из них поселилась в вырытых неподалеку от лагеря землянках. Другая часть предпочла обособиться в городе — в брошенных домах, приспособленных под общежития. В каждой комнате такого «общежития» ютилось по несколько семей. К уцелевшим стенам разрушенных домов пристраивались недостающие, из колючей проволоки, в огромном количестве оставшейся со времен войны, делалась «обрешетка» крыши. Потом все замазывалось глиной — и вешалась табличка с названием «дачи»: «Тоска по родине», «Надежда», «Одиночество» и т.п. Самая оригинальная — дача «Мечта» была сооружена в заброшенном водоеме старого турецкого кладбища. Освещалось жилище коптилкой на кокосовом масле, которое люди отрывали от своего скудного пайка. Пищу готовили в хорошую погоду — на улице, на костре, в плохую — дома, на мангалах.

С наступлением теплых дней лачуги преобразились: стены были аккуратно побелены, украшены орнаментом, пейзажами и видами далекой родины. Были сложены печи, невесть откуда появилась мебель. Жизнь продолжалась даже в этих тяжелых условиях.

Командир I-го армейского корпуса Русской армии, в который были сведены все русские части, высаженные в Галлиполи, генерал от инфантерии, боевой офицер Александр Павлович Кутепов понимал, что нужны жесткие меры, чтобы полугодная армия, заброшенная в забытый Богом турецкий городок, не превратилась в людской сброд. А было в Галлиполи сосредоточено около 30 тысяч вооруженных людей. И генерал неукоснительно потребовал соблюдения воинской дисциплины, рискуя стать совершенно непопулярным. Нарушителей ждала гауптвахта, устроенная в старинной сторо-

первый журнал с ироническим названием «Эшафот». Он печатался по ночам, когда были свободны пишущие машинки корпусной канцелярии.

А к Пасхе 1921 года уже работала корпусная труппа, ставившая спектакли в городском театре. В лагере, в специально построенном летнем театре, играла труппа лагерного сбора.

В общем, русские в Галлиполи жили по всем традициям прежней, военной и гражданской жизни России, страдая от разлуки с ней и не забывая ее. Летом 1921 года, узнав о голоде в России, галлиполийцы один свой дневной паек передали через международные организации в помощь голодающим.

Суровая жизнь в Галлиполи сродни-ла русских людей, и они, разъезжаясь по разным странам, захотели оставить память об этом времени, кратком, но так много в себя вместившем. Так возникло Общество галлиполийцев, су-

жевой башне на набережной, где, по преданию, турки содержали еще пленных запорожских казаков.

Постепенно жизнь в лагере вошла в нормальную армейскую колею. Заработали военные училища и школы, эвакуированные из Крыма. Начались войсковые учения. Как когда-то в России, в каждом полку появились офицерские собрания, для которых отводились самые большие палатки. В лагере было несколько сотен детей школьного возраста — для их учебы в одной из палаток открыли четыре класса гимназии. После первых двух труднейших месяцев учебные занятия стали нормальной школьной работой, и в лагере, как в каком-нибудь русском городе, звенели голоса учеников местной «Галлиполийской» гимназии.

В феврале 1921 года русские общественные организации прислали из Константинополя на устройство библиотеки 800 собранных книг. А в марте была открыта библиотека. Была организована «Устная газета». Появился и

ществовавшее до начала 40-х годов, и был учрежден памятный нагрудный знак в виде черного креста — один из самых почетных в среде русской военной эмиграции...

Расстояние от Стамбула до Гелиболу более 200 километров, и преодолеть его можно либо рейсовым автобусом, либо купив двухдневный тур. Но в обоих случаях режим пребывания оказался бы очень «зажатым» временем и экскурсионной программой, далекой от посещения русских мест в Галлиполи. И мы «выбрали свободу» — арендованный по случаю автомобиль. И с раннего утра второго дня пребывания в Стамбуле (из трех неполных) отправились в путь, руководствуясь немецким автомобильным атласом Европы.

Более ста километров мы ехали по автостраде, а у курортного городка Текирдаг свернули налево. Бензин дорог, а гипотенуза короче суммы двух катетов — и мы решили двигаться по берегу Мраморного моря, хотя и по менее комфортабельной дороге. Доехав до

маленького городка Барбарос, поняли, куда попали. Дальше вместо дороги шел просто карниз, скрытый бульдозером, правда, довольно широкий и засыпанный щебнем. Море, хотя и виднелось слева, но далеко отодвинулось, отделенное крутым горным обрывом, по которому, собственно, и продолжалось наше движение. Вокруг — леса да крохотные поля, разбитые на горных уступах. Ни встречных машин, ни обгоняющих. Невольно раздражалось сомнение: туда ли мы едем?

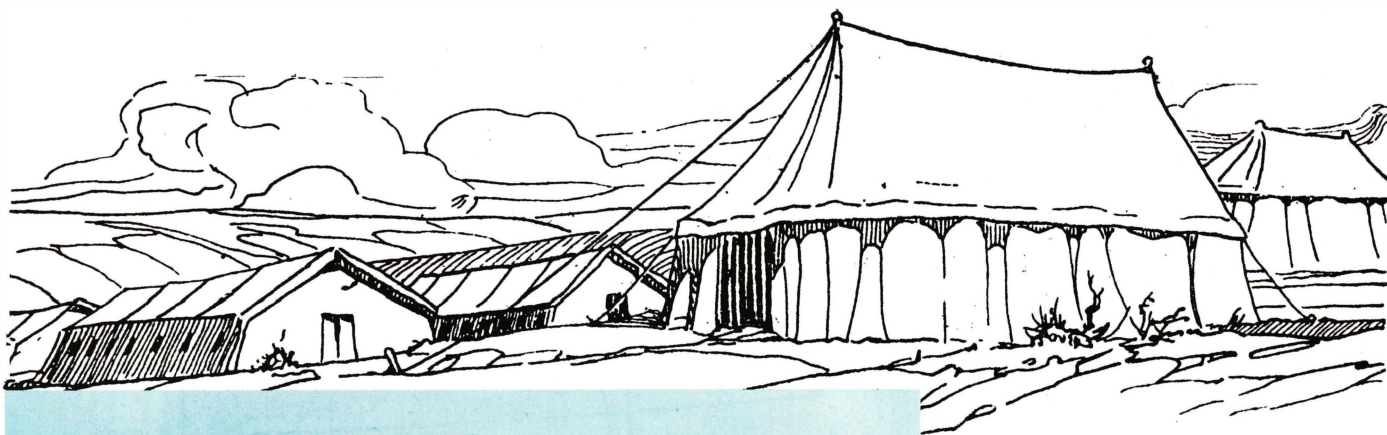
Наконец где-то внизу показались красные черепичные крыши и возвышающийся над ними минарет. Деревня. Останавливаемся. Нас окружают люди на осликах и лошадях. Здравствуемся. Объясняем, что едем в Гелиболу. Оказывается, едем правильно. Вскоре спускаемся к морю и делаем долгожданный привал на берегу, в живо-

по нему!) и ближе к полудню наконец приехали в Гелиболу.

Поплутав по улицам, ориентируясь по морю, выбираемся в конце концов к внутренней бухте, уже не раз виденной мною в бинокль с борта судна. Она по-прежнему забита рыбацкими суденышками. А вот и сторожевая башня, сложенная из больших, тронутых временем каменных блоков. Вокруг шумит фруктовый базар. На входе в башню табличка: «Музей Гелиболу». Входим в каменную прохладу. Так вот где коротали время галлиполийцы, оказавшиеся на кутеповской «губе»! Той самой, что оставила яркий след в галлиполийском фольклоре. Чего стоила, например, «официальная» печать «губы», изготовленная сохранившим инкогнито умельцем: тощая двухголовая птица, у которой одна голова — Кутепов, другая — комендант гарнизона Штейфон. В каждой лапе птицы за-

Подходим к кассе, покупаем билеты и заодно — путеводитель по Гелиболу. В музее самое большое место занимает Дарданельская операция 1915-1916 годов. Фотография, оружие, предметы быта, форма турецких, английских, французских, австралийских, новозеландских солдат. Большие фотографии мемориальных кладбищ с памятниками, где бок о бок лежат недавние враги. И ни слова о том, что в этой операции участвовал русский крейсер «Аскольд», а в Галлиполи год стояла русская армия и осталось русское военное кладбище.

Мы предусмотрительно запаслись в Стамбуле листом бумаги, на котором просили написать по-турецки, что мы ищем русское военное кладбище и место русского военного лагеря у речки Бююк-дере. Служители музея, ни слова не говорящие «на иностранном языке», глядя на бумажку, только разводят руками. Я показываю пальцем

писнейшей деревне Учма-дере — с кофейней и пивной, галечным пляжем и длинным строем огромных платанов. Никогда не приходилось видеть такого сочетания! К нам обращаются загорелые молодые люди: выясняется, что это — румынские студенты, уже не первый год отдыхающие здесь самодельным лагерем. После привала ехать стало веселее, мы снова вышли на шоссе (обратно поедем уже только

жато по маленькому офицеру, ботающему руками и ногами. Печатью «утверждались», между прочим, и результаты «выборов» командира корпуса, в которых, несмотря на «убийственную критику», при тайном голосовании неизменно побеждал Кутепов. Да, счастливы те, кто обладает чувством юмора, которое способно поддержать человека в самых трудных ситуациях!

на слова «русское военное кладбище» и делаю жест, который должен означать вопрос «где это»? И опять — разводят руками. Видя нашу растерянность, один из зрителей музея удаляется и приводит человека, говорящего по-немецки. Наконец-то можно пообщаться с жителем Гелиболу! Господин Халис Озал представился как местный бизнесмен, торгующий парфюмерией. Он рассказал, что русского военного кладбища давно не существует, оно скрыто, и там теперь поле. Но он может показать место, где оно было. Мы предлагаем ему сесть в нашу машину, но он отказывается и предлагает ехать на своей. На переднее сиденье подсаживается молодой полицейский, и оба турка начинают оживленный разговор, нам совершенно непонятный.

Выезжаем на окраину города, едем еще дальше, натываемся на стадо овец, и после разговора с пастухом наш водитель говорит, что с этой стороны проехать нельзя, нужно вернуться и заехать с другой. В пути, более продолжительном, чем ожидалось, выясняем, что полицейский еще помнит русское кладбище. Это переводит нам

господин Озал. Мы сворачиваем с дороги и останавливаемся на краю сжатого поля. Золотое жнивье пшеницы, но непривычно высокая стерня. Здесь и было Большое русское военное кладбище, созданное стараниями того же генерала Кутепова; в 1921 году был открыт Галлиполийский памятник, позже разрушенный землетрясением. Сейчас на поле — ничего, кроме старых бетонных плит, поставленных вертикально и образующих подобие большого корыта. Возле плит выросло ореховое дерево. Ближе к дороге стоят развалины какого-то двухэтажного строения, заросшего виноградом. Видно, что виноград когда-то заплетал открытую веранду на втором этаже. Тут же растет огромная алыча, крупные желтые плоды которой буквально ковром устилают землю. Вдалеке видны кварталы Гелиболу, и блестят полоской воды Дарданеллы...

Уже вернувшись в Москву, я разыскал в воспоминаниях галлиполийцев, что, посетив в 1965 году дорогие для них места, кладбища они не увидели. Среди обработанных полей оставался нетронутый участок, заросший травой, на котором крестьяне устроили водоем, чтобы поить скот. В воспоминаниях удалось также найти ответ турецких властей парижскому журналу «Часовой». В ответе, которого безуспешно добивался журнал русской военной эмиграции и получил только благодаря вмешательству почетного члена Общества галлиполийцев бельгийского полковника де Роовера, сообщалось, что русские могилы перенесены на другие кладбища. Но господин Озал ничего не говорил нам о том, что русские могилы находятся в другом месте. Зато он точно знал, где похоронен один русский, и повез нас туда.

Мы приехали к прекрасно содержащемуся мемориалу английских и французских солдат и офицеров, погибших во время Восточной (более известной нам как Крымской) войны 1854-56 годов. Видимо, на территории России погибших хоронить не стали, а

до родины довести не смогли. Со временем мемориал вошел в черту города. Мне объяснили, что за могилами и памятниками ухаживает турецкий сторож и его семья, а платят ему англичане и французы. А ведь до конца 30-х годов точно так было и на русском военном кладбище! Сохранилось даже имя сторожа — Исмаил Исан и упоминание о его доме неподалеку от входа (теперешние развалины под высокой алычей, заросшие виноградом). И платило ему за работу Общество галлиполийцев, образованное в 1921 году и с 1924 года находящееся в Париже.

Господин Озал подвел нас к одной из больших серых плит: «Здесь лежит русский!» Начало надписи по-французски: сын генерала Федорова и дальше по-русски, и так трогательно, по-домашнему — «Шурик Федоров, 1912 — 1920». Восемилетний мальчик, умерший, вероятно, одним из первых. Союзники снизили к просьбе русского генерала, потерявшего малолетнего сына... Так Шурик Федоров и остался для нас единственным из 342 русских, нашедших упокоение в земле Галлиполи.

День начал клониться к вечеру, мы распрощались с нашим турецким провожатым и заторопились к последнему намеченному «объекту» — месту русского военного лагеря. Мы без труда нашли его по плану, сделанному топографами-галлиполийцами в 1921 году и помещенному в одном из сборников воспоминаний. По шоссе, к западу от окраины города до места оказалось 7 километров.

И вот перед нами «Долина роз и смерти» с пересохшей летом речкой Бюек-дере. Ее каменное русло уходит к подножию гор, за которыми вот-вот скроется солнце. Сейчас голой долину уже не назовешь. По обоим берегам реки — густые заросли ив, растущих, вероятно, благодаря весенним запасам воды. Кругом — возделанные поля кукурузы и подсолнечника, ухоженные виноградники. Змей, досаждавших англичанам, мы, к счастью, не видели, а вот заросли шиповника встречаются часто. Работают небольшие юркие

трактора, снуют грузчики. Кипит новая жизнь, и ничто уже не напоминает о строе военных палаток, о выложенных галькой на линейке галлиполийского лагеря словах: «Помни, что ты принадлежишь России».

Летом 1921 года части русской армии, закончив «Галлиполийское сидение», начали покидать лагерь. Их путь лежал в Сербию и Болгарию. Они уходили с оружием, которое отказались сдать французским властям, так и не решившимся взять его силой. Уходили, отдавая почести приютившему их городу. Жители Галлиполи поднесли А.П.Кутепову адрес, а французский комендант, расчувствовавшись, сказал Александру Павловичу, что его уважение к русским неизмеримо возросло. Русские части уходили, выполнив завет воинского устава «стойко переносить тяготы и лишения службы». Уходили в неизвестную жизнь, как уходили русские военные в чеховских «Трех сестрах»: бодро, стройными рядами, с оркестром. «Музыка играет так весело, бодро, и хочется жить! О Боже мой! Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь».

С дождливого ноябрьского дня 1920 года, когда первые русские сошли на пристань в Галлиполи, прошло 75 лет. Многое произошло за эти годы. И хотя покой на родной земле все никак не наступает, приближая его, следовало бы в знак примирения, обретения памяти, восстановить Галлиполийский памятник — часть нашей истории, символ преодоленных страданий и верности России.

Стамбул — Гелиболу

Гонорар за этот очерк автор просит перечислить на восстановление Галлиполийского памятника.

ПОД ЗЕМЛЕЙ — В ЦЕНТР ОДЕССЫ

Самый протяженный в мире переход по катакомбам

СПУСК В ТЕМНОТУ

Наш уазик остановился близ Махно — так называется один из входов в Нерубайские катакомбы. Через него экспедиция должна попасть в подземный лабиринт, чтобы выйти на поверхность спустя сутки, преодолев тридцать шесть километров самых загадочных в мире подземных выработок...

Нас довольно много: кроме трех участников перехода, оператор, тележурналисты из Москвы, корреспондент «Комсомолки» и вспомогательный отряд. Пока переобуваемся в комбинезо-

ны и штормовки, к машине подходят две встревоженные бабуся из домиков, приютившихся на краю балки.

— Ребята, нельзя туда, нельзя! Такие молодые, симпатичные, а идете на погибель... — запричитала одна, увидев фонари и каски. — Завалит, и не сыскать потом. Сколько людей уж пропало...

Нерубайские катакомбы, действительно, опасны, здесь нам уже приходилось проводить спасательные работы, разыскивая мальчишек, отправившихся за приключениями. Но на этот раз под землю идут специалисты, да и карта наиболее опасных участков у нас есть. Так что, укрепив на поясах аккумуляторы и проверив в последний раз снаря-

жение, мы машем бабушкам рукой и в одиннадцать утра подходим к катакомбам.

После войны многие входы под землю забетонировали, чтобы не лазили любопытные. Эта штольня тоже была замурована. Но окрестные мальчишки проковыряли дыру. Для них это вроде парадного входа, нам же пробираться приходится извиваясь ужом.

Первые шаги для людей, незнакомых с подземельями, самые трудные. Глаза после яркого сентябрьского солнца еще не привыкли к осторожному лучу аккумулятора. Часто слышен звонкий скрежет пластмассы о камень — это новички царапают касками о потолок.

Высота хода здесь полтора метра, так что приходится идти наклонив голову набок. А это не так-то просто. Но минут через двадцать глаза окончательно привыкают к новому освещению, и скрежет слышится реже....

Мало кто знает, что на самом деле представляют собой одесские катакомбы. А между тем это расположенный под полуторамиллионным городом подземный мир со своей историей, своим климатом и разнообразным ландшафтом. Подобные подземные города часто описывали фантасты, начиная с Жюль Верна и кончая современными американскими авторами, герои которых нередко сражаются с врагами в запутанных лабиринтах. Но объемы одесских подземелий поразили бы и фантастов: общая протяженность здешних ходов превышает 2500 километров, а занимают выработки массив в 12,5 квадратных километров. Для сравнения: самая большая в мире карстовая пещера имеет длину около 450 километров. Знаменитые Парижские катакомбы тянутся «всего» 300 километров, а длина Центральных Аджимушкайских катакомб кажется вообще смешной для одесситов — 9 километров...

Первые подземные каменоломни возникли в Одессе в самом начале XIX века, когда для строительства зданий понадобился камень. Известняк был под руками, вернее, под землей.

Шахт для добычи камня открывалось множество: город строился быстро. Теперь основную часть катакомб составляют подземные каменоломни, в которых пилили известняк. Но есть немало других искусственных полостей — тайные подземные ходы, военные бункера, «мины» (подвалы, выкопанные в глине), штреки, колодцы, туннели. С ними часто смыкаются естественные карстовые пещеры. Соединяясь, переплетаясь на глубине от двух до пятидесяти метров, все они образуют гигантский лабиринт. Затеряться там даже опытному человеку очень просто.

Знаток подземной Одессы предрекали нашей экспедиции провал. Считалось, что пройти из пригородных сел в центр города по катакомбам невозможно. Это только в катакомбных повестях о войне партизаны попадали из села Нерубайское чуть ли не на Дерibasовскую, да старые легенды рассказывали о смельчаках, заходивших под землю в районе пляжей Аркадии, а выходивших в селе Усатов или шедших с Молдаванки на Пересыпь (где, между прочим, вообще нет катакомб). Но горный инженер Павел Лавренко думал иначе. В свое время он много работал в Усатовских и Кривобалковских катакомбах и был уверен: между ними есть пересечения, попасть из одного района в другой можно. Мы решили ему поверить.

Маршрут нашего перехода разведывали по частям разные экспедиции — без преувеличения, последние двадцать восемь лет. Но полностью его никто никогда не проходил, никто не преодолевал сразу даже половину пути — сложно.

Мы долго готовились к задуманному переходу. Выйти планировали через вертикальный шахтный ствол на территории объединения «Кислород-маш». Это как раз на улице Химической в промышленном районе Одессы.

Подсчитали: протяженность между входом и выходом по прямой — 9,6 километра. Людей в основной и во вспомогательные отряды подбирали очень тщательно. В конце концов решили, что в основном отряде, кроме Павла Лавренко, пойдут рабочий Олег Бровов и я, геолог, в качестве руководителя перехода. Все мы члены одесского клуба «Поиск» и Украинской спелеологической ассоциации. У нас с Павлом опыт работы в катакомбах около тридцати лет.

Месяц мы обследовали все более-менее доступные участки трассы, расчищали завалы, организовывали промежуточные лагеря, готовили снаряжение и продукты, договаривались с транспортом и добывали деньги для оплаты экспедиционных расходов. Нашу идею сразу же поддержала газета «Комсомольская правда», взявшая шефство над экспедицией. Благодаря ее стараниям удалось найти и других спонсоров.

Это раньше одесский клуб «Поиск» выезжал в экспедиции во многие места страны, исследуя и подземелья бывшего Кенигсберга, и бункера острова Кунашир. А теперь, даже для того, чтобы провести экспедицию в самой Одессе, пришлось просить о помощи россиян. Для нас этот переход должен был подытожить многие дальние походы нескольких поколений исследователей катакомб.

На наш переход мы отвели чуть больше суток...

ПЕРВЫЕ КИЛОМЕТРЫ

Наш маршрут начинается в том районе катакомб, который уже хорошо изучен. Здесь в 1941—1944 годах базировались партизаны и прятались от бомбежек местные жители. До сих пор сохранились остатки их жилищ, каменные перегородки, столы, нары, покрытые гнилой соломой, надписи, сделанные древесным углем на стенах. Иногда в тупиках попадаются гильзы и патроны от русской трехлинейной винтовки и немецкой винтовки системы Маузера. Русские гильзы говорят, что неподалеку были партизанские стоянки 1941 года, немецкие указывают уже на 1944-й. Тогда партизаны пользовались трофейным оружием.

Здесь действовало большое партизанское подполье. Увы, несколько партизанских отрядов, которые в 1941 были оставлены в Одессе, довольно быстро разгромили румыны и немцы. Как скажем, отряд Солдатенко, размещавшийся на Молдаванке в катакомбе, имевшей всего два выхода. Заняв город, оккупанты эти выходы быстро замуровали, так что отряд даже не успел начать свою деятельность. Те, кто вышел из-под земли, были расстреляны. В оккупантской прессе писалось о партизанах Солдатенко как о каннибалах — якобы оставших без пищи, командир расстрелял двух подпольщиков, настаивавших на сдаче оружия, и их мясом люди питались. Нам удалось найти стоянку отряда, хотя материалы о партизанах Солдатенко были в семидесятых годах секретными. Нашли мы тогда и два трупа — предположительно, тела Солдатенко и его подруги. Версия о каннибализме не подтвердилась.

До сих пор не известна и судьба так называемого «отряда ста», который оставили неподалеку от села Нерубайское. Отряд не совершил ни одной вылазки и просто бесследно исчез.

Уже потом, накануне освобождения Одессы, в город стали забрасывать новые разведывательно-диверсионные группы, часть из которых базировалась в подземельях.

На стенах катакомб сохранились надписи не только времен Великой Отечественной, но и более старые, сделанные красной охрой, — 1895 год, 1891-й. Их оставили шахтеры, разрабатывавшие каменоломни.

В одном из больших залов делаем первый привал. Отошли от входа метров на сто пятьдесят, а кажется, что находимся уже очень далеко. Тут трасса уходит в глубину катакомб. Ходы временами достигают трех метров высоты, но сужаются порой до одного метра. Тогда ползем на четвереньках. Попадают завалы. Пробираемся по-пластунски.

Через узкие сбойки пролезает из одной каменоломни в другую. Через каждые несколько метров от основного хода отходят ответвления. Разговоры журналистов-попутчиков о том, найдут ли они сами дорогу к выходу, сразу же прекратились.

Через час сел первый аккумулятор. То ли плохо зарядили, то ли замкнуло пластины. Директор клуба «Поиск» — начальник второго вспомогательного отряда Сергей Мирошниченко отдал свой фонарь новичкам, и сам шел вообще без света.

Идем быстро: здесь мы много раз бывали, когда проводили спасательные работы. Искать заблудившихся приходится обычно раз или два в году. В одном месте мы даже нашли записку, оставленную во время спасательных работ 1975 года. За всю, почти тридцатилетнюю историю клуба «Поиск» нам лишь однажды не удалось найти заблудившегося. Это было в начале семидесятых. Парень-студент во время практики в селе решил разведать подземелья и пропал. Обычно же мальчишки уходят сравнительно недалеко от входов, и их находят по заметным опытным спелеологу следам.

В полтора километрах делаем привал. Все держится молодцом, хотя переход для новичков — не из легких. Особенно тяжело приходится оператору Лене Замчинскому — у него в руках профессиональная телекамера — вещь тяжелая, хрупкая и капризная. Он не очень представлял себе сложности перехода, поэтому не взял защитный чехол и теперь прикрывает аппарат чуть ли не грудью, чтобы внутрь не попала известковая пыль или вода. Делать нечего — снимаю с себя рубашку и отдаю Лене, чтобы завернул в нее камеру.

Замечаю, что начинаем выбиваться из графика. То место красивое — нужно заснять, то задняя группа потеряла переднюю. (Это может произойти очень просто — достаточно первым завернуть за угол, свет фонаря теряется, и задним уже не разобрать, в какое из ответвлений повернул авангард.)

Нагнать потерянное время не удается. Начались обвальные, полусасыпанные ходы. Пошли двухъярусные катакомбы — места интересные, видовые. Этот район называется Любкина катакомба. Здесь в 1968 году заблудилась и

погибла девушка из соседнего села. Нашли ее тело только в 1976-м.

Но вот мы выходим в район катакомб Барского. Название сохранилось со времен, когда хозяином этих шахт был некий Барский. Пилили камень тут с 1860-х годов. Выработок много, они невероятно запутаны. В конце прошлого века здесь проходили сходы «Южнорусского рабочего союза», в 1920 году размещался подпольный ревком, в 1941-42 годах действовали партизаны отряда Молодцова-Бадаева.

Наш путь лежит через огромные, высотой в три-четыре метра и длиной по 40-50 метров залы «Бригантины». Так первые поисковцы назвали эти подземные галереи. Здесь в 1969 году проходил третий мемориальный поход, во время которого 120 человек из клуба «Поиск» и их гости четверо суток жили и работали в окрестных катакомбах.

О катакомбах сложено немало легенд, часть из которых поисковцам удалось проверить. Многие годы из уст в уста передавалась история о том, что под Приморским бульваром были подземные ходы, которые вели прямо в порт. А попасть в них можно было из кухни гостиницы «Лондонская» — самой фешенебельной в городе. По этим ходам турки якобы выносили одесских красавиц, чтобы затем погрузить на корабль и продать какому-нибудь восточному султану. Нам действительно удалось найти под бульваром подземные коридоры и большой зал. Оказалось, что здесь больше ста лет назад был ресторан, но попасть из него в порт было весьма затруднительно. Может быть, молодые одесситки и убежали с турками на кораблях, но к подземным ходам их истории никакого отношения не имеют.

Правда, были во многих одесских домах, расположенных неподалеку от побережья, тайные подземные ходы, что вели прямо к морю. Часть из них до сих пор не известна...

Вскоре мы выходим в район «Деревянных ворот» — место, где надо расставаться с журналистами и первым вспомогательным отрядом. Но к развике приходит только половина тех, кто ушел под землю. Часть ребят Павел Лавренко повел другим, более коротким путем. Я начинаю волноваться — почему их нет, не случилось ли чего?

Но вот вдали замигал свет. Наши. Оказывается, Павел немного запутал и ребятам пришлось минут пятнадцать сидеть в кромешной темноте, дожидаясь, пока Лавренко не разберется и не найдет правильную дорогу. А фонари они выключили, решив экономить энергию, — мало ли что. Между тем находиться под землей в полной темноте с непривычки жутковато. Уже минут через пять начинают слышаться какие-то шаги, всхлипывания, обманутым глазам видятся призраки...

Мы прощаемся, и вскоре силуэты друзей видны уже в конце длинного тоннеля, который ведет к выходу.

МЫ ОСТАЕМСЯ ОДНИ

Итак, мы остались одни — Лавренко, Бобров и я. Пройдено всего шесть километров. А на часах уже шестнадцать. По графику мы должны были быть на этом перекрестке в 13.30...

Двинулись на юг, в сторону села Усатово. Идем быстро. Выработки здесь хорошие, высокие, завалов нет. Иногда сбоку видны сбойки с катакомбами нижнего яруса, затопленными чистой голубой водой. Вспоминаю, что, когда работал здесь 20 лет назад, воды не было.

Остановки для отдыха совсем короткие. Каждый раз делаю отметки графитом на стенах. Обычно пишу: «Переход Нерубайское — Одесса» и ставлю дату, время. Иногда добавляю: «Все идет хорошо». Эти надписи могут пригодиться. Может, кто-то вздумает проверить, прошли мы или нет, или, не дай Бог, придется нас искать — всякое случается...

Когда вышли под центр села Усатово, начались серьезные неприятности. Практически все домовладельцы здесь бурят скважины в катакомбы и ставят на них туалеты. Нам приходится обходить зловонные кучи нечистот. Один мой товарищ, большой знаток и любитель катакомб, сказал недавно, что в результате этих деяний под Одессой скоро возникнет самая большая в мире выгребная яма. И он прав. Но это пустяк по сравнению с тем, что может случиться в будущем. Сверху наваливают нечистоты, снизу поднимается уровень водоносного горизонта. До момента, когда они сомкнутся, осталось сантиметров 30-70. Если это произойдет, Одессу может постигнуть самая страшная со времен чумы прошлого века эпидемия.

Мы выходим к «Балагану». Это очень интересный и сложный район

и кое-что из одежды. Это очень кстати, так как я уже стал замерзать. В катакомбах в любое время года держится постоянная температура — 12-14 градусов тепла. А я забыл забрать у оператора свою рубашку, в комбинезоне на голое тело не очень-то тепло.

Полужинав, ползем дальше. Кончился «Балаган», начался «Танковый пистолет». Ну и дела! Ходы сплошь обвалены, а если где-то дно не засыпано острыми обломками известняка, то покрыто слоем ила и грязи. Мокро, скользко, противно. Средняя высота ходов чуть больше метра. Надписи на стенах писать негде — ровных участков нет. Оставляю записки на листках блокнота.

В начале одиннадцатого подошли, если так можно сказать о нашем способе передвижения, ко второму промежуточному лагерю, находящемуся под южной окраиной Усатово. Дальше много лет никто не ходил. Слишком далеко от всех выходов эти места.

ТРАССА НЕ ПРОВЕРЕНА

Второй лагерь мы планировали сделать на берегу затопленного участка выработок в 50-70 метрах от начала воды. А оказалось, что устроили его более чем в километре. Неприятный сюрприз! Этот километр теперь надо ползти по низким заваленным ходам да еще нести с собой гидрокостюмы и запасные аккумуляторы. И все это без транспортных мешков. Аккумуля-

Усатовских катакомб. «Поиск» в 1969—1973 годах проводил комплексное изучение района, и у нас есть хорошая съемка выработок. Тогда было сделано много находок и открытий. Например, здесь, прямо на нашей трассе, найдена карстовая пещера с костями животных ледникового периода, среди которых — пещерные медведи, лошади, лисы.

Начинаются трудные места. Выработки завалены, заилены почвой и глиной, попавшими с поверхности. Высота ходов до полутора метров. Но мы уже вернули полчаса, а значит, опаздываем всего на час.

Вскоре подошли к первому промежуточному лагерю, где были продукты

торы надели на себя, что смогли, распахали по сумкам, но основное осталось. Дальше передвигались так: ползешь сам и тянешь за собой или толкаешь впереди беспрепятственно развязывающийся узел с гидрокостюмом, обмотанный защитной брезентовой робой, да еще резиновые сапоги.

Скорость сразу упала. Устали так, что между остановками на отдых проходили по 40-50 метров, а потом и по 20-25. Знаю это точно, так как отмечал движение по карте. В записках начал писать только время. Иногда дописывал: «Тяжело» или «Очень тяжело». В общем, когда добрались до обводненного района, было начало первого ночи. По-

няли, что уже никак не успеем к условленному времени в третий промежуточный лагерь — там нас ждали к двум часам ночи.

Эти ночные часы были самыми тяжелыми, даже страшными. Устали до нельзя, ходы трудные, сбой графика колоссальный, а впереди затопленный участок, в котором никто не был девятнадцать лет. Да еще выясняется, что в центре его в одном месте глубина воды — один метр, а до кровли всего 40 сантиметров. За последние десятилетия уровень воды существенно поднялся. Пройдем или нет? А если не пройдем? От том, что сорвется переход, мы уже не думали. Думали, как будем выбираться обратно. И сможем ли, будут ли силы?

Надели гидрокостюмы. Стало легче — освободились от тюков руки.

Вода чистая, голубая, холодная, глубиной 60-80 см. Но чиста она только для первого, задние идут уже в мутной взвеси, на ощупь. По дороге пришлось раскапывать, лежа в воде, несколько лавоз, в которые не мог пролезть в своей робе Олег Бобров, самый молодой, но весьма солидный член экспедиции. Больше всех сил сохранил Павел Лавренко, старший из нас.

Но вот проползли, пролезли и вышли на ход, соединяющий усатовский район «Бенина воронка» и Кривобалковские катакомбы. Это уже такая даль, что даже и названия месту нет. Идем по почти прямой галерее, прерываемой завалами и затопленной водой. Проходить между остановками на отдых стали уже метров по 40-60. И сразу вернулась мысль о таинственной пещере.

...Сейчас в районе Одессы известно 68 естественных пещер. Некоторые из них очень большие. Так, длина Новороссийской пещеры — 1450 метров, Натальиной — 1290. Одна из таких пещер, по нашим предположениям, находилась недалеко от тех мест, по которым пролегал маршрут экспедиции. О ее существовании я узнал в 1973 году от «леваков» — так мы называем любителей побродить по катакомбам. Позднее мне попал в руки даже образец камня из этой пещеры. Он меня очень удивил — натеки на нем были толщиной в три-четыре сантиметра, тогда как обычно бывают не более сантиметра. Да и были они из прозрачного желтоватого кальцита, а не из гипсовых кристаллов. Но координаты пещеры тогда никто точно указать не мог.

Лишь позднее, когда экспедиция завершилась, мы спустились за оставшимися в катакомбах снаряжением и все-таки отыскали эту пещеру и даже расчистили два ее ответвления. Стены и потолок пещеры были покрыты стаактитами, гребнями и корками из прозрачного желтоватого мраморного оникса — казалось, что вся она залита стеклом. Назвали мы пещеру Одинцовской — в честь доцента Одесского университета, сделавшего первое описание самой знаменитой городской пещеры — Заповедной...

Но вернемся к экспедиции. Мы дошли до места, которого боялись. Удача — там произошел обвал, и кровля стала выше. Прошли. Появилось второе дыхание. О сроках речь, конечно, уже не шла. Но теперь мы знали, что дойдем до конца маршрута.

Переходы удлинились до 80-100 метров, а затем даже до 150. Прошли галерею, названную нами в честь нашего

спонсора «Роника», и попали в сухие, но сильно заваленные выработки. Завалы высотой метров по пять-шесть, даже до красной глины, что лежит над известняками. Самих выработок не видно. Идем над ними по полостям, которые образовались, когда обрушилась кровля. Здесь, прямо на завалах, и перекусили хваленным шоколадом «Марс», запиная тоником. Предложил ребятам по глотку водки из НЗ, отказались, да и правильно.

Время уже 2.30. Нас ждут, волнуются, а мы еще очень далеко от лагеря и ускорить движение не можем. Когда проползли сквозь завалы, снова начались затопленные выработки. Но мы их уже не боялись — непроверенная трасса кончилась, здесь мы бывали всего пять-семь лет назад.

ИДЕМ НА «АВТОПИЛОТЕ»

Надеемся, что основные трудности позади. Кривобалковские катакомбы, по которым идем, считаются пригородными, и фактически мы находимся в городе. Ходы здесь в хорошем состоянии, обвалы легко обходим благодаря густой сетке выработок. Главное, уже не нужно постоянно сгибать шею — высота выработок под два метра. Одну, особенно большую галерею высотой в четыре метра и длиной 180 метров — прямо проспект — назвали галереей «Пассаж» в честь нашего второго спонсора.

Этот район Кривобалковских катакомб соединяется с городскими катакомбами района К-29, где находится наш третий промежуточный лагерь. К-29 — это региональный индекс, какие присваиваются всем изучаемым подземным полостям, которых всего в Одессе известно около четырех сотен.

Вспомнились недавние работы в городских катакомбах в районе Театра музыкальной комедии. Это престижный курортный район, рядом с морем. Кажется, здесь все уже известно. Но, вышло, что и здесь нас ждали открытия. Чтобы попасть под землю, мы спустились в 37-метровый колодец с прогнанными ступенями. Сверху казалось, что деревянная лестница цела, но, как только ее касалась нога, доски превращались в щепки. Под землей мы почувствовали дуновение холодного воздуха. Когда разобрали «бутовку», сквозняк хлынул с такой силой, что загасил свечу. Так мы попали в новую, еще никому не известную часть катакомб. В одном из забоев обнаружили трещину шириной два-

три миллиметра, но с закопченными краями. Казалось, за ней горели огни. Прошли сбойку — и попали в еще одни неизвестные катакомбы. И это сегодня, под самым городом! Вот почему я затрудняюсь дать точный ответ, когда спрашивают о длине одесских катакомб.

Старые полицейские рапорты свидетельствуют, что в таких районах до революции собирался всякий преступный элемент. Мы сами часто в походах по подземельям города встречали следы воровских «малин» — выгесанные из известняка столы, стулья, колодцы и соответствующую настенную «живопись». В прежние времена в катакомбах было удобно и прятаться, и хранить краденое. Мы как-то даже нашли давний тайник — известняковый кирпич, за которым оказалась полая ниша, где лежало несколько ржавых ключей. Рассказывают, что в дореволюционные годы где-то в районе Аркадии один из воров спрятал золотую копию «Титаника», сделанную известным ювелиром. Но пока наши экспедиции в этот район находок не принесли.

Потом в одесских катакомбах хоронилось белогвардейское подполье, потом их обживали красные партизаны. По моим сведениям, последние уголовные элементы спускались в катакомбы отсидеться в конце семидесятых. Именно тогда по одной из экспедиций в подземелье стреляли. Теперь бывшие бандиты живут в самых роскошных гостиницах и виллах и не вспоминают о сырых и холодных подземных коридорах.

После того, как затопленные выработки кончились, мы бросили все лишнее снаряжение: гидрокостюмы, роботы, сапоги, севшие аккумуляторы. Идем снова належке. Проходим по 400-500 метров. Но — новая беда. Как только садимся отдыхать — сразу засыпаем. Время уже около трех часов ночи, устали дьявольски. Поэтому делаю так: сажусь в самую неудобную позу, ребята засыпают мгновенно, я не сразу. Но как только чувствую, что тоже засыпаю, встаю, кричу: «Вперед!» Они молча и безропотно встают и, как роботы, идут дальше. И так много раз подряд.

Один раз, правда, мы таким образом сошли с трассы и зашли в тупик — «автопилот» подвел. Но в основном идем верно. Уже начали попадаться наши маркировки этого года. Однако расстояние до лагеря, по подземным меркам, еще огромное...

На одном из переходов увидели на камнях пустую банку из-под стуженного молока. Я сразу понял, что это банка из пайкового набора вспомогательного отряда. Лавренко по своему обыкновению начал спорить, что это не так. Но, в

общем, обрадовались мы той пустой банке, как моряки полоске суши! Поняли, что наши где-то рядом, что ночью, когда мы не пришли, начали нас искать, шли навстречу, а здесь, видимо, ждали.

Позднее выяснили — так и было. На этом месте кончалась карта катакомб, которой располагал вспомогательный отряд. И ребята, не зная пути, не рискнули идти дальше. Было это около четырех утра. А мы вышли к банке в 7.40.

Эта банка от сгущенки до сих пор стоит там. Только находится она уже не на краю карты, а обозначает один из ее районов под номером 31, который так и называется «Перекресток «Банка молока»».

В начале девятого мы почувствовали сильный запах горелого парафина, кофе и цивилизации и вскоре вышли прямо на подземную базу «Восточная», где горели огни, стояли котелки с горячим кофе и чаем и где в полном составе спал первый вспомогательный отряд — Костя Пустоветов, Владик Жуков и мой сын Вадим Пронин.

База «Восточная» показала нам верхом уюта. Тепло, светло, разложены на клеенке спальные, на каменном столе — всякие деликатесы. По плану, мы должны были прийти сюда, как я говорил, часа в два ночи и до девяти утра отдыхать. Все поменялось. Выпили горячего чая. Павел Лавренко сразу лег и уснул. Спит тихо, не шевелится, даже страшно. Я тоже лег, а уснуть не могу — так и лежал в каком-то забытьи. А Олег Бобров и ложиться не стал — сел закусьвать, благо, еды много, со всех сторон угощают.

В половине десятого я поднял спящих. До конечного пункта на «Кислородмаше» было еще более двух с половиной километров. Район изобилует обвалами. Сам решил дальше не идти, пусть с основным отрядом пойдет кто-то из молодых, из вспомогательного. Ему, думаю, торжественная встреча и участие в финале экспедиции будут очень интересны и памятны. Да и как награда за труды. Но кого послать? Идти хотят все. Послать самого опытного — Вадика — нельзя, он мой сын. Решили кинуть жребий. Выпало Владу Жукову.

Пошли они, а мы еще посидели, собрали лагерь, перенесли вещи к стволу, находящемуся от нас в шестистах метрах, и с глубины 34 метра поднялись в районе завода силикатных изделий. Основной же отряд, ведомый Павлом Лавренко, преодолел четыре пояса мощных завалов, через два с половиной часа вышел к стволу на улице Химической.

Выработки тянутся и дальше в город, но выходов на поверхность нет. Поэтому и идти по ним смысла нет. Если когда-нибудь какие-либо богатые спонсоры захотят увидеть название своей фирмы в Книге рекордов Гиннеса и возьмут экспедицию под свою опеку, тогда можно будет пробить выход на поверхность и увеличить маршрут по прямой до 12,5 километров. Но это пока фантазия.

...В двенадцать часов дня, с опозданием всего на час, запыленная косынка Павла Лавренко (Паша каске предпочитает лоскут материи, который по-пиратски повязывает на голове) показалась из жерла бетонного колодца на заводе «Кислородмаш». Экспедиция завершилась!

Литературная запись
Александра МИЛКУСА

КОСМИЧЕСКИЕ ИГОЛКИ И «СТОГ СЕНА»

В феврале 1995 года с борта космического корабля «Дискавери» в околоземное пространство были выпущены три металлических сферы и три обрезка проволоки, напоминающие иголки. Этим ознаменовалось начало работы по обнаружению и уборке «мусора», скопившегося в окрестностях нашей планеты.

Металлические шары диаметром от 5 до 15 см и «иголки» длиной от 4 до 13 см могут наземным наблюдателям следить за тысячами обломков, попавшими в космос во время запуска многочисленных космических аппаратов.

Известно, что находящийся на орбите «мусор» представляет собою реальную угрозу кораблям, несущим свою службу, особенно обитаемым международным космическим станциям. При столкновении с таким обломком на вполне вероятной скорости (около 22 км/с) даже небольшой шарик сравним с локомотивом, несущимся со скоростью 100 км/ч.

В связи с этим в Линкольновской лаборатории Массачусетского технологического института (США) под руководством Израэля Купицеа начата работа по борьбе с такой угрозой. Лаборатории принадлежит крупный Хайстекский радиолокатор дальнего действия, расположенный в Уэстфорде (штат Массачусетс).

Правда, Космическое командование вооруженных сил США при помощи сети армейских радаров уже ведет наблюдения за семью тысячами находящихся на орбите тел, диаметр которых превышает 10 см. Составляется их каталог с указанием данных об орбите, а если возникает вероятность сближения любого из них с «Шаттлом» хотя бы на 1,5 км, курс космического корабля немедленно изменяется.

Однако, согласно оценкам И.Купицеа, в околоземном пространстве существует еще не менее 15 тысяч объектов поперечником в 10 см и менее, которые представляют с собой не меньшую угрозу космическим кораблям. Если корабль не обезопасит специальным щитом на обшивке, то даже некрупный предмет в состоянии пронзить его насквозь. Начатый эксперимент призван наладить слежение за подобными телами.

Обладая информацией о размерах, форме, цвете и местоположении шести запущенных теперь объектов, специалисты смогут «обучить» наземные радиолокаторы, в первую очередь — Хайстекский (это название может быть переведено, как «Сток сена»), различать опасные неучтенные доселе тела. Особенно ценны в этом отношении «иголки», которые помогут наблюдателям определять частицы космического «мусора», имеющие неправильную форму, и моделировать их поведение. В течение года все запущенные ныне экспериментальные тела должны войти в плотные слои атмосферы и там полностью сгореть.

ПРИВЫЧНОЕ ЧУДО

Теперь уже невозможно представить себе жизнь без застежки-молнии — почти как без электрического освещения или телефона. А ведь путь, вернее, непроходимая тропа, по которой шли изобретатели, отнюдь не была устлана розами...

Все началось еще в 1891 году, когда некий американец Уитком Джадсон заполнил две первые патентные заявки на «скользящую застежку для обуви», предлагая миру в качестве застежек использовать проволочные крючочки.

Джадсон вместе с партнерами даже создали в Чикаго «Всеобщую компанию застежек».

Но изобретение не работало, и компания лопнула. Только через полтора десятка лет Джадсон модифицировал свою модель. Его новая застежка «Си-Кьюрити» — с сознательно искаженным написанием слова «безопасность» — представляла собою полосу перемежающихся крючков и петелек. Повсюду появилась реклама: «Конец петлям на вашей одежде и вечно отрывающимся пуговицам!». Но дело снова завершилось множеством жалоб и полной неудачей.

Тут на горизонте горящей компании возник шведский иммигрант Гидеон Сундбак. В 1908 году он создал проект «Плако» — застежку с улучшенной конструкцией петли, но и ее швейная промышленность отвергла. Пуговицы были привычнее, да и надежнее.

Еще четыре года ушли на эксперименты, пока Сундбак не решил отбросить крючки совсем. Теперь в застежке использовались пружинные захваты с одной стороны и рубчатая лента — с другой. На свет явилась «Компания бескрючковых застежек», но портные по-прежнему преданно любили пуговицу. Однако Сундбак не унывал.

Коммивояжеры объездили все швейные мастерские Нью-Йорка, демонстрируя там свое чудо и его преимущества перед опозорившимися «Плако» и «Си-Кьюрити». В портновских кругах целых два года царил скептицизм, но вот в производстве корсетов, без которых тогдашняя дама — не лебеди, а также — спортсменов, кisetов для табака и шоферских перчаток дело начало ладиться.

История зафиксировала даже «изобретателя» слова «Zip», как такие застежки зовутся ныне на западноевропейских языках. Это был портной по имени Роберт Дж. Юнг, который начал их ставить на куртках для всеобщих любимцев — летчиков. Сами куртки расходились неважно, но название «присталло», а это, согласитесь, было тоже не последним делом.

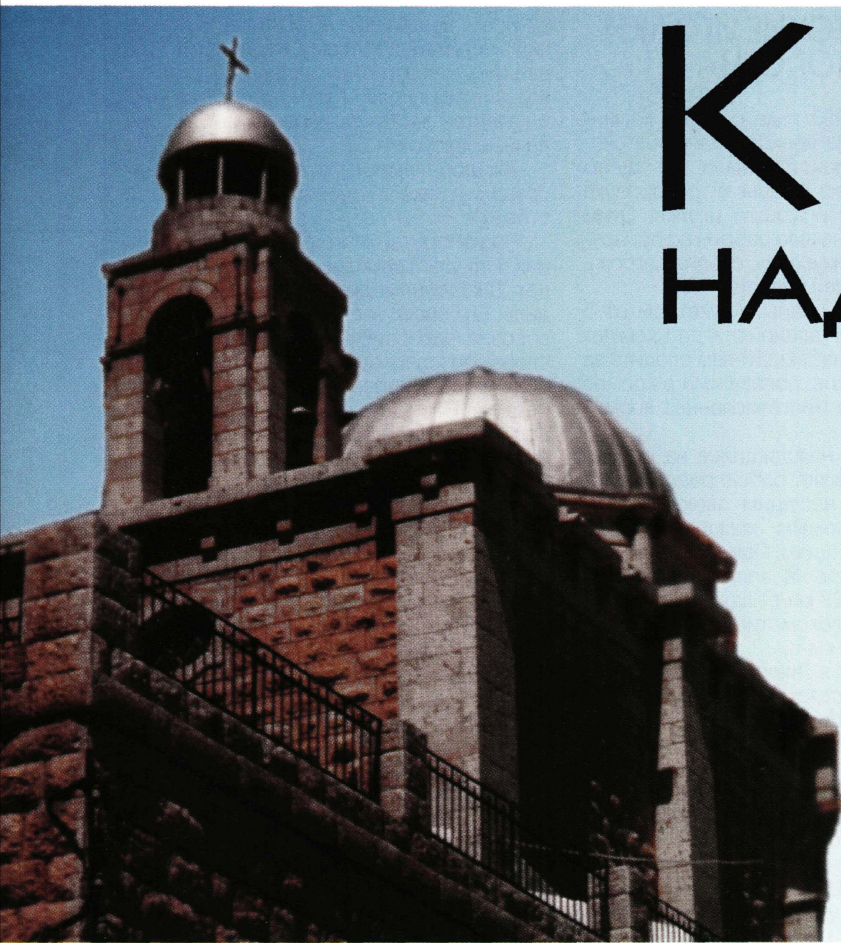
Известная резиновая компания «Гудрич» решила шить такую застежку в изготавливаемые ею... галоши, и подобный вид обуви прозвали «зиппером». Но только в начале 30-х годов «плотину прорвало»: швейники расстались с пуговицами и возлюбили «молнию». «Компания бескрючковых застежек» приняла более компактное имя «Талон инкорпорейтед» («талон» значит «коготь») и перевела свои цехи на круглосуточную работу.

Затем последовали многолетние, но безуспешные попытки делать «молнию» не из металла, а из пластмасс. В середине 50-х годов произошла подлинная «революция»: некто Николас Валь запатентовал теперь уже привычную нам модель застежки со спиральными колечками из нейлона.

...История «молнии», помимо прочего, свидетельствует и о том, как трудно бывает порой назвать одного автора изобретения, чем-то изменившего мир.

По материалам зарубежной печати
подготовил Б.СИЛКИН

КРЕСТ НАД СКАЛАМИ

Есть в Сирии маленький, не похожий на другие городок — Маалюля. Он знаменит тем, что там по сей день говорят на арамейском языке. Так, по крайней мере, утверждают путеводители: «Здесь говорят на том самом языке, на котором Иисус Назаретянин проповедовал своим соплеменникам, на котором он разговаривал с Понтием Пилатом. Язык этот давно мертв, и Маалюля — единственное место, где он уцелел и бережно передается из поколения в поколение».

Филологи-семитологи придерживаются иной, не столь радикальной точки зрения, считая, что это — новосирийский язык, один из диалектов того, на котором говорят айсоры, или, как их теперь принято называть, ассирийцы. Только диалект этот лишен турецких и персидских слов, архаичен и очень близок к ивриту. Так что он и вправду — реликт, сохранившийся в горах Антиливана.

Городок расположился недалеко от Дамаска, в часе езды на машине. Сворачиваем с широкой автострады налево и видим крест над куполом монастыря, а рядом — врезанные в скалы дома. Здесь словно попадаешь в давно минувшие времена. Эта земля входит в тебя плотью, красками, звуками, запахами... Звонят колокола. Тянет теплым хлебным духом из маленькой пе-

карни. Покупатели — в основном мужчины, как принято на Востоке. Они выносят по дюжине горячих, обжигающих руки лепешек и тут же раскладывают их на земле — чтобы остыли... Пропылила отара овец. Следом проскрипела арба, груженная полосатыми, глянцево-зелеными арбузами... Строится дом, и тонкая, как пудра, пыль смешивается с ароматом цветущих олеандров... Все, как сто, двести лет назад. И лишь телеграфные столбы да телеантенны возвращают нас в день сегодняшний.

Городок берет начало в ущелье, со всех сторон берет жатом скалами. Улицы-террасы круто карабкаются вверх, образуя амфитеатр. Они так извилисты и узки, что двум встречным трудно разойтись. Дома, увитые виноградными лозами, лепятся к скалам, как птичьи гнезда. Плоская крыша одного служит подножьем другому, повыше. Над

многими крышами угрожающе нависли огромные валуны. Эти каменные глыбы скатились с вершины горы и застыли на полпути. Кажется, достаточно малейшего толчка, чтобы они сорвались вниз, сметая все на своей дороге. От этого дома кажутся особенно хрупкими, незащищенными. Но жителей Маалюли это, похоже, не тревожит. На балконах сушится белье, проветриваются ковры, чаевничает семья. Войдите в любой дом, вас гостеприимно встретят, угостят душистым травяным чаем — «згурат» и обязательно расскажут легенду о покровительнице городка — святой Текле.

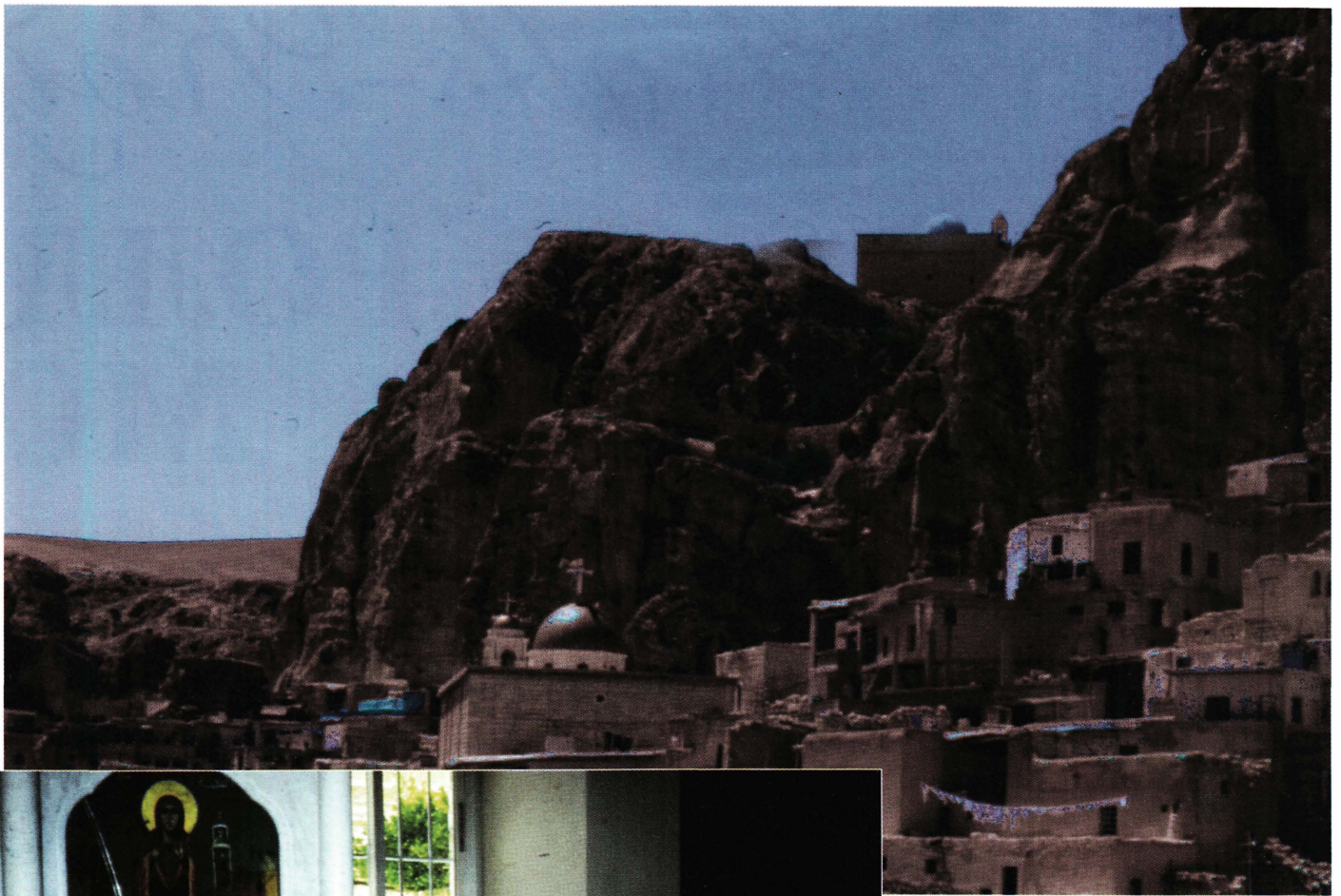
А начнут с рассказа о языческом храме «Ванна королевы», что когда-то стоял здесь, в долине. В этих местах поклонялись кровожадному божееству Хададу и его супруге Атаргатис, богине плодородия и любви. В необузданных ритуальных оргиях приносили в жертву детей. Паломники в экстазе кастрировали себя перед статуей божественной Атаргатис... Все это было давно. Сейчас на этом месте белеет шпиль католической часовни.

Маалюля в переводе с арамейского означает «вход», арабы же толкуют название как «место исцеления». Оба названия прочно связаны с жившей в этих краях первой христианкой, Теклой.

Ученица апостола Павла, она первая порвала с язычеством и приняла христианство. В те годы христиан жестоко преследовали.

Однажды отец застал девушку за молитвой, жестоко избил ее и пытался сорвать с нее крест. Текла защищалась, как могла. Разгневанный отец запер ее в доме, обещав вернуться с соседями, чтобы расправиться с вероотступницей.

Девушка выпрыгнула из окна и пустилась бежать. За ней погналась ватага вооруженных людей. Босые ступни Теклы были изранены об острые камни, силы иссякали. А они все гнали и гнали ее, как стая гиен гонит легкую добычу. Окружив со всех сторон, девушку оттеснили в тупик, из которого не было выхода. Перед ней стояла неприступная, отвесная скала. Толпа надвигалась все ближе. Уже первые

камни, просвистев в воздухе, легли у ног Теклы... В отчаянии она опустилась на колени и вознесла молитву, прося защиты у Пречистой Девы. И свершилось чудо! Гром потряс долину. Задрожала, расступилась скала, пропустив беглянку, и сомкнулась вновь. Пораженные увиденным, преследователи остановились, бросили камни и отступили... Многие потом сами уверовали в Христа.

А Текла поселилась в этих местах и прожила долгую жизнь. Бог наградил ее чудесным даром — исцелять людей. Когда она умерла, заплакала скала, над ее могилой забил целебный источник. Он есть и сейчас: в мраморную чашу стекают струйки воды, как слезы Теклы. Даже в самые знойные дни она холодна и прозрачна. И каждый, кто приходит сюда, пьет из этого источника, оmyвает лицо и руки.

Сохранился и проход в скалах. Длинный, петляющий. Скалы то вплотную сближаются, то вновь расходятся. Под ногами бежит ручей. А в скалах чернеют пещеры — жилища первых христиан. Здесь, в этом пустынном краю, они находили приют, спасаясь от преследователей.

...Мы поднимаемся по каменным ступеням и выходим во двор часовни святой Теклы. Небольшой дворик с фонтаном посередине. Играют дети. Старая женщина, сидя на паласе, длинной тонкой палкой бьет, расчесывает шерсть, из которой стегают одеяла. Мальчуган в больших, не по размеру, резиновых сапогах поливает из шланга цветы.

В маленькой часовне тихо, полумрак. Снимаем обувь, входим. Монашенка в черном зажигает лампаду, ос-

веща иконы с ликом Теклы — старинные, потускневшие от времени и совсем новые еще, пахнущие свежим лаком. А потом она показывает нам бесценную реликвию — рукописную Библию на арамейском языке.

У выхода нас встречает священнослужитель в черной рясе. Молодое лицо в окладе черной бороды, корректное рукопожатие, доброжелательная улыбка.

— Интересуетесь святой Теклой? Жаль, но могу рассказать лишь вкратце: сегодня воскресенье — меня ждут дети для беседы.

— Подойдем, прислушаемся? — шепчет мне переводчик. — Разговор будет о добре и зле.

Вот что мы услышали:

— Доброта — это не разовый подвиг. Пусть даже в благородном порыве ты роздал все, что имел, бедным. Но и это — не истинная доброта. Не тот мудрец, кто однажды сделал добро, а тот, кто служит ближнему ежедневно, буднично, не видя в этом особой заслуги. Как бы трудно тебе ни было, радуйся, что живешь, видишь мир и можешь быть кому-то полезным. И если ты не украсил кому-нибудь жизнь своей добротой, — твой день пропал даром...

Елизавета СУМЛЕНОВА
Фото автора

Дамаск — Маалюля

КОТЕЛОК ДЯДЮШКИ ЛЯО, ИЛИ НАСТАВЛЕНИЯ У НАКРЫТОГО СТОЛА

Кун-фу-цзы¹ учил: «Есть три радости бедняка: вытянуть ноги, почесаться и рыгнуть от сытости; есть три радости богача: любоваться тем, как женщина расчесывает волосы, насладиться ароматом тонких блюд в изысканной посуде и ощутить власть».

Как мы видим, еда и там и тут занимает достойное место. Кун считал ее первой радостью жизни. Ляо Кэ² добавлял, что нет блюд вкуснее, чем те, которые готовила человеку его мать. Это, несомненно, справедливо. Лю Бан, достигши к старости почестей, бывал приглашаем в Запретный город и вкушал блюда со стола Сына Неба. А уж о пирах во дворцах князей и гунов нечего и говорить: каждый рад был его позвать. Но сам он свидетельствовал, что лучше всего ему, когда поест он толстой лапши с квашеной редькой и проросшими соевыми бобами, что подавала ему в родном доме матушка.

Следует добавить, что в семейной жизни Лю был несчастлив, хотя жена его была шестой дочерью чуского князя Чжоу. Некоторые считали, что причиной тому — его преклонный возраст. В действительности же Лю тосковал по привычной еде, но не рещался об этом сказать своей высокородной супруге, добивавшейся благосклонности высокоученого супруга, кроме всего прочего, тем, что приказывала повару ежедневно готовить изысканные по вкусу и внешнему виду яства.

Ляо Кэ к этому добавляет: «Тот, кто говорит: «Моя матушка готовит гораздо лучше моей супруги», заслуживает по-

¹ Кун-фу-цзы — (досл. «Почтенный Кун») — Конфуций. Не известно, говорил ли он приведенные слова, но их глубокий смысл, несомненно, был бы ему близок.

² Ляо Кэ — не известный науке, но, очевидно, мудрый человек. Это относится также ко всем мудрецам и вельможам-гунам, чьи имена не отмечены дальше сносками.

рицания и, уж во всяком случае, не заслуживает одобрения — он хороший сын, что похвально, но дурной супруг; тот, кто говорит: «Моя супруга готовит гораздо лучше моей почтенной матушки», заслуживает осуждения — он может быть хорошим супругом, но он — непочтительный сын, а следовательно, не может быть хорошим отцом и наставником;

тот же, кто радостно говорит: «Поистине я доволен своей женой — она готовит, как моя почтенная матушка», — заслуживает одобрения и почитания: он почтительный сын и хороший супруг; не может быть, чтоб такого человека не благословило Небо».

Все сказанное относится к мужчине. Женщине надлежит почитать выше своего супруга только его родителей и Небо.

Как известно, Фан Цю¹ не переносила кардамона. Матушка же ее супруга обильно добавляла кардамон во все кушанья. Фан Цю поэтому прилежно сыпала кардамон, когда готовила. И даже, когда ела то, что оставалось после обеда супруга, старалась улыбаться, всячески выражая удовольствие. Это, как говорят, сократило ей жизнь, но на смертном одре, препоручая супруга заботам наложницы Розовое Облако, она не забыла напомнить ей, что кардамон веселит сердце ее повелителя. Узнав обо всем от лекаря, убитый горем вдовец поставил ей в усыпальницу бронзовую доску со следующими, собственноручно написанными стихами:

*«Южный ветер иссушает цветок,
Бабочки танца узор прихотлив,
По-прежнему воды струятся».*

В прежние времена эту доску можно было видеть в уезде Цзяшоу в провинции Хэбэй. Нечто подобное случилось и в более поздние времена.

¹ Фан Цю — образец почтительной супруги; могла бы существовать и существовала под многими другими именами.

Палочки жены хоть на десятую долю цуня должны быть короче палочек мужа, и если, развеселившись, супруг приглашает супругу отведать с ним из одной пиалы, то комок клейкого риса, который она берет вослед, должен быть несколько меньше.

Цинь Пожень к этому добавляет, что если родители оказывают честь детям, посещая их, сыну надлежит доест лишь то, что останется после них, ни в коем случае не садясь с ними за стол; если же его супруге в этом случае не остается ничего, она все равно должна благодарить Небо, ибо покой в семье есть высшая благодать. Недаром же говорится:

*«Покой в семье,
Покой в Поднебесной.»*

Хранить этот покой есть высшая добродетель.

Иные говорят: «К чему блюда, изукрашенные драконами и фениксами? Разве в кувшине суть, а не в налитом в него вине?» Сыма Цзянэр, известный

мудростью и богатством, полагал, что золотых рыбок следует помещать в нефритовую вазу: только так можно любоваться их игрою. Еда должна радовать глаза ранее, чем пять внутренностей, тем самым подготавливая их к восприятию пищи. Сочетания цветов призваны волновать. Аромат, приятно щекоча обоняние, делает желудок упругим. Подобно Инь и Янь¹ сочетаются, противоборствуя, противоположные вкусовые качества. Сладкое и горькое, острое и нежное, твердое и мягкое, горячее и холодное — должны присутствовать в разумной пропорции. Потому и на столе они должны стоять одновременно.

Многое также зависит от соотношения чжуши и фуши. При этом предназначение чжуши — создать сытость; назначение фуши — радость от нее. Мудрецы прошлого считали, что лучшее из чжуши — сваренный на пару рис. Той же точки зрения придерживался и Би Кэ-бао, добавивший похвальное слово о лапше. Он даже считал, что за столом, на котором есть лапша, можно обойтись и без риса. Конечно же, он имел ввиду мучную лапшу, а не гороховую и не крахмальную: те следует считать фуши. Бедняк ест чжуши, его фуши не обильно, ибо радость его — сама сытость. Образованному человеку надлежит трижды сменить в своей чашке фуши, прежде чем добавить чжуши. Обращаясь к общей чаше, следует перевернуть палочки и взять еду обратными их концами.

Пригласив к себе гостей, образованный и воспитанный человек украсит стол красивой посудой. При этом он не забудет, что его собственная чашка или палочки должны иметь хоть какой-нибудь изъян, ибо этим он подчеркивает более высокое положение гостей по сравнению со своим. Ляо Кэ считал, что, благодаря гостям за честь, следует называть их дома дворцами, квартал, где они живут, — великолепным городом, а все свое должно именовать словами более низкими. Воспитанный гость, отвечая хозяину, вернет ему все похвалы в превосходной степени. При этом следует поклониться.

Любой ритуал хорош, будучи к месту. Но и без ритуала обойтись нельзя. Кун учил, что «нет человека вне ритуала, как нет и ритуала вне человека».

Если же стол ваш будет пуст или же не будет радовать глаз, а то и того хуже — язык, ритуал становится бессмысленным.

Следует помнить, что за столом должны сочетаться мясо, рыба и то, что дает нам земля, — то есть овощи. Ничто нельзя приготовить, не имея этих исходных, а также огня, воды, жира, сои, сахара и пряностей.

¹ Инь и Янь — мужское и женское начало в китайской философии.

Огонь придает пище вкус, лишает ее вредных свойств, очищает.

Вода очищает, усиливает свойства соков, создает среду.

Жир позволяет быстро завершить готовку, придает вкус и, смешанный с соками, содержащимися природно, создает, собственно, саму пищу.

Соя веселит язык, усиливает жизненную силу, особо же благоприятно действует на печень, управляющую, как известно, настроением.

Сахар, разумно добавленный, не сообщает сладости, но искусно подчеркивает вкус.

Пряностей есть многие виды. Перец среди них — первый. Имбирь также хорош.

В порядочном доме должны содержаться различные пряности, но среди них высокое место занимает «Пять жемчужин».

Хорошая хозяйка для изготовления «Пяти жемчужин» мелет свежий черный перец и, взяв его одну чайную ложечку, смешивает с таким же количеством чистой и светлой соли. Поместив смесь на чистую сковородку, она подогревает ее три минуты на сильном огне, время от времени помешивая. Остыв, смесь превращается в «Пять жемчужин». Соль отдала часть своей солености перцу, а тот, в свою очередь, наградил ее толикой своей резкости. Дитя их обладает обоими свойствами родителей, но в смягченном и облагороженном виде. Особо хорошо оно для холодных видов пищи, таких, как «Хрустальное мясо».

Это последнее простотой своего изготовления напоминало бы пищу варваров, не имея оно столь изысканного вкуса. Вскипятив в котле воду, бросить следует в нее пристойный кусок мяса, и, когда вода закипит снова, оставить ее в кипящем виде на огне три минуты. После этого следует снять котел с огня и оставить стоять, пока вода не станет совершенно холодной (например, с вечера до утра). Положенный кусок мяса варится при этом так называемым «обратным теплом». Следует нарезать его тонкими листочками. Если дома есть соя, то можно налить ее тонким слоем на тарелку и аккуратно разместить мясо. Сверху приятно рассыпать «Пять жемчужин». Розовость мяса будет нежно мерцать сквозь сероватость приправы, подобно розовым на рассвете вершинам Цзюлуншань сквозь туман. Повар цинского дома Юэ Шестой считал, что соя тут вовсе и не необходима. Прохладность «Хрустального мяса» отменно оттеняется горячим рисом.

К этому изысканно подать квашеную редьку. Не правы те, кто считает ее блюдом низким и недостойным приличного стола. Низка она лишь в том случае, если составляет весь стол. В качестве добавки она и вовсе необходима.

Едкую черную редьку следует, очистив ее, измельчить и уложить в стеклянный или керамический сосуд. Уложив один слой — в четверть длины палочки для еды — нужно засыпать его мелким сахаром, едим красным перцем и полить уксусом. И так — слой за слоем, пока сосуд не наполнится. Плотно закупорив, надлежит четыре раза осторожно перевернуть его, дабы жидкости перемешались. Ставить надлежит в теплое, но не слишком, место. Утром следует еще четыре раза перевернуть сосуд. Редьку уже можно есть, но чем дольше стоит, тем она лучше и полезнее. Запах ее, правда, как говорится, «радует злых духов», но вкус — «веселит семь мудрецов».

Ли По считал необходимым добавить в изготавливаемую редьку мелко дробленный чеснок. Чеснок весьма хорош и для холодных колбасок. Кусок мяса следует измолотить до тонкости бумаги «лу», смазать дробленным чесноком, добавить немного мелкого сахара и перца. Отрезав кусочек свиного сала длиной и толщиной в фитиль для светильника, должно завернуть его в мясо, как в бумагу, и, обернув листком тонкого светлого металла — совершенно непроницаемо, жарить на сковороде, переворачивая, четверть часа. Дать охладиться, развернуть и нарезать острым ножом на кружки. Далее с кружками следует поступать, как с «Хрустальным мясом».

Все это пристойно подать на стол с горячим — для лучшего сочетания. При том, по мнению Ляо Кэ, горячих блюд должно быть не менее четырех.

Ли Сян-сы¹ рекомендовал такие: «сау тхить бо», «сау зюен», «тхить лон тхить га нуй фа», «лон га мен тао».

«Сау тхить бо» делают, как и видно из названия, из говядины. Нарезав ее маленькими и тонкими кусочками, посыпают немного перцем и немного сахаром, оставляют в стороне, пока режут лук и морковь. Лук режут кольцами и каждое кольцо делят пополам. Морковь должна напоминать лапшу. Можно добавить и нарезанную так же редьку и репу: они придают изысканность. Редька и репа, конечно, к столу не обязательны. Для званного обеда, впрочем, скорее желательны.

Сильно разогреть на сковороде жир (растительное масло, или свиной жир, или сливочное масло). Бросить туда мясо, все время его мешая, но только до того момента, когда станет серым, утратив багровый оттенок; нимало не медля, тут же переложить в отдельный сосуд и прикрыть крышкой. Тут же, раскалив новую порцию жира, бросить туда овощи, через минуту при помешивании посыпать их перцем. Когда перчинки бу-

¹ Ли Сян-сы — китайское прочтение иероглифов, составляющих уважаемое имя вьетнамского мудреца дорогого Учителя Ле Суан Ту.

дворе чуских князей. Не зря на его могиле установлена была доска с надписью «Веселил глаза и душу», а через год после смерти ему присвоен был титул «Шестой мандарин правой руки» с девизом «Развивающий доблести предков».

До мелко резал говядину, смешивал с мелко же нарезанным луком и дробленным чесноком. Добавлял сахар и тщательно перемешивал все руками, говоря: «Руки мастера придают вкус». Разогрев на сковороде изрядное количество растительного масла, дожидаясь, пока оно задымит, тогда бросал туда кольцо лука. Как оно обуглится, его следует вынуть, зато масло после этого лишено запаха и очень аппетитно. Потом До переводил огонь до среднего, выкладывал мясо на сковороду, приговаривая: «Теперь дядюшка До может выпить чаю». Чай он пил ровно десять минут, а в это время ученик с прилежанием перемешивал мясо на огне, дабы все части его пропитались раскаленным маслом. Попив чаю, почтенный До говорил: «А теперь моя очередь!», солил содержимое сковороды, посыпал ароматической зеленью и на пять минут плотно прикрывал крышкой. Через пять минут, даже не глядя, говорил ученикам: «Снимите-ка!»

Из его наставлений ученики, из которых особенно известен был Хуай Лю-гуань, записали и донесли до нас особенно следующее: чем мельче нарезано мясо, чем больше луку, а и того важнее чесноку, чем обильнее масло, тем вкуснее.

Особенным же мастером он был в приготовлении изысканного кушанья «тхить лон тхить га нуй фа». Для этого брал он свинину, курятину, стручков сладкого красного перца числом четыре и меру миндаля. При том говорил: «Миндаль бедняка — лесной орех». Свинину и курятину в равной пропорции нарезал мальми кусками, а иной раз и лапшой, перец — лапшой, учеников и прислужников заставлял чистить миндаль, а сам раскалял на сковороде растительное масло, ровно «сау зюен» собирался готовить. Очистив масло луком, если готовил для старого князя Чу Чжоувана, который великий охотник был до острой хунаньской пищи, бросал в масло маленький стручок злого перца — тот че-

рез минуту становился из багрового словно бы и соломенным, выбрасывал его, приговаривая: «Произошло соитие». И верно — масло в острое превращалось, оплодотворенное соком перца, и все кушанье становилось как бы огненным. Иные столь острой пищи сторонятся, им он этого стручка не клал.

В раскаленное масло бросал очищенный миндаль, через минуту ровно дырчатой ложкой изымал и помещал в некий сосуд поблизости, а сам уж давал пинок ученику, если тот зазеваётся и не положит в то же мгновение все в то же масло нарезанный сладкий перец и тоже на минуту. Как мы видим, масло уже приобрело привкус ореха миндального, но и привкус сладкого перца. Изъяв перец, в то же масло клал оба мяса, смешанные, в каковые предварительно не забывал добавить и сахару. Две минуты мешал это мясо в глубоком раскаленном жиру и тут же возвращал в сковороду миндаль и перец, тщательно перемешивал и еще минуты три на сильном огне выдерживал, поучая учеников: «Следите за орехом: тому обуглиться не дано».

Те же два мяса брал и для «лон га ментао». Хотя и в старые времена, да и в наше время, многие одной свининой обходятся, и не от бедности, а только в рассуждении изысканности вкуса. Тут нужен был и лук, и чем его более, тем и лучше. Главная же часть — тонкая лапша из гороха «маш», крахмала или же риса — ведь «ментао» она и есть, и готовить это кушанье без нее все равно, что мясное блюдо из моркови жарить. Говорят, в старые времена были умельцы, которым это было под силу, но в наши дни таких, наверное, и не встретить. Коли нет той лапши, о которой мы упоминали, можно взять сделанную из пшеничной муки, только длинную и тонкую. И если те надо залить кипятком на пятнадцать минут, а потом бросить на сковороду, то эту надлежит предварительно сварить, а лишь потом в работу брать.

Разогрев любой из трех жиров на сковороде на сильном огне, бросить сначала два мяса. Как стали серыми, луку — его надлежит хорошо поперчить. Сою однако лить не следует, а как лук перчинками покроется, тут выкладывай лапшу и тщательно и вместе с тем осторожно перемешай ее с мясом и луком. Тогда прилично полить все это соей, дабы потемнело, умерить огонь, посыпать ароматической зеленью и прикрыть высокой крышкой. Когда дух стал аппетитным, время снимать.

Достоин, как считали мудрецы, завершить трапезу супом. Хорош бульон, на который можно употребить как оставшиеся кости, так и обрезки. Он может вариться, пока гости вкушают обед. Следует напомнить служанке, чтобы следила за его прозрачностью. Отдельно приятно сварить лапшу, нарезать лук весьма мелко и держать в стороне. Взяв два яйца, смешать в отдельном сосуде желток с белком. В ки-

дут видны на каждом полукольце лука, полить немного соей, еще раз размешать и вывалить туда же мясо. С поверхности сосуда, где оно лежало, смывать горячей водой в малом количестве остатки и воду вылить на сковороду же. Размешать с осторожностью и старательностью. Все на сильном огне. Посыпать щепотью соли или же полить чуть-чуть соей. Умерь огонь, сковороду плотно закрой, предварительно посыпав содержимое ароматической зеленью, мелко ту измельчив. Минут пять поддержи еще на сковороде. Скажи шесть раз «Наммо амидо буцу». Считай готовым.

«Сау зюен» делал из говядины еще уважаемый До, который готовил пищу при

пящий бульон вылей тонкою струйкой взболтанные яйца, и они превратятся в медузу. Дать вновь закипеть. В яйца можно добавить ароматической зелени. Положив в каждую из чаш горькой лапшу, забросай ее луком, добавь перечной пасты и залей бульоном с яичной медузой. Сверху брось мелко нарезанного мяса, добавь сои и капли кунжутного масла. Если же его нет под рукой, выжги обычное растительное масло луком; потом раздробь горсть лесного ореха и брось в раскаленное масло. Когда почернеет, тщательно его оттуда изыми. Маслу дай охладиться.

Еще можно, мелко нарезав мясо, оставить его сырым, добавив обязательно имбирю. Тогда поместив щепотку-две сырого мяса в супоразливательную ложку, опусти ее в кипящий бульон, так, чтобы он залил мясо, но потом приподними, чтобы края ложки были чуть-чуть над бульоном. Бульон в ложке станет от заключенной в мясо крови розовым. Через минуту мясо станет серого цвета. Жидкость вылей на лапшу с луком, а с мясом то же повтори еще один раз, после чего выложи его поверх лапши. Яйцо тут не нужно совсем, зато перечной пасты жалеть не следует. Еще тут уместен мелко нарезанный лимон. Хорош и соус из перебродившей рыбы «ныок-мам», известный в странах Юга. Этот суп называется «фо», многие считают его полезным при простудах.

Ван Бо учил, что стол несовершенен без яиц; ведь яйцо еще у древних считалось символом совершенства. Король же среди камней — мрамор. Принимая почтенных гостей, окажи им уважение «мраморными яйцами».

Возьми двенадцать куриных яиц, две ложечки чаю, две большие ложки соли, ложечку молотого перцу, анис — не больше щепотки, и четверть стакана сои. Залей яйца холодной водой, вари их четверть часа, осторожно вынь из воды, а ее не выливай. Яйца же вынутые залей холодной водой. Черенком ножа обстучи каждое, до появления трещин, но так, чтобы скорлупа их не отпала и вновь положи в воду, в которой они варились. Туда же добавь все, что указывалось, поставь на сильный огонь, а как закипит, накрой крышкой и уменьши огонь до самого малого. Так в спокойствии вари один час. Когда, по истечении этого времени, снимешь скорлупу, убедишься, что поверхность яиц подобна мрамору. Нарезь их и подавай в той благоуханной жидкости, в которой варили.

Есть и такие, что капусту почитают, как символ бедности. Что же за стол без капусты? Это стол варваров. Но разве варвары читают «Книги поучений», даже и такие скромные, как поучения дядюшки Ляо?

Полкочана капусты, где следует употребить твердую часть листа, нарезать на небольшие кусочки. Взять еще надлежит два стручка изрядной едкости перца, две больших ложки растительного масла, три с половиной ложки сахару, две с полови-

Иероглифы гласят : «Кушайте много», что значит— «Приятного аппетита»

ной ложки уксусу, полторы ложки соли, а если есть — щепоть «митинь»¹.

Раскалив на сковороде масло, брось туда на минуту перец — до соития, потом брось туда капусту и все время мешая держи на сильном огне — через три минуты она размягчится. Тут добавь все, кроме уксусу, и еще мешай на том же огне минуту.

Сними, тут же влей уксус и со старанием размешай. Три часа выдержи на льду. Она украсит собой после этого любой стол.

Лю Куня как-то спросили: «Разве все говорите вы нам, учитель, что знаете сами?» На что Лю Кунь ответил: «Зная все, что знаю я, вы станете со мною вровень, а зачем же тогда вам я?» И хотя ученики заверяли его в почтительности, многое из его учения они узнали только из посмертного письма.

Кун-фу-цзы говаривал: «Дай голодному рыбу, и ты накормишь его; научив же ловить рыбу, ты спасешь его от голода».

Поистине, ученость есть сокровище.

Следует, впрочем, помнить, что некий Цзо Дефан, обладая сокровищем цзинь² весом в триста лян³, все-таки был несчастлив, и излечить от этого его не мог даже даос⁴ Цы, который жил у студента У и занимался каллиграфией.

Необходимое маленькое послесловие

Как догадался благосклонный и проникательный читатель, «Котелок дядюшки Ляо» — не совсем древнекитайский трактат. Он как бы заключает собой наши публикации, имевшие общий подзаголовок: «Из записок исследователя систем питания». Однако, этот ученый трактат — по времени написания — был первым. Я написал его, когда еще совсем не думал поделиться с читателями многообразием кулинарии разных народов и связанных с ней обычаев. Дело было так. Близкие мне (весьма) молодые люди вступали лет двенадцать тому назад в брак. Брак был ранний и необходимый. Хотелось, чтобы он стал удачным, — и тут мне вспомнилась китайская пословица: «Мир в семье, мир в Поднебесной». А так как молодые люди с малых лет привыкли есть палочками за бедным моим столом, родилась идея: изложить в доступной форме все, что им пригодится в будущей жизни, чтобы они могли и сами поесть по-человечески, и друзей угостить, недорого, но вкусно, соз-

¹ Митинь — глютонат натрия; продается теперь повсюду. Заменяет его и порошок «Виледа».

² Цзинь — по звучанию может значить «Золото». Но может быть и что-нибудь другое — тут очень трудно сказать, не видя иероглифа и не зная китайского языка.

³ Лян — небольшая мера веса.

⁴ Даос — ученый, следующий Путем (собственно «дао») Мудрости.

дав тем самым спаянный коллектив. Все приведенные в «Котелке» рецепты — подлинны, и все ингредиенты их — вполне доступны любому. С тех пор многое изменилось: во многих магазинах и в любом общезнании вьетнамцев (которые теперь есть везде) вы можете совсем недорого купить корень имбиря (его стоит нарезать и смешать с мясом, взяв кусочек величиной с фалангу большого пальца), рыбный соус «ныок-мам» и даже сою.

Там же, кстати, продаются и палочки для еды.

Лев МИНЦ,
кандидат исторических наук

Рис. А. ШТЫХИНА

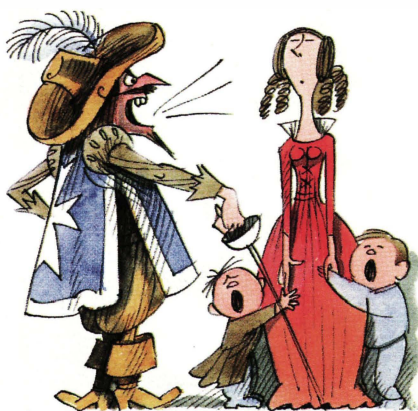
ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ Д'АРТАНЬЯНЕ

Французская дама-историк Адиль Бургас написала книжку «Д'Артаньян — королевский мушкетер». Она не вступила в единоборство с бессмертным Дюма; она просто попыталась восстановить факты.

Реальный Шарль дю Бас д'Артаньян Кастельнор был вовсе не искателем приключений. Он выполнял секретные поручения Людовика XIV — и выполнил их множество, продвинулся по службе, стал главой мушкетеров и к 50 годам скопил состояние, достаточное, чтобы купить особняк в центре Парижа. Славился он еще и тем, что был педантичным служакой.

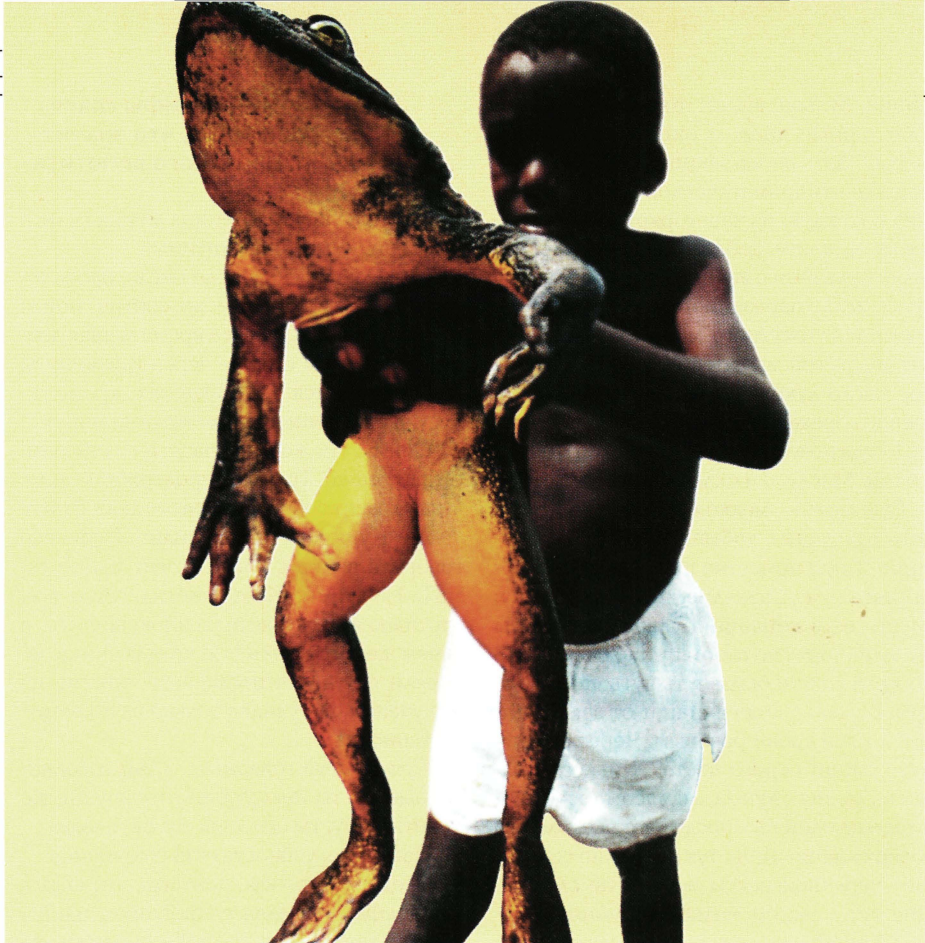
Слишком занятый по службе, любовником он был — никаким. Первый раз женился в 49 лет, а через два года жена сбежала от него с двумя детьми в родную Бургундию. По ее словам, семейная жизнь с д'Артаньяном сильно напоминала службу в гарнизоне.

Едва ли реальный д'Артаньян заслужил бы интерес потомков... Зато д'Артаньян придуманный — бессмертен.

«КРОКОДИЛОВ НЕ КОРМИТЬ СОБОЙ — ТОЖЕ»

Недавно посетители водного парка Остбери, расположенного на севере Англии, пришли в крайнее изумление, обнаружив в одном из озер крокодила. Призванные на помощь специалисты решили, что рептилия была детенышем привезена кем-то из любителей животных в качестве любимой игрушки, а затем, когда выросла, была отпущена на все четыре стороны. Администрация водного парка быстро сориентировалась: теперь посетители могут увидеть предупредительные таблички с просьбой не кормить крокодила и не купаться в озере.

ПРЫГУЧИЙ ГОЛИАФ

Помните «Знаменитую скачущую лягушку из Калавераса», обессмертившую себя под пером Марка Твена? Мы рады сообщить нашим читателям о том, где эта лягушка живет, и все прочие ее точные данные. Начнем с того, что она — вообще не американка. Живет в реке Санага в Камеруне, весит 4 килограмма и рост ее 80 сантиметров. Научное определение соответствует размерам — лягушка-голиаф. Она питается ракообразными, насекомыми, не пренебрегает и мышами.

Ловля голиафа — хороший бизнес для прибрежных жителей: ведь американцы вывозят этих гигантов сотнями. И на конкурсах по прыжкам лягушек голиаф бьет все рекорды.

Не стоит бояться, что лягушка исчезнет из реки Санага: самка голиафа — тоже голиаф по плодовитости...

НЕ ПОМИНАЙ КОРАН ВСУЕ

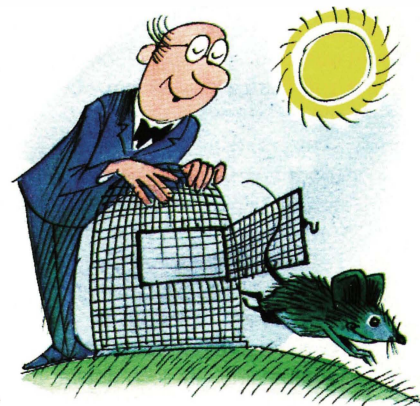
К шести годам лишения свободы приговорил окружной суд пакистанского города Шейкхупура (провинция Пенджаб) одного местного жителя, который признан виновным в нарушении действующего в стране «Закона о богоульстве». Закон предусматривает строгие меры наказания за оскорбление святынь ислама и имени Аллаха и Пророка Его Мухаммеда. Вина бедняги-магометанина заключается в том, что в пригласительных билетах на свадьбу дочери он использовал цитаты из Корана. И тем помянул Имя Божие всуе...

«ГЛАВНОЕ, ЧТО ПОЕСТЬ...»

...а не где», — так примерно можно вкратце изложить решение городских властей Гуанчжоу. Знаменитые рестораны-поплавки на реке Жемчужной вскоре станут для жителей этого города на юге Китая лишь приятным воспоминанием. Городские власти приняли решение закрыть плавучие «храмы чревоугодия», превратившиеся в один из главных источников загрязнения воды. Правда, заметить это можно было и раньше: традиции ресторанов на воде в Гуанчжоу — уже больше двух тысяч лет.

НО СТРАННУЮ ЛЮБОВЬЮ...

Немецкий бизнесмен Рейнхард Хелдвиг уже четверть века собирает ловушки для мышей и крыс. В его коллекции более 1700 страшных для грызунов орудий. Зря грызуны боятся: г-н Хелдвиг ловит их в свои многочисленные западни, а потом отпускает на волю целыми и невредимыми. И еще кормит перед этим.

БРИТАНЕЦ — ОН И В ТЮРЬМЕ БРИТАНЕЦ

В Великобритании из печати вышла книга под интригующим названием: «Справочник заключенного». Ее основная идея: тюрьма — не курорт, но все же пребывание там можно сделать если не приятным, то хотя бы более удобным. До сих пор бедным заключенным приходилось довольствоваться «парашами» (извините за выражение), то есть слухами, о том, где лучше сидеть. Теперь все это в прошлом.

Марк Рич, осужденный на семь лет за вооруженное ограбление, эти годы даром не терял. Его «Справочник» обещает стать настольной книгой каждого уважающего себя преступника. На 430 страницах автор подробнейшим образом описывает положительные и отрицательные стороны любого исправительного заведения и как с ними бороться. В основу труда положены не только собственные наблюдения. Марк подошел к делу весьма основательно, разослав анкеты обитателям всех тюрем и даже охранникам. И все аккуратно ответили.

ЗАРАЗА ПО ПЕРЕПИСКЕ

Министерство культуры и исламской ориентации Ирана потребовало закрыть клубы друзей по переписке и центры знакомств. По мнению министерства, эти организации ведут деятельность не совместимую с исламской нравственностью. В частности, переписка юноши или девушки с западными ровесниками может серьезно подорвать их моральные устои. Только что свинины поел, понимаешь, а потом персидской девушке пишет! Что же с ней будет: чадру сбросит, губы покрасит, а потом?..

ОТКУШЕННЫЙ ВЕЩДОК

К необычному, но весьма эффективному способу самозащиты прибегла молодая жительница Претории (ЮАР). Во время прогулки в столичном парке она чуть не стала жертвой насильника. Когда на призывы о помощи так никто и не откликнулся, женщина в отчаянии одним махом откусила у нападавшего добрую половину языка. Тот от боли сразу позабыл обо всех сексуальных желаниях и, утробно мыча, скрылся в кустах. У потерпевшей же осталось вещественное доказательство — половина языка, которую она и принесла в полицию. Правоохранительные органы оповестили все больницы и клиники провинции относительно возможного появления необычного пациента. Как считают специалисты, после операции он сможет вновь говорить. Однако калека пока не спешит обращаться к врачам, так как хорошо понимает, что вместе с языком ему «пришьют» и срок.

ЮБКИ УДЛИНЯЮТСЯ... С ВОЗРАСТОМ

Большинство немок предпочитают в нынешнем году длинные юбки. К такому выводу пришли сотрудники Алленсбахского института изучения общественного мнения, проводившие представительный опрос в ряде регионов страны. Лишь 4 процента женщин высказались за мини-юбки. Для 25 привлекаемыми показались миди, а для 19 процентов — юбки длиной до щиколотки. Оно и верно: в возрасте, когда ноги лучше не показывать, гораздо уютнее рассуждать об испорченных нравах нынешней молодежи...

Позиция особ женского пола моложе 30 лет выглядит по-иному: 11 процентов остаются верными мини, а 47 считают, что колени в любом случае должно быть открытым.

ТАКОВЫ ЖЕНЩИНЫ...

Беспощадный бой за обладание самкой разразился между двумя носорогами в одном из национальных парков Кении. До недавнего времени все здесь было спокойно, так как на пять самцов в стаде приходилось пять самок, но полгода назад одна из них погибла от пневмонии. Это нарушило неустойчивое равновесие и стало причиной конфликта. Поначалу оба самца пытались всевозможными способами заслужить благосклонность дамы, потом разразилась страшная битва. Один из носорогов, вдовец весьма преклонных лет, другой же — молод и силен. Опытный и хитрый старец, правда, не уступил сопернику. Битва окончилась ничьей. Однако, как и следовало ожидать, самка, не обращая внимания на боевые заслуги претендентов, сама сделала выбор и предпочла молодого. С ним она и проводит теперь все время.

Пожилому вдовцу остается только наблюдать за счастливой парой из зарослей.

«ИЖЕ ЕСИ НА НЕБЕСИ»...

В Риме на 250 языках вышло новое издание молитвы «Отче наш». Множество полезных вещей смогут почерпнуть в этой книге не только верующие, но и лингвисты. Для языков, алфавиты которых экзотичны — от славянского до священного языка буддистов пали, — выполнена тончайшая работа по транслитерации. Она позволит всем читателям свободно разобраться в тексте молитвы. Переводы напечатаны 180 типографскими шрифтами — от арамейского, на этом языке, согласно свидетельствам, Иисус Христос произнес молитву «Отче наш», до греческого. Молитва переведена на грузинский и тибетский языки. Переложена она и на иероглифы древнего Египта. (Интересно, правда, кому именно это пригодится?)

ДРУГ БЫВАЕТ ЛИШЬ ОДИН

В Китае домашние животные — одно из проявлений приобщенности к современной западной культуре, последний писк моды. До сих пор китайцы смотрели на них чисто утилитарно, благо, пищевых запретов у них нет. Ныне власти Пекина всерьез обеспокоены тем, что к 11 миллионам жителей столицы добавляется огромное количество их четвероногих друзей. Попытки запретить содержание собак в домах встретили мощный протест — даже у обычно дисциплинированных китайцев. Пришлось ограничиться полумерами. Теперь как местные жители, так и иностранцы должны вначале получить разрешение на содержание собаки; ее нельзя вывозить за пределы города, приводить в публичные места, в общественный транспорт. С наступлением темноты все домашние животные должны находиться дома. Наконец нельзя иметь более одной собаки на семью. (Может быть, только в случае, если собака предназначена к столу...)

ДАМА РОМЕО

Сингапурец Чон Се Еу развелся с женой. Супруга, сообщил он в суде, ушла от него пять лет назад, сделала операцию и... стала мужчиной. После этого она добавила к своему имени слово «Ромео». Бывший муж обвинил бывшую спутницу жизни в экстравагантном поведении и нежелании его понять. «Не добавлять же мне к своему имени Джульетта? Очень уж по-дурацки будет звучать — Джульетта Чон Се Еу»

ДОН ЖУАН-ЭФЕНДИ

Житель Каира Халед Ахта, которому всего 38 лет, представил в местное отделение Книжки рекордов Гиннеса документы, которые подтверждают, что у него было 60 жен и с последней, шестидесятой, он только что развелся, чтобы соединиться браком с 61-й. Впервые Халед женился в 17 лет, но жена и сын вскоре погибли. Бедняге захотелось переменить обстановку. И началось! Города и профессии мелькали с космической скоростью: бармен, продавец книг, актер, матрос. В каждом порту, куда заходил его корабль, Халед женился, однако, будучи добрым мусульманином, больше четырех жен одновременно не имел. Всего же многоженец охватил 17 египтянок и 43 женщины из 28 других стран. «Моей женой была даже королева красоты Грузии, а самый короткий брак длился всего 48 часов — очень уж нудная попалась супруга, — вспоминает рекордсмен. — Я всегда рассказываю будущей жене о ее предшественницах, но хоть бы одна отказалась!..»

Раздел ведет Л.МИНЦ
Рисунки В.ЧИЖИКОВА

Алистер МАКЛИН,
английский писатель

К ЮГУ ОТ МЫСА ЯВА

Роман

Глава 14

Голос Ван Эффена смолк, и в доме совета воцарилась тягостная тишина. Алмазный холмик у его ног, игравший и поблескивавший с варварской притягательностью в мерцающем свете ламп, странно завораживал, приковывая взгляды всех находившихся в хижине. Мало-помалу Николсон пришел в себя и посмотрел вверх, на Ван Эффена. Как ни странно, старший помощник не чувствовал ни горечи, ни враждебности к этому человеку: слишком через многое прошли они вместе, и Ван Эффен превзошел большинство в выносливости, бескорыстии и постоянной готовности прийти на помощь. Воспоминания об этом были чересчур свежи, чтобы стереться из памяти.

— Камни, конечно, с Борнео, — пробормотал он. — Перевезены из Банджармасина на «Керри Дэрсер» — не иначе. Нешлифованные, я полагаю. Так вы говорите, они стоят два миллиона?

— Грубо обработанные и совсем нешлифованные, — кивнул Ван Эффен. — И их рыночная стоимость по меньшей мере, как у сотни истребителей или пары эсминцев — не знаю. Но в военное время они стоят неизмеримо больше для любой стороны. — Он слабо улыбнулся. — Ни один из этих камней никогда не украсит пальцы миледи. Только промышленное использование в качестве резцов для инструментов. А жаль, не правда ли?

Никто ему не ответил, даже не взглянул в его сторону. Все слышали слова, но они не запечатлевались в сознании, в тот момент обратившемся исключительно в зрение. Вдруг Ван Эффен шагнул вперед, замахиваясь ногой, и часть алмазов разлетелась по земляному полу сверкающим каскадом.

— Мусор! Побрякушки! — В его хриплом голосе было презрение. — Что значат все алмазы на свете, когда великие нации мира вцепились друг другу в глотки, уничтожая людей тысячами и сотнями тысяч? Я не принес бы в жертву жизнь — даже жизнь неприятеля — ради всех алмазов Ост-Индии. Но мне пришлось пожертвовать многими жизнями и, боюсь, еще большее их количество — подвергнуть смертельной опасности, чтобы получить другое сокровище, что бесконечно ценнее этих жалких камней. Что значат несколько жизней по сравнению со спасением в тысячу раз большего количества людей?

— Все мы видим, сколь вы чисты и благородны, — с горечью проговорил Николсон. — Избавьте же нас от остальных доказательств этого и переходите к делу.

— Я почти закончил, — столь же горько сказал Ван Эффен. — Это сокровище находится здесь, вместе с нами. У меня нет желания отсрочивать разгадку, и я не надеюсь на драматический эффект. — Он протянул руку. — Мисс Плендерлейт, будьте любезны.

Она воззрилась на него непонимающим взглядом.

— Ах, ну да, понятно, понятно. — Он щелкнул пальцами и улыбнулся ей. — Восхищаюсь вашей стойкостью, но я, право, не могу ждать всю ночь.

— Я не понимаю, о чем вы, — безучастно проговорила она.

— Вероятно, будет проще, если я скажу, что знаю все. — В голосе Ван Эффена не было ни злорадства, ни торжества — лишь твердая уверенность со странным налетом усталости. — Все, мисс Плендерлейт. Мне известно даже о простой короткой церемонии, состоявшейся в суссекской деревушке 18 февраля 1902 года.

— О чем, дьявол вас раздери, вы говорите? — спросил Николсон.

— Мисс Плендерлейт понимает, о чем. Не так ли, мисс Плендерлейт? — В голосе Ван Эффена звучало почти сострадание: впервые жизнь оставила ее морщинистое старческое лицо, плечи изможденно сутулились.

— Я понимаю, — кивнула она подавленно и посмотрела на Николсона. — Он ссылается на дату моего бракосочетания с бригадным генералом Фарнхольмом. Сороковую годовщину свадьбы мы отметили с ним на борту шлюпки. — Она попыталась улыбнуться, но ей это не удалось.

Николсон уставился в ее усталое маленькое лицо и пустые глаза и внезапно убедился в правдивости сказанного. Он смотрел на нее, впрочем, совсем не видя ее, в нахлынувших воспоминаниях многие ставившие его в тупик вещи начали проясняться... Но тут снова заговорил Ван Эффен.

— 18 февраля 1902 года. Если я знаю об этом, мисс Плендерлейт, то я знаю и обо всем остальном.

— Да, вы знаете обо всем, — раздалось ее слабое бормотание.

— Будьте добры. — Его рука была по-прежнему протянута к ней. — И капитану Ямате не придется вас обыскивать.

— Хорошо. — Она пошарила под запятым солью выцветшим жакетом, расстегнула пояс и передала его Ван Эффену. — Думаю, это то, что вам нужно.

— Благодарю вас. — Для человека, получившего то, что он называл бесценным сокровищем, лицо Ван Эффена было странным образом лишено всякого выражения триумфа или хотя бы удовлетворения. — Это действительно то, что мне нужно.

Он расстегнул карманы на поясе, вытащил лежавшие там пенки и поднес их к свету масляной лампы. Почти минуту он изучал их в полной тишине; затем удовлетворенно кивнул и поместил вытащенное обратно.

— Все не повреждены, — пробормотал он. — Сколько прошло времени, и какой путь им пришлось преодолеть, а они, тем не менее, в целости и сохранности.

— Да о чем вы, черт побери, говорите? — раздраженно воскликнул Николсон. — Что это такое?

— Это? — Ван Эффен застегивал пояс на талии. — Это, мистер Николсон, причина событий и страданий последних дней, причина потопления «Виромы» и «Керри Дэрсер», гибели столь многих людей и готовности моих союзников идти до конца, дабы предотвратить ваше бегство в Тиморское море. Это — причина присутствия здесь капитана Яматы, хотя я сомневаюсь, что он понимает это, — но его командир поимет. Это — ...

— Переходите к делу! — оборвал его Николсон.

— Простите. — Ван Эффен постучал по поясу. — Здесь содержатся полные, детально проработанные закодированные планы предполагаемого японского вторжения в Северную Австралию. Японские шифры и коды практически невозможно разгадать, однако нашим людям известно об одном человеке в Лондоне, который может это сделать. Если бы кому-нибудь удалось доставить эти документы в Лондон, союзникам это стоило бы слишком многого.

— Боже мой! — Николсон был ошеломлен. — ...Откуда они взялись?

— Не знаю, — покачал головой Ван Эффен. — Если бы я знал, они бы никогда не попали не в те руки... Подробнейшие планы вторжения, мистер Николсон, — задействованные силы, даты, места высадки — все. Попади они к англичанам или американцам, это стоило бы японцам трех-, а может быть, даже шестимесячной задержки. Подобная отсрочка в начале войны могла стать роковой — теперь вы понимаете их стремление во что бы то ни стало вернуть документы. Что такое алмазы по сравнению с этим, мистер Николсон!

— И в самом деле, что? — автоматически пробормотал Николсон.

— Но теперь у нас есть и то, и другое — и планы, и алмазы. —] намек на радость. Вытянув ногу, он коснулся носком ботинка горки алмазов. — Возможно, выказанное мною презрение к этим камням поспешно. В них есть своя красота.

Окончание. Начало в №7, 8, 9, 10/95

— Да. — В интонации Николсона слышалась острая горечь поражения, однако лицо его оставалось безучастным. — Фантастически смотрятся, Ван Эф-фен.

— Наслаждайтесь ими, пока можете, мистер Николсон. — Холодный и резкий голос капитана Яматы вернул всех к действительности.

Он коснулся вершины алмазного конуса острием меча, и несколько камней, играя и переливаясь, скатилось на землю.

— Они и правда великолепны. Но полковнику Кисеки было приказано лишь получить алмазы и в целости доставить их в Японию. Про пленников ничего сказано не было. Вы убили его сына, и вы увидите, что это значит.

— Догадываюсь. — Николсон презрительно посмотрел на него. — Лопата, яма шесть на два и выстрел в спину, когда я закончу копать. Восточная культура. Мы о ней слышали.

Ямата равнодушно улыбнулся.

— Более быстрого, чистого и простого способа не существует, уверяю вас. У нас есть, как вы говорите, культура. И непродуманность ей не свойственна.

— Капитан Ямата. — Ван Эффен смотрел на японского офицера сузившимися глазами — единственным признаком эмоций на его бесстрастном лице.

— Да, подполковник?

— Вы... вы не можете так поступить. Этот человек не шпион, чтобы расстрелять его без суда и следствия. Он даже не состоит на службе в вооруженных силах. Фактически он гражданское лицо.

— Конечно, конечно, — не без сарказма отозвался Ямата. — Пока же на нем ответственность за смерть четырнадцати наших матросов и летчика. Я содрогаюсь при одной мысли о бойне, которую учинил бы этот человек, будь он военным. К тому же он убил сына Кисеки.

— Он не убивал. Сайрен подтвердит это.

— Пусть он сам объяснит это полковнику, — равнодушно проговорил Ямата, вкладывая меч в ножны. — Мы теряем время. Трогаемся. Скоро здесь будет наш грузовик.

— Грузовик? — усомнился Ван Эффен.

— Мы оставили его примерно в миле отсюда, — осклабился Ямата. — Мы не хотели тревожить ваш сон. В чем дело, мистер Николсон?

— Ни в чем, — кратко отозвался Николсон. Он неотрывно смотрел в открытую дверь, и, вопреки его воле, тень волнения пробежала по его лицу. Уловив взгляд Яматы, старший помощник благоразумно отвел глаза от двери. — Грузовик еще не прибыл. Мне бы хотелось задать Ван Эффену еще два вопроса. — Он надеялся на небрежность своего тона.

— У нас есть одна-две минуты, — кивнул Ямата. — Возможно, это развлечет меня. Но будьте кратки.

— Благодарю вас. — Он взглянул на Ван Эффена. — Просто из любопытства — нельзя ли узнать, кто передал мисс Плендерлейт алмазы... и планы?

— Ну а это-то к чему? — тяжело спросил Ван Эффен — Дело прошлое и к настоящему не имеет никакого отношения.

— Прошу вас! — настаивал Николсон. Неожиданно он понял, что необходимо выиграть время. — Мне действительно хотелось бы узнать.

— Ну хорошо. — Ван Эффен посмотрел на него с интересом. — Я скажу вам. У Фарнхольма было и то, и другое, и почти постоянно при нем. Это должно быть очевидным для вас хотя бы потому, что все оказалось у мисс Плендерлейт. Откуда же взялись планы, я, как уже сказал, не имею представления.

— Должно быть, он пользовался огромным доверием, — сухо проговорил Николсон.

— Это так. И он имел на это право. Фарнхольм был абсолютно надежен, бесконечно умен и находчив и знал Восток — особенно острова — так же как и его коренное население. Нам достоверно известно, что генерал говорил как минимум на сорок два азиатских языка.

— По-моему, вам о нем известно весьма многое.

— Совершенно верно. Это было нашим профессиональным долгом — и немалым удовлетворением любопытства, — узнать о нем все, что возможно. Фарнхольм один из наших ключевых противников. Нам удалось даже выяснить, что он работал в вашей секретной службе чуть более тридцати лет.

Один или два человека охнули от изумления, за чем последовал тихий гул голосов. Даже Ямата снова сел и подался вперед, положив локти на колени. Его хитрое загорелое лицо светилось интересом.

— В секретной службе! — Николсон протяжно, с присвистом выдохнул и вытер лоб с видом непонимания и недоверия. Он догадался о причастности Фарнхольма к английской разведке еще пять минут назад. Под надежным прикрытием руки его глаза какую-то секунду порыскали по сторонам, задержались на открытой двери и остановились на Ван Эффене. — Но... но мисс Плендерлейт говорила, что он командовал полком в Малайзии несколько лет назад.

— Правильно, командовал, — улыбнулся Ван Эффен. — Во всяком случае это входило в его обязанности.

— Продолжайте же, продолжайте, — раздался нетерпеливый голос капитана Файндхорна.

— Продолжать особенно нечего. Японцы и я сам знали об исчезнувших планах через считанные часы после кражи. Я отправился на поиски, пользуясь официальной директивой Японии. Мы, правда, не рассчитывали, что Фарнхольм договорится еще и о том, чтобы взять с собой алмазы, — гениальный ход с его стороны. Если бы кто-нибудь вдруг усомнился в личине бегущего от войны опустившегося алкоголика, он всегда бы смог благополучно откупиться. Этот кто-нибудь неизбежно бы связал маскировку и странное поведение Фарнхольма с камнями и оставил бы его в покое. И наконец, если бы японцы установили, на каком судне находится генерал, то страстное желание получить столь ценный в военное время товар заставило бы их дважды подумать о том, стоит ли топить судно и не лучше ли заиметь и планы, и алмазы каким-нибудь иным способом, что и случилось. Повторяю, Фарнхольм был гениален. Но ему дьявольски не повезло.

— Что-то много здесь шероховатостей, — заметил Файндхорн. — Зачем им понадобилось топить «Керри Дэнсер»?

— В то время японцы не знали, что генерал находится на борту, — пояснил Ван Эффен. — А вот Сайрен знал, и знал с самого начала. Он начал охоту за камнями, я подозреваю, потому, что некое нечистоплотное должностное лицо из голландского руководства передало Сайрену информацию в обмен на обещание поделить часть прибыли, когда Сайрен приберет алмазы к рукам. Но, думаю, этот ренегат голландец не увидел бы гульдена, равно как и японская сторона.

— Довольно удачная попытка меня опорочить, — впервые заговорил Сайрен. Его голос был ровен и сдержан. — Камни отправились бы напрямик к нашим добрым друзьям и союзникам — японцам. Таково было наше намерение. Вот двое моих людей, которые могут это подтвердить.

— Иным способом это доказать будет сложнее, — равнодушно заметил Ван Эффен. — Ваше сегодняшнее предательство стоит отдельного разговора. Не сомневаюсь, ваши хозяева бросят шакалу причитающуюся ему кость. — Он сделал паузу, затем продолжил: — Фарнхольм не подозревал, кто я на самом

деле — по крайней мере, до тех пор, пока мы не провели несколько дней в шлюпке. Я же знал его вдоль и поперек, общаясь с ним и выпивая. Тот же Сайрен много раз видел нас вместе и, наверное, решил, что мы больше, чем друзья, — заблуждение, в которое можно было ввести кого угодно. Поэтому, думаю, он и спас меня — лучше будет сказать, не перекинул через борт, когда «Керри Дэнсер» начала тонуть. Он подумал, что я либо знаю о местонахождении алмазов, либо выясню это у Фарнхольма.

— Еще одна моя ошибка, — холодно признал Сайрен. — Следовало дать вам утонуть.

— Следовало. Тогда бы вы один завладели целым состоянием. — Ван Эффен замолчал и взглянул на японского офицера. — Скажите, капитан Ямата, наблюдалось ли недавно в этих водах необычное скопление британских военно-морских судов?

Капитан Ямата бросил на него быстрый удивленный взгляд.

— Откуда вы это узнали?

— Эсминцы, наверное? — проигнорировал вопрос Ван Эффен. — Появившиеся ближе к ночи?

— Точно. — Ямата был поражен. — Они приближались каждую ночь к мысу Ява, дрейфуя всего в восьмидесяти милях отсюда, и незадолго до рассвета уплывали, боясь появления наших самолетов. Но как?..

— Все легко объяснимо. На рассвете того дня, когда пошла ко дну «Керри Дэнсер», Фарнхольм более часа провел в радиорубке. Скорее всего, он передал своим примерные координаты дальнейшего продвижения: к югу от Яванского моря. Ни одно союзническое судно не рискует заплывать севернее Индонезии — это было бы верным самоубийством. Вот они и курсируют на юге, ночами подходя поближе. Полагаю, у них есть еще одно судно, около Бали. Вы не пытались разобраться с этим нарушителем, капитан Ямата?

— Куда нам, — сухо проговорил Ямата. — Единственное судно, которым мы располагаем, — баркас полковника Кисеки. Он достаточно быстр, но чересчур мал — обыкновенный баркас, по сути — передвижная радиостанция. Связь в этих районах весьма трудно контролировать.

— Понимаю. — Ван Эффен посмотрел на Николсона. — Остальное очевидно. Фарнхольм пришел к выводу, что носить с собой алмазы и планы — более небезопасно. Планы, я думаю, он отдал мисс Плендерлейт еще на борту «Виромы», алмазы — на острове, опустошив свой саквояж и заполнив его гранатами... Смелее человека мне не доводилось встречать.

Ван Эффен погрузился в молчание, затем продолжил:

— Мусульманский священник был именно тем, за кого себя выдавал, и никем более. История Фарнхольма, рассказанная экспромтом, — абсолютный вымысел, типичная попытка находчивого и решительного человека приписать то, чем занимался сам, другому, к тому же уже мертвому... И последнее: я хотел бы принести свои извинения присутствующему здесь мистеру Уолтерсу. — Ван Эффен слабо улыбнулся. — Фарнхольм был не одинок в своих таинственных хождениях по каютам в ту ночь. Я просидел более часа в рубке мистера Уолтерса. Мистер Уолтерс крепко спал. Я люблю иметь при себе средства, позволяющие людям безмятежно и глубоко спать.

Уолтерс уставился на него, затем на Николсона, вспоминая, как чувствовал себя на следующее утро. Николсон же припомнил, сколь больным, бледным и напряженным выглядел тогда радист. Ван Эффен заметил медленный понимающий кивок Уолтерса.

— Прошу прощения, мистер Уолтерс, но я должен был передать сообщение. Я опытный радист, но на него у меня ушло много времени. Каждый раз, когда я слышал шаги в коридоре, я умирал тысячью смертей. Но послание мое прошло.

— Курс, скорость и местонахождение, не так ли? — мрачно проговорил Николсон. — Плюс просьба не бомбить нефтяные цистерны. Вам лишь нужно было остановить судно, не правда ли?

— Более или менее, — признал Ван Эффен. — Но я не ожидал, что за простую остановку судна они возмутятся так основательно. С другой стороны, не забывайте, что не пошли я сообщение, они, возможно, разнесли бы танкер в клочья за считанные секунды.

— Значит, все мы обязаны жизнью вам, — с горечью проговорил Николсон. — Огромное спасибо. — Он холодно смотрел на него несколько долгих мгновений, затем отвел в сторону взгляд, казавшийся настолько невидящим, что никому не пришло в голову за ним проследить. Однако глаза старшего по-

мощника были на самом деле весьма далеки от невидения. Маккиннон передвинулся дюймов на шесть, возможно, и на все девять за последние минуты, перемещаясь при этом не хаотическими случайными рывками мечущегося в бессознательном бреду тяжелораненого, а едва заметными, продуманными сдвигами человека, полностью сознающего происходящее и сконцентрировавшегося на их бесшумности и незаметности, — сторонний наблюдатель должен был бы напрячь нервную систему до гиперчувствительности, дабы их уловить. Николсон знал, что он не ошибся. Там, где в проникавшей за дверь полосе света первоначально лежали голова, плечи и руки боцмана, находились теперь только его темный затылок и загорелый локоть. С бесстрастным выражением лица Николсон медленно и равнодушно переместил взгляд на присутствовавших в комнате. Ван Эффен заговорил опять, наблюдая за ним с задумчивым любопытством:

— Как вы уже, наверное, догадались, мистер Николсон, Фарнхольм оставался в безопасной кладовой во время воздушного налета потому, что имел при себе два миллиона фунтов стерлингов, рисковать которыми ради таких старомодных добродетелей, как мужество, честь и порядочность, он не собирался. Я, в свою очередь, оставался в обеденном салоне, потому что не желал стрелять в собственных союзников — вы должны помнить, что единственный раз, когда я пошел на это, выстрелив в находившегося в боевой рубке субмарины матроса, я промахнулся. Весьма убедительный промах, я считаю. После первой атаки — когда мы начали готовить шлюпки к спуску на воду, и в дальнейшем — ни один японский самолет более нам не угрожал: при помощи фонаря я послал упреждающий сигнал с крыши рулевой рубки. И субмарина не делала попыток нас потопить — капитана не погладили бы по головке, если бы по возвращении на базу он рапортовал о том, что алмазы стоимостью в два миллиона фунтов отправились на дно Южно-Китайского моря. — Он снова безрадостно улыбнулся. — Быть может, вы помните о моем желании сдаться подлодке — вы же приняли гораздо более агрессивное решение...

— Тогда почему нас атаковал самолет?

— Кто знает? — пожал плечами Ван Эффен. — От отчаяния, полагаю. И не забывайте, что рядом находился гидроплан, который мог бы в случае чего подобрать одного или двух избранных людей.

— Например, вас?

— Например, меня, — допустил Ван Эффен. — Вскоре после того Сайрен обнаружил, что алмазов у меня нет, обыскав мой ранец в одну из ночей, когда шлюпка лежала заштиленной. Я увидел его за этим занятием и предоставил ему довершить дело, поскольку найти он все равно ничего не мог. К тому же это в любом случае уменьшало шансы получить нож в спину, что и произошло с несчастным Ахмедом, следующим подозреваемым Сайрена. И снова он выбрал не того. — Он посмотрел на Сайрена с нескрываемым отвращением. — Полагаю, Ахмед проснулся, пока вы рылись в его багаже?

— Несчастный случай, — небрежно взмахнул рукой Сайрен. — Мой нож иногда ошибается.

— Вам очень мало осталось жить, Сайрен. — В тоне Ван Эффена было что-то необычайно пророческое, и надменная улыбка медленно сползла с лица Сайрена. — Вы слишком порочны, чтобы жить.

— Суеверная чепуха! — Изогнув верхнюю губу и обнажая ровные белые зубы, Сайрен снова засиял улыбкой.

— Посмотрим, посмотрим. — Ван Эффен перевел взгляд на Николсона. — Вот и все, мистер Николсон. Почему Фарнхольм нокаутировал меня бутылкой, когда торпедный катер подошел к борту шлюпки, догадаться несложно. Он обязан был сделать это, если хотел спасти ваши жизни. Очень, очень храбрый человек, удивительно быстро и правильно принимавший решения. — Он повернулся и посмотрел на мисс Плендерлейт. — Вы здорово меня напугали, когда сказали, что Фарнхольм оставил все свои вещи на острове. Но я тотчас понял, что он не мог сделать этого, ибо сознавал, что возможности вернуться туда ему более не представится. И я догадался, что все у вас. — Он взглянул на нее с состраданием. — Вы очень храбрая женщина, мисс Плендерлейт, и, несомненно, заслуживаете лучшей участи.

Когда он закончил, в хижине опять повисла тяжелая тишина. Время от времени ребенок беспокойно хныкал во сне, но Гудрун успокаивала его, укачивая на руках, и он затихал. Ямата сидел, уставившись на камни с сосредоточенной задумчивостью и, по-видимому, не торопясь трогаться в путь. Почти все

пленники смотрели на Ван Эффена или ошеломленно, или с полным неверием. Позади них стояло десять или двенадцать охранников, внимательных и настороженных, с винтовками наизготовку. Николсон решился на еще один быстрый взгляд сквозь освещенный дверной проем и, с трудом сдерживая дыхание, почти непрочно сжал кулаки. Прямоугольник света за дверью был абсолютно пуст. Маккиннон исчез. Медленно, стараясь выглядеть безучастным, Николсон позволил себе подавленный глубокий и бесшумный вздох и встретился глазами с Ван Эффеном, задумчиво его изучавшим. Задумчиво и — понимая. Вскоре Ван Эффен повернул голову и несколько долгих, многозначительных мгновений не отрывал взгляда от дверного проема. Николсон почувствовал холодную волну отчаяния и необходимость добраться до горла Ван Эффена прежде, чем тот заговорит. Однако шаг этот был бессмыслен и только отсрочил бы неизбежное. Даже если бы ему удалось его убить. В глубине души Николсон понимал, что у него нет ни малейшего шанса спасти пленников, а если и есть, то никак не связанного с нападением на Ван Эффена, которому он, Николсон, обязан жизнью Питера. Ван Эффен мог в то утро легко самостоятельно избавиться от не слишком большого моллюска. Он мог отпустить Питера и спасти ногу от поврежденной усилиями обеих рук — он же предпочел стоять, прижимая к себе ребенка, в то время как его голень превращалась в искусанный кровоподтек... Ван Эффен улыбался ему, и Николсон знал, что возможность не дать ему заговорить упущена окончательно.

— Прекрасно сработано, не правда ли, мистер Николсон?

Николсон промолчал. Капитан Ямата озадаченно поднял голову:

— Что прекрасно сработано, подполковник?

— О, я имею в виду всю операцию. — Ван Эффен взмахнул рукой. — От начала и до конца. — Он умоляюще улыбнулся, и Николсон почувствовал, как в висках у него застучала кровь.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — проворчал Ямата. Он поднялся на ноги. — Время двигаться. Я слышу шум грузовика.

— Очень хорошо. — Ван Эффен с трудом согнул практически беспомощную после укуса моллюска и шрапнельного ранения ногу. — Чтобы встретиться с вашим полковником? Сегодня же?

— В течение ближайшего часа, — коротко ответил Ямата. — Сегодня вечером полковник Кисеки принимает у себя на вилле влиятельных деревенских старост и вождей. Его сын погиб, однако обязанности затмевают горе. Заметьте, я сказал — затмевают, но не умаляют. Вид всех этих пленников принесет облегчение его разбитому сердцу.

Николсон поежился. Словно повеяло могильным холодом, смутно подумалось ему. Даже отбросив нотки садистского предвкушения в голосе Яматы, он не питал иллюзий по поводу того, что его ожидало. На какой-то миг он задумался о всех слышанных им рассказах про зверства японцев в Китае, затем решительно прогнал эти мысли. Он сознавал, что в его положении полная отключка мозга составляла единственную надежду за отсутствием остальных. А таковых действительно не было. Даже невзирая на близкое присутствие Маккиннона, — ибо что он мог сделать, кроме как оказаться убитым? Возможность того, что Маккиннон попытается устроить прежде всего собственный побег, старший помощник категорически опускал. Не из того теста был слеплен боцман... Ван Эффен заговорил снова:

— И что потом? После того, как полковник встретится с пленниками? Вы приготовили для них помещение?

— Оно им не понадобится, — жестко проговорил Ямата. — Все, что им будет нужно — это хорошая заупокойная служба.

— Я не шучу, капитан Ямата, — твердо произнес Ван Эффен.

— Я тоже, подполковник. — Ямата улыбнулся и более ничего не сказал. Во внезапно воцарившейся тишине раздался скрип тормозов остановившегося посередине кампонга грузовика. Затем капитан Файндхорн тщательно прокашлялся и сказал:

— Отрядом команду я, капитан Ямата. Позвольте мне вам напомнить о международных соглашениях, принятых на период войны. — Несмотря на хрипоту и слабость, его голос был тверд. — Как капитан британского торгового флота, я требую...

— Успокойтесь! — почти прокричал Ямата, отвратительно сморщив лицо. Понизив голос до полупшепота, еще более пугающего, чем яростный крик, он продолжил: — Вам нечего требовать, капитан. Вы не в том положении, чтобы требовать вооб-

ще. Международные соглашения! Надо же! Плевал я на международные соглашения. Они — для слабых, дураков и детей. Сильные люди в них не нуждаются. Полковник Кисеки не знает ни о каких соглашениях. Все, что он знает, — это что вы убили его сына. — Ямата театрально содрогнулся. — Нет на земле человека, которого бы я боялся, за исключением полковника Кисеки. Его боятся все. Он был бы страшным человеком во все времена. Теперь же убит его сын... — Он многозначительно замолчал.

— Как поступит полковник Кисеки? — В голосе Ван Эффена не слышалось ни волнения, ни даже эмоций. — Женщины и ребенок, конечно же...

— Они будут первыми — и их не обделят временем, — сказал Ямата, словно бы рассуждая о ходе предстоящего банкета. — Полковник Кисеки — настоящий творец в своем деле. Для таких маленьких, несведущих людей, как я, наблюдать за ним — значит, приобретать неоценимый опыт. Полковник считает, что душевные страдания не менее важны, чем физическая боль. — Ямата находил тему весьма приятной и все более воодушевлялся. — Его основное внимание, например, будет приковано к присутствующему здесь мистеру Николсону.

— Неизбежно, — пробормотал Ван Эффен.

— Неизбежно. Поэтому он поначалу будет игнорировать мистера Николсона — и сконцентрируется на ребенке. Хотя — не знаю — он может и пощадить мальчика, ибо питает к маленьким детям неизъяснимую слабость. — Ямата нахмурился, затем его лицо снова просветлело. — Вероятно, в качестве объекта он изберет девушку — ту, что со шрамом. Сайрен вот говорит мне, что она и Николсон очень дружны, если не сказать больше. — Он долго рассматривал Гудрун, и от выражения его лица у Николсона внутри все закипело. — У полковника Кисеки довольно необычный подход к дамам, особенно к молодым: весьма оригинальное сочетание бамбуковой терапии и водных процедур. Вероятно, вы слышали об этом, подполковник?

— Да, я об этом слышал. — Впервые за весь вечер Ван Эффен улыбнулся. Но улыбка была неприятной, и Николсон впервые за вечер ощутил страх и непоколебимую уверенность в окончательном поражении. Ван Эффен забавлялся с ним, как кошка с мышкой, издевательски поощряя его, выжидая подходящий момент для броска. — Я действительно об этом весьма наслышан. Должно быть, это интереснейшее зрелище. Могу ли я рассчитывать на позволение присутствовать при этих... мм-м... развлечениях?

— Вы будете нашим почетным гостем, мой дорогой подполковник, — крадливо пропел Ямата.

— Прекрасно, прекрасно. Как вы говорите, это, наверное, весьма поучительно. — Ван Эффен игриво посмотрел на Ямату и равнодушно махнул рукой в сторону пленников. — Думаете, полковник Кисеки... м-м... побеседует с ними со всеми? Даже с ранеными?

— Они убили его сына, — безжизненно проговорил Ямата.

— Совершенно верно. Они убили его сына. — Ван Эффен снова оглядел пленников, теперь уже мрачным, холодным взглядом. — Но один из них покушался также и на мою жизнь. Полагаю, полковник Кисеки не пропустит никого из них, не так ли?

Ямата поднял брови:

— Я не совсем уверен, что...

— Один из них пытался меня убить, — хрипло сказал Ван Эффен. — И у меня есть личные счета, которые нужно свести. Вы оказались бы мне большой услугой, капитан Ямата, если бы позволили сделать это немедленно.

Ямата оторвал взгляд от солдата, ссыпавшего алмазы обратно в распоротый саквояж, и погладил подбородок. Николсон почувствовал, как стучит в висках кровь, и заставил себя дышать ровно. Он сомневался, что кто-либо еще, кроме него, знает, что происходит.

— Полагаю, вы имеете на это полное право, мы многим обязаны вам. Однако... — Внезапно сомнения и неуверенность покинули Ямату, и он улыбнулся. — Ну конечно же! Вы являетесь здесь старшим по званию офицером союзной державы, и любой ваш приказ...

— Благодарю вас, капитан Ямата, — перебил Ван Эффен. — Считайте, что приказ уже отдан. — Крутнувшись, он быстро проковылял в гущу пленников, нагнулся, собрал в кулак рубашку Гордона на груди и яростным рывком поставил его на ноги. — Сколько же я этого ждал, ты, ничтожная крыса! Иди-ка сюда. — Игнорируя жалкое сопротивление Гордона, с искаженным от

страха лицом бессвязно бормотавшего о своей невинности, он протащил его через всю комнату к пустому пространству в глубине дома совета, прямо напротив двери, и с силой толкнул к задней стене хижины. Распластавшись по ней почти в полный рост, Гордон протестующе поднял руку, каждой черточкой своего некрасивого лица выражая безрассудную панику.

Оставив протесты Гордона без внимания, Ван Эффен, волоча ногу, направился к японскому солдату у помоста старейшин, державшему в одной руке собственную винтовку, а в другой — автоматический карабин Фарнхольма. С небрежной уверенностью человека, не ожидающего ни вопросов, ни сопротивления, Ван Эффен решительно выхватил у солдата карабин, убедился, что он полностью заряжен, перевел предохранитель в режим автоматической стрельбы и двинулся обратно к Гордону, по-прежнему лежавшему у стены, неестественно расширив глаза, издавая стоны и причитания, перемежавшиеся судорожными всхлипами. В глазах, устремленных на Гордона и Ван Эффена, светился целый каскад эмоций, от жалости и гнева до предвкушения и полного непонимания. Лицо Николсона было лишено всякого выражения, равно как и Яматы, правда, непрерывно облизывавшего губы. Никто и не пытался заговорить или двинуться. Несмотря на готовящееся убийство, нечто, не подававшееся объяснению, витавшее в наэлектризованной атмосфере хижины, пресекало любое возражение или вмешательство. Когда же вмешательство все же случилось, исходило оно снаружи, с кампонга.

Пронзительный крик по-японски заставил всех резко повернуть головы к двери, за ним последовал шум короткой жесткой схватки, душераздирающий вопль и отвратительный польный звук, похожий на треск раскаляемого гигантским топором арбуза. Недолгое злоещее затишье почти немедленно разорвалось ревом и напором огня и дыма, с невероятной скоростью охвативших дверной проем и большую часть передней стены беснующимися трескучим пламенем.

Капитан Ямата сделал два шага в направлении двери и, не успев прокричать приказ, умер с открытым ртом, когда пули из карабина Ван Эффена разворотили ему полгруды. Оглушительное стаккато заговорившего внутри хижины оружия перекрыло гул пожара. Следующими упали сержант на помосте и солдат рядом с ним. И тут же ярко-красный фонтан хлынул из середины лица Сайрена, — а низко согнувшийся над медленными поворачивавшимся стволом карабина Ван Эффен, нисколько не изменившийся в лице, все еще давил пальцем на спусковой крючок. Он пошатнулся, когда первая винтовочная пуля попала ему в плечо, споткнулся и упал на одно колено, когда вторая влилась ему в бок, и, вопреки всему, продолжал сохранять каменное выражение лица, лишь сильнее напрягся побелевший указательный палец. Эта картина занимала все внимание Николсона, прежде чем он заметил рядом солдата, наводившего автомат на человека у стены, и бросился ему в ноги. Они покатались по полу, и вскоре Николсон обрушил приклад автомата на очертания головы под собою, и спустя долю секунды уже стоял на ногах, отбивая сверкнувшее лезвие штыка, а ногой нанося удар в незащищенный пах.

Сожмнув пальцы вокруг тощего горла противника, он осознал, что Уолтерс, Ивэнс и Уиллоуби также стоят на ногах, отчаянно сражаясь в причудливом полумраке красного огня и

Глава 15

За гневом лежит ярость, неистовая, неуправляемая ярость, за которой, в свою очередь, по прохождении границы безумия, наступает холодное, абсолютное безразличие. Когда человек переходит этот порог, что удается весьма немногим, он перестает быть самим собой, не вписываясь в рамки собственных ощущений, морального кодекса и стандартов мышления. Он становится индивидуумом, для которого такие понятия, как страх, страдания или опасность перестают что-либо значить. Это состояние отличается необычайно повышенной ясностью рассудка, гиперчувствительным восприятием грядущей опасности и в то же время — полным и нечеловеческим пренебрежением ею. Но прежде всего оно характерно абсолютной неуязвимостью. В подобном состоянии и нашел себя Николсон в половине восьмого вечера того дня конца февраля, после сообщения Маккиннона об исчезновении Гудрун и Питера.

Его мозг стал неестественно чист и ясен, быстро оценивал ситуацию, исходя из известного, взвешивал все возможности и развивал их, дабы разработать план, способный дать хоть каку-

ю-то надежду на успех. Усталость и полное физическое истощение спали, как обременительная накидка. Он понимал, что это перемена психологической, а не физиологической природы, знал, чем она может для него обернуться, но ему было решительно наплевать на это, ибо странная уверенность, что, независимо от природы источника внезапно возродившейся энергии, ее хватит на все, не покидала его ни на мгновение. Он по-прежнему смутно помнил о серьезных ожогах на руках и ногах, о боли в горле, куда врезался японский штык; однако эта память лишь как бы зафиксировала перенесенные мучения, которые с равным успехом можно было приписать другому человеку.

Его план был убийственно прост, а шансы на провал — так высоки, что неудача казалась неизбежной, однако мысли о ней не тревожили его. Он выпалил Телаку подюжины вопросов, столько же — Маккиннону, — и в точности знал, что должен предпринять любой, если еще остается надежда. Все сомнения рассеял рассказ боцмана.

Дом совета столь яростно вспыхнул и превратился в груды пепла с такой невероятной быстротой лишь по одной причине: всю наветренную сторону хижины Маккиннон облил содержимым четырехгаллоновой канистры с бензином, украденной им из японского грузовика через пару минут после его прибытия. Водитель грузовика по невнимательности лежал теперь на земле бездыханно. Боцман уже собирался предать дом совета огню, когда наружный часовой в буквальном смысле споткнулся о труп. Однако Маккиннон не только похитил бензин, но и постарался вывести из строя грузовик. Так и не обнаружив в темноте распределителя зажигания, он зато наткнулся на линию подачи топлива в карбюратор, и мягкая медь согнулась в руках боцмана, как воск. Маловероятно, что грузовик, в баках которого остались жалкие капли бензина, одолеет более мили в то время как до Бантука — все четыре.

Со смертью отца и нескольких соплеменников нейтралитет перестал существовать для Телака. То немного, что он сказал, было пронизано горечью, гневом и жаждой отмщения. Он мгновенно утвердительно кивнул на просьбу Николсона о проводнике, должном провести основной отряд — теперь только семерых человек под командованием Вэннера — по главной дороге в Бантук для захвата баркаса, по возможности, бесшумного. Спешно переведя одному из соплеменников указания, Телак назначил ему время и место встречи. Затем он перевел своим людям приказ обыскать лежавших по всему кампону мертвых японских солдат и складировать воедино все оружие и боеприпасы. Автомат, две автоматические винтовки и странной модели пистолет-пулемет оказались по-прежнему боеспособными. Сам Телак скрылся в близлежащей хижине и вскоре появился с двумя суматранскими обоюдоострыми парангами и парой изящных, искусно орнаментированных кинжалов, напоминающих по форме язык пламени, заткнутых им за пояс. Через пять минут Николсон, Маккиннон и Телак были уже в пути.

Дорога в Бантук, вернее, полая лесная тропа, вилась среди пальмовых и табачных плантаций и вонючих болот по пояс, достаточно опасных в темноте. Однако маршрут, выбранный Телаком, лишь однажды проходил по краю дороги и дважды ее пересекал, опять углубляясь в топи и рисовые поля. Все трое были очень плохи — в особенности Телак, потерявший много крови, — и любой врач, не колеблясь, тут же поместил бы всех в стационарный госпиталь. Но, тем не менее, они почти бежали по труднопроходимой влажной тропе, чувствуя, как гулко и требовательно бьется сердце, но ни разу не сбившись на шаг. Они бежали, обливаясь потом от нечеловеческого напряжения и жгучей боли в легких и даже не понимая, как отрывают от земли отяжелевшие ноги перешедшие предел выносливости мышцы. Они бежали и бежали. Телак — потому что его отец лежал в деревне со штыковой раной в груди, оказавшейся смертельной; Маккиннон — потому что обезумел от ярости, и сердце гнало его вперед, а Николсон — уже не являлся самим собой, и всю боль, тяготы и лишения претерпевал просто кто-то другой.

Когда они вторично пересекли дорогу, то увидели впереди брошенный японский грузовик. И даже не сбавили темпа, ибо, без сомнения, японцы, взяв пленников, устремились к городу пешком. Машина, прежде чем заглохнуть, проехала гораздо дальше, чем они предполагали, преодолев, по меньшей мере, половину пути до Бантука. Как давно оставили ее японцы, сказать было трудно. Николсон мрачно сознавал, как неумолимо

тают их шансы на успех с каждой минутой. Это понимали все, но не допускали и мысли о даже небольшом снижении темпа. И, заметив грузовик, еще отчаяннее помчались вперед из последних сил.

Не раз во время бега перед Николсоном возникали картины, как, вероятно, японские солдаты обращаются с пленниками, безжалостно подгоняя их на лесной тропе. Перед глазами стояли приклады винтовок, может быть, даже штыки, жестоко врезающиеся в спины еле бредущего, спотыкаясь от слабости и усталости, старого, больного капитана и едва переставляющей ноги Гудрун с маленьким Питером на руках — после полумили даже двухлетний ребенок может стать непосильной ношей. Хотя, возможно, японцы забыли мальчика в спешке где-то в джунглях, оставив на верную смерть. Однако внутренний ментор Николсона не позволял этим мыслям завладеть рассудком, перераста в наваждение и привести к душевному бессилию, включая их лишь ненадолго, как бы для стимуляции усилий. На протяжении всего изматывающего пути мозг Николсона оставался необычайно холодным и отрешенным.

Когда они достигли окраин Бантука, стало довольно холодно, звезды исчезли и начал накрапывать дождь. Бантук был типичным яванским прибрежным городком, не слишком большим и не слишком маленьким, причудливо вобравшим в себя черты старого и нового, являя собой как бы смесь Индонезии образца столетней давности и далекой Голландии современного периода. На берегу, вдоль изгиба бухты, ютились ветхие, полуразвалившиеся хижины, возведенные на длинных бамбуковых шестах выше уровня паводка, с подвешенными сетями для лова рыбы во время прилива. До середины пляжа тянулся изогнутой формы мол, заходивший за один из мысов бухты и обеспечивавший укрытие баркасам, рыболовецким судам и накрытым тентами прахоз. За хижинами беспорядочно выстроились два или три ряда деревянных лагун с соломенными крышами, похожих на те, что встречаются в деревнях в глубинных районах острова. И уже за ними находился деловой и торговый центр города, ограниченный домами и строениями, плавно редевшими к окраине, где начиналась отлогая долина. Замыкавшую с ее стороны часть Бантука вполне можно было назвать типичным нидерландским пригородом, хотя и лишенным широких протяженных бульваров, таких, как Батавия или Медан, зато с маленькими опрятными бунгало и причудливыми колониальными особняками, каждый из которых был окружен великолепно ухоженным садом.

В эту часть города и вел Телак своих спутников. Они стремительно миновали затемненные улицы в центре Бантука, даже не пытаясь прятаться или пробираться задворками, — на осторожность времени не оставалось. Несколько человек, вышедших на мокрые от дождя вечерние улицы, заметили их. Николсон, полагавший, что японцы объявили в Бантуке комендантский час, понял, что ошибался, ибо некоторые кофейни оказались по-прежнему открытыми, и их хозяева-китайцы в блузах навыпуск стояли под навесами у входов, безразлично взирая на бегущих.

Преодолев около полумили по городу, Телак перешел на шаг и жестом указал Николсону и Маккиннону встать в спасительный мрак высокой ограды. Впереди, не далее пятидесяти ярдов, вымощенная щебнем дорога была перекрыта высокой стеной с аркой посередине, сводчатый проход которой освещался парой электрических фонарей. Два человека, прислонившись к дугообразным стенам, разговаривая, курили. В сильном свете даже на расстоянии бросались в глаза серо-зеленая униформа и фуражки японской армии с изогнутыми тульями. За воротами просматривалась круто поднимавшаяся подъездная аллея, освещенная рядом фонарей. Аллея вела к массивному белостенному особняку. Арка скрывала большую его часть, оставляя на обозрение лишь крыльцо с колоннами и два залитых светом эркера. Николсон повернулся к тяжело дышавшему рядом Телаку.

— Это здесь? — То были первые слова, произнесенные им со времени ухода из кампона.

— Это тот дом, — прерывисто проговорил Телак. — Самый большой в Бантуке.

— Как и следовало ожидать. — Николсон помолчал, утирая пот. — Они придут этой дорогой?

— Другого пути нет. Они пройдут здесь. Если, конечно, еще не прибыли.

— Если еще не прибыли, — эхом отозвался Николсон. Впервые страх чуть не привел в смятение его рассудок, грозя свести

на нет весь замысел; но старший помощник безжалостно отогнал его. — Если они уже там, рассчитывать не на что. Если нет, то мы можем немного отдышаться — мы не должны действовать полумертвыми от усталости. Как вы считаете, боцман?

— У меня руки чешутся, сэр, — тихо сказал Маккиннон. — Давайте начнем прямо сейчас.

— Много времени это не займет, — успокоил его Николсон, и повернулся к Телаку. — Над стенами, я вижу, шипы?

— Верно, — мрачно ответил Телак. — Сами по себе шипы — дело преодолимое, но они под током по всему периметру.

— Так это единственный вход? — тихо спросил Николсон.

— И единственный выход.

— Понятно. Даже очень. — Минуты две разговор не возобновлялся. В тишине слышалось лишь становившееся более ровным дыхание. Николсон с нечеловеческим терпением ждал момента, когда силы восстановятся максимально. Наконец он выпрямил плечи, вытер ладони об обгоревшие остатки своих защитных штанов и повернулся к Телаку.

— По этой стороне мы миновали высокую стену примерно шагов за двадцать отсюда?

— Правильно, — кивнул Телак.

— За стеной, близко от нее, растут деревья?

— Я тоже их заметил, — опять кивнул Телак.

— Давайте вернемся туда. — Николсон, держась ограда, неслышно направился обратно.

Все было проделано за какие-то две минуты, и в двадцати шагах никто не услышал и намека на звук. Николсон лег на землю у основания стены и тихо простонал. Тишина. Он застонал громче и жалобнее. Через несколько секунд один из часовых выпрямился и настороженно уставился на дорогу. Мгновение спустя второй проделал то же самое. Солдаты переглянулись, торопливо перекинулись парой фраз и, поколебавшись, побежали вниз по дороге. Один включил на ходу фонарь. Николсон заохал еще громче и скрючился на земле, повернувшись к подбегавшим спиной, чтобы в нем не сразу узнали уроженца Запада. В мечущемся луче фонаря он уловил мерцающий блеск штыков — любой взвинченный до предела охранник, вероятно, все-таки предпочел бы иметь дело с трупом, нежели с живым неприятелем, независимо от того, сколь сильно он ранен.

Громящая по мощеной дороге тяжелыми ботинками, солдаты перешли на шаг, остановились рядом с лежащим, наклонились над ним и в таком положении умерли: один — со всаженым в спину по самую рукоять кинжалом спрыгнувшим сверху со стены Телаком, второй — с сомкнувшимися вокруг шеи жилыстыми руками Маккиннона, сразу, как только Николсон внезапно выбил ногой винтовку из его рук.

Старший помощник быстро вскочил и всмотрелся в бездыханные тела. Слишком малы, с горечью подумал он, слишком заметно малы. Он рассчитывал на униформу для маскировки, но ни одна не была впору никому из них. Времени же терять было нельзя. Телак и Николсон подняли одного охранника за лодыжки и запястья и, раскатав, перекинули с помощью Маккиннона через высокую стену с глаз долой. Второго постигла та же участь. Вскоре все трое уже были на территории особняка.

Хорошо освещенная подъездная аллея была окаймлена высоким кустарником и подстриженными деревьями. По правую руку, за деревьями, шла лишь стена с электрическим ограждением по верху. Слева покато расстилалась широкая лужайка, кое-где с небольшими прогалинами, но в целом прекрасно ухоженная, с разбросанными по ней небольшими кучами карликовых деревьев. Свет на лужайку лился с аллеи и фасада дома, освещая ее, впрочем, лишь частично. Бесшумно перебегая от одного дерева к другому, они достигли кустарников, примыкавших к крыльцу особняка. Николсон наклонился к уху Телака.

— Вы были здесь прежде?

Телак покачал головой в темноте.

— Что-нибудь знаете о других дверях? Не слышали, окна за решетены, оснащены сигнализацией или под напряжением?

Телак не знал.

— Это решает дело, — прошептал Николсон. — Парадная дверь. Они не рассчитывают, что такие посетители воспользуются парадной дверью. — Оттянув ремень, Николсон вытащил врученный ему Телаком паранг и медленно встал с колен. — Без шума, безо всякого шума. Быстро, тихо и спокойно. Мы не должны беспокоить хозяев.

Он почти шагнул вперед, когда под давлением Маккиннона вновь почти упал на колени, подавив приглушенное восклицание. Маккиннон весил добрых двести фунтов и был феноменально силен.

— Кто-то приближается, — выдохнул Маккиннон. — Должно быть, здесь есть наружная охрана.

Николсон секунду вслушивался, затем покачал во мраке головой, ничего не слыша. Но боцману он все-таки верил — слух Маккиннона был под стать его удивительному зрению.

— Не по гравию, а по бордюру, — пробормотал Маккиннон. — Идет в эту сторону. Я возьму его на себя.

— Оставьте, — решительно покачал головой Николсон. — Слишком много шума.

— Но он услышит наши шаги по гравию. — Голос Маккиннона стал еще тише, и теперь и до Николсона донесся шелест ног по мокрой траве. — Шума не будет. Обещаю.

Николсон кивнул и в знак согласия сжал руку боцмана. Человек находился уже практически напротив них, и старший помощник поежился. Этот солдат должен был стать четвертой за ночь жертвой тихого и мирного шотландца-боцмана, и пока что лишь одной из них удалось издать некое подобие звука. Как же долго можно прожить с человеком — три года в данном случае — и так его толком и не узнать...

Человек стоял совсем рядом, повернув голову к освещенным окнам и доносившемуся из-за их спин отдаленному гулу голосов, когда Маккиннон вырос, словно ниоткуда, бесшумный, как призрак, и стальной хваткой сдвинул его шею. Не было никакого шума, ни малейшего его признака.

Оставив труп в кустах, опасаясь бродивших по территории особняка охранников, они спокойно и осторожно пересекли гравий, поднялись по ступенькам крыльца и беспрепятственно миновали распахнутые настежь двойные двери.

Мягко освещенный лustrый просторный холл с высоким сводчатым потолком и обшитыми чем-то, очень напоминавшим дуб, стенами блестел мозаичным паркетным полом из западно-австралийского эвкалипта, каури и еще какой-то светлой твердой тропической древесины. С двух сторон холла наверх плавно изгибалась широкая лестница более темного, чем обшивка стен, дерева, смыкаясь с поддерживаемым колоннами широким балконом, опоясавшим три стены. Двойные двери у подножия лестниц были заперты, а в глубине холла, одностворчатая, открыта.

Николсон знаком показал Маккиннону и Телаку встать с каждой стороны двойных дверей справа, а сам, мягко ступая, направился по холлу к открытой. Он чувствовал под ногами твердый холодный пол — должно быть, во время изматывающего долгого бега он стер последние, полуистлевшие при выносе Ван Эффена из польхавшего дома остатки подошв. Мозг автоматически отметил это и тотчас отторгнул из сознания, уже долгое время противодействовавшего боли, терзавшей сырую, обожженную плоть. Ледяное чувство индифферентности по-прежнему оставалось с ним.

Плотно прижавшись к стене, старший помощник прислушался к звукам за открытым дверным проемом. Поначалу тишина казалась абсолютной, затем он уловил неясные далекие отзвуки голосов и случайный звон посуды. Очевидно, кухня и помещения слуг, — что вполне предположимо, учитывая подходящее для поздней вечерней трапезы время. Значит, слуги — или слуга — могли в любой момент войти в холл, миновав видневшийся за дверным проемом коридор. Затаив дыхание Николсон подался вперед и на мгновение выглянул за дверь. В длинный, тускло освещенный коридор выходили три двери, две боковые были закрыты, а из третьей, в дальнем конце, — падал белый прямоугольник света. Убедившись, что вокруг никого нет, Николсон шагнул в коридор, нашарил с другой стороны двери ключ, вытащил его, вышел обратно в холл и, мягко прикрыв за собой дверь, запер ее.

Затем снова неслышно пересек холл и присоединился к стоявшим у белых двойных дверей Маккиннону и Телаку. Оба не открывали от него глаз. Маккиннон по-прежнему был мрачным и непримиримым, а перепачканный кровью Телак с посеревшим от усталости смуглым лицом выглядел ужасно, однако было ясно, что жажда мести поддержит в нем силы и энергию, сколько потребуется. Николсон шепотом отдал ему краткие указания и подождал, пока он не проскользнет за лестницу справа.

Приглушенный гул голосов за двойной дверью иногда прерывался взрывами грубого хохота. Несколько секунд Никол-

сон вслушивался, приложив ухо к щели, затем проверил каждую створку по очереди бесконечно осторожным касанием указательного пальца. Обе едва заметно поддались, и Николсон, удовлетворенный, выпрямился и кивнул Маккиннону. Они подняли оружие, и, распахнув дверь одновременным ударом ног, вошли в комнату.

Комната была длинной и низкой, с большими, завешенными москитными сетками окнами, паркетным полом и обшитым деревом стенами. В дальней стене комнаты — еще одно, меньших размеров окно. Единственной мебелью был дубовый сервант между двух дверей по левой стене, да подковообразный банкетный стол со стульями, все они были заняты. Некоторые продолжали разговаривать, смеяться и пить из глубоких стаканов, не замечая появления двух людей, однако под влиянием молчания остальных тоже замолчали и, застыв, уставились на вошедших.

Для человека, предположительно, оплакивающего смерть сына, полковник Кисеки необычайно владел искусством сокрытия собственного горя от глаз окружающих. Он угадывался безошибочно, — во главе стола, в почетном кресле с высокой спинкой, обильно украшенной узорами. Невысокий полковник оказался чудовищной толщины, шея его выпирала из тугого армейского воротника, а маленькие пороссячи глазки были почти полностью прикрыты складками жира. Очень короткие черные волосы с седinouй на висках торчали на макушке круглой головы, как щетина проволочного скребка. Его красное от алкоголя лицо за частоклом пустых бутылок, громоздившихся на залитой вином белой скатерти, как раз откинулось назад — полковник заходился хохотом, когда Николсон и Маккинنون вступили в комнату. Теперь же это все еще улыбавшееся одуловатое лицо медленно принимало выражение застывшего недоверия.

Никто не шелохнулся и не издал ни звука. С осторожной неспешностью Николсон и Маккинنون обходили стол с двух сторон, мягким звуком шагов лишь подчеркивая напряженную тишину. Старший помощник продвигался вдоль буфета, боцман — мимо больших окон. Все четырнадцать человек по-прежнему неподвижно сидели на своих местах, следя глазами за вошедшими. Пройдя полстола, Николсон остановился и, убедившись, что Маккинنون держит всех присутствующих в поле зрения, открыл первую дверь слева, дав ей распахнуться настежь, и, как только она шелкнула замком, беспшумно развернулся к столу. Одновременно со щелчком сидевший спиной к нему офицер, чья рука оставалась невидимой для стоявшего по другую сторону стола Маккиннона, начал вытаскивать из боковой кобуры револьвер и уже извлек его полностью, когда приклад автоматической винтовки Николсона врезался ему поверх правого уха. Пистолет с бряцаньем упал на паркет, а офицер — грудью на стол, сбив головой почти полную бутылку вина, с тихим журчанием полившимся из горлышка. Дюжина пар глаз, словно замороженных единственным происходившим в комнате движением, наблюдала, как кроваво-красное пятно расплывается по белой скатерти. Попыток заговорить никто по-прежнему не делал.

Николсон посмотрел в распахнутую теперь дверь. Лишь длинный пустой коридор. Заперев дверь он перешел к следующей. За нею скрывалась маленькая, лишенная окон уборная. Ее Николсон оставил открытой.

Вернувшись к столу, он двинулся вдоль его края, обыскивая людей на предмет оружия. Маккинنون медленно, кругами, водил автоматом. Закончив обыск, Николсон предоставил боцману проделать то же самое с его стороны стола. Общий улов оказался на удивление мал, составив несколько ножей и три револьвера, считая с упавшим на пол, — четыре. Два пистолета Николсон отдал Маккиннону, два засунул себе за ремень. Для быстрой стрельбы с близкого расстояния автоматическая винтовка казалась более эффективным оружием.

Николсон подошел к головной части стола и посмотрел на восседавшего в кресле туцкого человека.

— Вы полковник Кисеки?

Тот молча кивнул. Ошеломление уже прошло, и настороженность в глазах была единственным признаком эмоций на его совершенно бесстрастном лице. Опасный человек, угрюмо подумал Николсон, недооценка которого может привести к фатальным последствиям.

— Прикажете всем положить руки на стол ладонями вверх и оставаться в таком положении.

— Я отказываюсь. — Кисеки скрестил руки на груди и небрежно откинулся в кресле. — С какой стати я должен... — Он не договорил, так как дуло винтовки Николсона глубоко вошло в толстые жировые складки его шеи.

— Считаю до трех, — равнодушно сказал Николсон, чувствуя внутренний холодок — мертвый Кисеки ему был не нужен. — Один. Два...

— Довольно! — Кисеки выпрямился в кресле, стараясь отклониться от приставленного дула винтовки, и быстро заговорил. Руки ладонями вверх незамедлительно легли на стол, как и приказывал Николсон.

— Вы знаете, кто мы? — продолжал Николсон.

— Я знаю, кто вы. — Кисеки говорил по-английски медленно и с видимым трудом, хотя и вполне правильно. — Вы с английского танкера «Виром». Глупцы! На что вы надеетесь? Это безумие! Вы можете сдать прямо сейчас. Обещаю вам...

— Заткнитесь! — Николсон кивнул на сидевших по обе стороны от Кисеки армейского офицера и смуглолицего индонезийца с тщательно причесанными черными волосами в отлично сшитом сером костюме. — Кто эти двое?

— Мой заместитель и мэр Бантука.

— Мэр Бантука, значит? — Николсон с интересом посмотрел на индонезийца. — Сотрудничаем повсюду, насколько я понимаю?

— Не знаю, о чем вы говорите. — Кисеки поднял на Николсона сузившиеся глаза. — Мэр является членом и соучредителем Великой Восточно-Азиатской...

— Заткнитесь же, ради Бога! — Николсон оглядел остальных — двух или трех офицеров, шестерых китайцев, араба и какого-то яванца — и снова обратился к Кисеки. — Вы, ваш заместитель и мэр останетесь здесь. Прочие побудут в той уборной.

— Сэр! — негромко крикнул Маккинنون от одного из окон. — Они уже идут по аллее!

— Поторопитесь! — Николсон опять ткнул стволом в шею Кисеки. — Прикажете им перейти в уборную. Живо!

— В эту клетку? Там же нечем дышать. — Кисеки изобразил ужас. — Они задохнутся там.

— Или умрут здесь. Пусть выбирают. — Николсон надавил на винтовку, напрягая палец на спусковом крючке. — Но прежде умрете вы.

Через тридцать секунд в комнате стало тихо и почти безлюдно. Трое по-прежнему сидели по главе банкетного стола. Еще одиннадцать кое-как впихнули в уборную, закрыв на замок дверь за ними. Маккинنون прижался к стене рядом с открытой двойной дверью. Николсон стоял за распахнутой дверью в коридор. Он мог одновременно наблюдать сквозь щель между нею и косяком за двойной дверью и держать в поле зрения Кисеки, навевая винтовку ему в грудь. Что до Кисеки, то он получил приказ Николсона. А полковник поведal на своем веку слишком много, в том числе и доведенных до крайней степени отчаяния и решимости людей, чтобы не знать, что Николсон пристрелит его, как собаку, при малейшем подозрении, что его пытаются обмануть, не говоря уже об уверенности. Известная жестокость Кисеки соперничала лишь с его храбростью, но глупцом полковник никогда не был. Он намеревался выполнить приказ Николсона безоговорочно.

Услышав плач и сдавленные всхлипывания маленького Питера — солдаты уже поднимались по ступеням, — Николсон сжал губы. Поймав его взгляд, Кисеки напрягся в ожидании пули, но Николсон покачал головой и он ощутимо расслабился. Вскоре из холла донесся топот, замерший у дверей. Кисеки повелительно крикнул, и японский конвой из шестерых человек вступил в комнату, толкая перед собою пленников.

Первым шел капитан Файндхорн, поддерживаемый солдатами с двух сторон. Он волочил ноги, часто и хрипло дышал, лицо его было пепельно-серым, с гримасой боли. Остановившись, конвоиры отпустили его. Качнувшись назад и вперед и закотив воспаленные глаза, он обмяк и опустился на пол, тотчас потеряв сознание. За ним стояла Гудрун Драхманн, все еще державшая Питера на руках. Темные волосы ее спугались, когда-то белая рубашка была разорвана сзади, обнажая полспины. Николсон не мог видеть ее спину с того места где стоял, но и без того знал, что она истыкана штыком, ибо шедший за ней солдат не опускал его ни на минуту. Импульсивное желание выйти из-за двери и израсходовать весь магазин винтовки на этого солдата было почти неодолимым, но старший помощник оставался недвижим, переводя взгляд с бесстрастного лица Кисеки на из-

можденное и перепачканное — Гудрун. Ее также слегка качало на дрожащих от усталости ногах, но она по-прежнему высоко держала голову.

Полковник Кисеки повелительно рявкнул. Солдаты уставились на него в недоумении. Он повторил приказ, с силой хлопнув ладонью по столу, и четверо из шести бросали оружие на паркет. Пятый медленно, с неким оцепенением нахмурился, оглядел остальных и лежащее на полу оружие, неохотно расцепил пальцы, и винтовка со стуком упала под ноги. И только шестой, — тот, что стоял со штыком за Гудрун, — догадался, что дело не совсем чисто. Низко пригнувшись, солдат дико обвел комнату глазами и тут же рухнул как подкошенный, когда бесшумно появившийся позади него Телак чуть не снес ему голову прикладом винтовки.

В следующее мгновение Николсон, Маккиннот и Телак одновременно вступили в комнату. Телак препроводил пятерых японских солдат в угол, и пока боцман захлопывал двойные двери, одновременно следя за сидевшими за столом, Николсон беззастенчиво и с огромным облегчением обнял девушку вместе с малышом у нее на руках. Еще не оправившаяся от шока Гудрун с недоверчивым изумлением смотрела на него, а потом уткнулась ему в плечо лицом, повторяя его имя. Маккиннот поглядывал на них, широко усмехаясь и подобрав лицом, ни на долю секунды не упуская из виду троицы во главе стола.

— Джонни, Джонни! — Девушка подняла голову и посмотрела на Николсона сияющими голубыми глазами, затуманенными от слез. Отойдя от первого потрясения, она начала мелко дрожать в промокшей под дождем одежде, даже не сознавая этого. Такие, полные счастья глаза Николсону еще не доводилось видеть. — Ох, Джонни, а я думала, все кончено. Я думала, что Питер и я... — Она резко замолчала и улыбнулась ему. — Да как же вы здесь оказались? Я... я не понимаю. Как вы узнали?..

— Частный самолет. — Николсон небрежно взмахнул рукой. — Это было несложно. Потом, Гудрун. Нам нужно спешить. Боцман!

— Сэр? — Маккиннот силился скрыть улыбку.

— Свяжите наших дорогих друзей за столом. Но только за спиной. Заведенные за спины.

— Нас связать! — Кисеки подался вперед, сжав кулаки рук, по-прежнему лежащих на столе. — Я не вижу необходимости...

— Стреляйте в них в случае чего, — приказал Николсон. — Они для нас теперь бесполезны. — Он решил умолчать о той главной, неоценимой услуге, что еще предстояло оказать им Кисеки, убогая мысль, что знание намерений противника спровоцирует его на какой-нибудь отчаянный шаг.

— Считайте, что приказ выполнен, сэр. — Маккиннот решительно двинулся к тронце, срывая по ходу с окон москитные сетки, из которых могли получиться отличные пути. Предварительно усадив Гудрун на стул, Николсон нагнулся к капитану и потряс его за плечи. Постепенно Файндхорн очнулся и с трудом открыл глаза. С помощью Николсона он тяжело поднялся на ноги и медленно оглядел комнату, окончательно приходя в себя.

— Уж не знаю, как вам это удалось, мой мальчик, но удалось на славу. — Он изучающе оглядел Николсона и поморщился, заметив порезы и сильные ожоги на его ногах и руках. — Ну и досталось вам! Надеюсь, ваше самочувствие лучше вашего вида.

— Самочувствие превосходное, сэр, — широко улыбнулся Николсон.

— Вы оптимистично лжете, мистер Николсон. Вам, как и мне, прямая дорога на больничную койку. И куда же мы направимся отсюда?

— Далеко. И очень скоро. Через несколько минут, сэр. Нам еще надо решить здесь пару вопросов.

— Тогда отправляйтесь сами, — проговорил Файндхорн. — Полагаю, мне лучше будет в роли военнопленного. Честное слово, Джонни, я не пройду и шага.

— А вам и не придется, сэр, гарантирую. — Николсон с любопытством ткнул носком ранец одного из солдат, наклонился и заглянул внутрь. — Надо же, и планы, и алмазы — все здесь. Надеюсь, полковник Кисеки, вам они не слишком нужны?

Кисеки равнодушно воззрился на него. У Гудрун Драхманн от неожиданности вырвался быстрый вздох.

— Так это и есть полковник Кисеки! — Она несколько мгновений неотрывно смотрела на него, затем поежилась. — Теперь я вижу, что капитан Ямата был совершенно прав. Слава Богу, что вы оказались здесь первыми, Джонни.

— Капитан Ямата! — Глаза Кисеки, и так едва заметные, практически исчезли в складках кожи. — Что случилось с капитаном Яматой?

— Капитан Ямата отправился к праотцам, — коротко сообщил Николсон. — Ван Эффен превратил его в месиво.

— Вы врете! Ван Эффен наш друг, и очень хороший друг.

— Был другом, — сказал Николсон. — Но вы расспросите об этом своих людей — как-нибудь потом. — Он кивнул на сжавшуюся под винтовкой Телака группу. — Пока же пошлите одного из них за носилками, одеялами и фонарями. Думаю, нет надобности предупреждать о последствиях любого безрассудного действия.

Кисеки бесстрастно взглянул на него и быстро проговорил что-то одному из солдат. Солдат вышел и Николсон снова обратился к Кисеки:

— В этом доме должна быть рация. Где она?

Кисеки впервые улыбнулся, демонстрируя коллекцию золотых коронок на передних зубах.

— Жаль вас разочаровывать, мистер... мм-м...

— Николсон. Не обращайте внимания на этикет. Рация, полковник Кисеки.

— Эта — единственная, что у нас есть. — Улыбаясь еще шире, Кисеки кивнул на сервант, — Маккиннот уже связал ему руки за спиной.

Николсон едва взглянул на маленький приемник.

— Ваш передатчик, полковник Кисеки, будьте любезны, — спокойно сказал Николсон. — Вы ведь не почтовых голубей используете для связи?

— Английский юмор. Ха-ха! Очень, очень смешно. — Кисеки все еще улыбался. — Разумеется, у нас есть передатчик, мистер... м-м... Николсон. В солдатских казармах.

— Где это?

— На другом конце города. — У Кисеки был вид довольного собой человека. — В миле отсюда. По меньшей мере, в миле.

— Понимаю. — Николсон выглядел задумчивым. — Далековато. И я сомневаюсь, что смогу довести вас до казарм, уничтожить передатчик и выбраться оттуда, не будучи нашпигованным пулями.

— Вы проявляете признаки мудрости, мистер Николсон, — вкрадчиво проговорил Кисеки.

— Я лишь не склонен к самоубийству. — Николсон потер давно не бритую щетину и опять посмотрел на Кисеки. — И это единственный передатчик в городе, так?

— Да. Придется уж вам поверить мне на слово.

— Я верю. — Заметно потеряв интерес к беседе, Николсон понаблюдал, как Маккиннот управляется с заместителем Кисеки, с энтузиазмом затягивая веревку так, что офицер крикнул от боли. Затем повернул голову к солдату, вернувшемуся с носилками, одеялами и двумя фонарями.

Николсон в раздумье посмотрел на человека в штатском, сидевшего рядом с Кисеки. Мэр пытался выглядеть разгневанным и возмущенным, что ему явно не удавалось при страхе, безосмысленно читавшемся в темных глазах и подергивавшемся углом рта. К тому же он сильно потел, и его превосходный серый костюм, казалось, как-то пообмяк и смотрелся теперь мешковато... Николсон обратился к Кисеки.

— Мэр ваш хороший друг, насколько я понимаю, полковник? — Николсон заметил, что Маккинноту не терпится уйти, и он ждет-не дожидается окончания разговора. Заметил — и предпочел оставить это пока без внимания.

Кисеки с напыщенным видом прокашлялся.

— В... какое же слово?.. положении начальника гарнизона и представителя интересов народа мы, естественно...

— Не утруждайте себя далее, — перебил Николсон. — Полагаю, обязанности мэра приводят его сюда довольно часто. — Он окинул мэра умышленно презрительным взглядом, и Кисеки на это клянул.

— Приводят сюда? — рассмеялся Кисеки. — Мой дорогой Николсон, это и ЕСТЬ его дом. В котором я всего-навсего гость.

— Неужели? — Николсон уставился на мэра. — Вероятно, вы знаете несколько слов по-английски, господин мэр?

— Я владею языком в совершенстве. — Гордость мгновенно взяла верх над страхом.

— Прекрасно, — сухо сказал Николсон. — Как насчет небольшой беседы? — Его голос понизился почти до театрально выдержанного глухого тембра. Мэр, как и следовало ожидать, особенно напуганным не выглядел. — Где в этом доме хранит передатчик полковник Кисеки?

Поняв, что попался на столь безыскусную удочку, Кисеки повернулся к мэру и, побагровев от ярости, стал что-то неразборчиво кричать, но был резко остановлен на середине увесистым ударом Маккиннона.

— Не будьте идиотом, полковник, — с досадой проговорил Николсон. — И меня за такого не держите. Да где это видно, чтоб у военоначальника в столь нестабильном и взрывоопасном регионе, как Юго-Восточная Азия, центр связи был на расстоянии мили? Абсолютно очевидно, что передатчик здесь, хотя от вас ничего не добьешься и за целую ночь. Я, однако, сомневаюсь, что мэр пойдет на жертвы ради вашей Великой Сферы Процветания. — Он снова повернулся к мэру. — Я тороплюсь. Где передатчик?

— Я вам ничего не скажу. — Рот мэра дергался, даже когда он говорил. — Вы не заставите меня говорить.

Николсон взглянул на Маккиннона.

— Будьте любезны, боцман, выверните ему слегка руку.

Маккиннон с радостью исполнил указание. Мэр вскрикнул — скорее от преждевременного страха, чем от сильной боли, — и боцман отпустил его.

— Итак?

— Я не знаю, о чем речь.

На сей раз просить Маккиннона не пришлось. Он рванул вверх руку мэра так, что запястье оказалось на уровне лопатки. Мэр завизжал, как попавший под нож поросенок.

— Может быть, наверху? — как бы мимоходом спросил Николсон.

— Наверху. — Мэр всхлипывал от боли и, главным образом, от страха. — На крыше. Моя рука — вы сломали мне руку!

— Теперь можете его связать, боцман. — Николсон отвернулся. — Ладно, полковник, отведите-ка меня туда.

— Мой любезный друг, полагаю, способен сам довершить начатое, — прошипел Кисеки сквозь зубы. Выражение его лица не сулило мэру ничего хорошего, случись им встретиться при других обстоятельствах. — Он пусть и покажет вам, где находится передатчик.

— Не сомневаюсь, что он готов это сделать. Однако я предпочел бы, чтобы это сделали вы. Кто-нибудь из ваших людей наверняка разгуливает неподалеку с автоматами, и уверен, они без колебаний проделают в мэре и во мне множество маленьких дырочек. Вы же, так сказать, послужите надежной гарантией безопасности. — Николсон переложил винтовку в левую руку, вытащил из-за ремня один из револьверов и убедился в том, что он снят с предохранителя. — Повторяю, я тороплюсь, полковник. Идемте.

Они вернулись через пять минут. Передатчик представлял теперь кусок искореженной стали с разбитыми лампами. Ни по пути на крышу, ни обратно они не встретили ровным счетом никого. Крики мэра не привлекли ничего внимания, возможно, как подозревал Николсон, потому, что прислуга просто привыкла к подобным, доносившимся из комнат Кисеки звукам.

В отсутствие старшего помощника Маккиннон не бездействовал. Укрытый одеялами капитан Файндхорн удобно расположился на носилках на полу, прижимая к себе немного испуганного Питера Тэллона. По углам носилок сидело на корточках по японскому солдату. Особо выбирать им не приходилось, так как их запястья были надежно прикреплены к ручкам носилок, а мэр и заместитель полковника Кисеки связаны вместе за локти короткой веревкой. Пострадавший от Телака конвоир по-прежнему неподвижно лежал на полу, и Николсон подозревал, что ему суждено оставаться в таком положении еще очень долго. Шестого солдата видно не было.

— Весьма неплохо, боцман. — Николсон одобрительно посмотрел вокруг. — А где это наш пропавший друг?

— Он никуда не пропадал, сэр. Он там, в уборной. —

Не обращая внимания на протесты и злобные взгляды Кисеки, Маккиннон продолжал привязывать его правую руку к левому локтю мэра. — Пришлось немного потрудиться, чтобы закрыть дверь, но я справился.

— Превосходно. — Николсон окинул комнату последним взглядом. — Ждать более нет смысла. Будем отправляться.

— Куда это, интересно знать? — Широко расставив ноги, Кисеки вобрал голову в плечи. — Куда вы нас забираете?

— Телак сказал мне, что ваш личный баркас — лучший и быстрейший на всем

побережье. Еще задолго до рассвета мы через Зондский пролив выйдем в Индийский океан.

— Что! — Лицо Кисеки исказилось от злости. — Вы забираете мой баркас? Вам это с рук не сойдет, англичанин, не сойдет! — Он замолчал, когда другая, еще более ужасная мысль пришла ему в голову, и он ринулся вперед, волоча за собой двух остальных и вопя: — Так вы и меня хотите взять с собой! Будьте вы прокляты!

— А вы как полагали? — холодно проговорил Николсон. — Он отступил назад от брыкающегося Кисеки, и не совсем милосердно ткнул его дулом винтовки в диафрагму. Кисеки скорчился от боли. — Вы наше единственное и стопроцентное охранное свидетельство. Неужели мы оставим вас здесь?

— Я никуда не пойду, — прохрипел Кисеки. — Не пойду. Можете меня убить, но не пойду. Концлагерь! Стать английским военнопленным? Никогда, никогда, никогда! Лучше застрелите меня!

— В этом нет необходимости, — заметил Николсон. — Мы можем связать вас крепче, вставить кляп или даже уложить на носилки. — Он кивнул на дверь уборной. — Там полно дешевой рабочей силы. Но это лишь усложнит дело. Вы можете пойти добровольно или отправиться на носилках с простреленными ногами, если не пожелаете утихомириться. Выбирайте.

Кисеки посмотрел на непреклонное лицо Николсона и сделал выбор. Он пошел сам.

Когда они спустились к пристани, им не встретилось ни одного японского солдата. Ночь была безветренной, дождь лил не переставая, и улицы Бантука оказались совершенно безлюдными. После столь долгого перерыва удача вновь повернулась к ним лицом.

Вэнньер с остальными были уже на борту. Пристань охранял лишь один часовой, и Телак был бесшумен и стремителен, как рысь. Ван Эффен спал на койке внизу, Уолтерс собирался передавать сообщение, баркас длиной в сорок и шириной в четырнадцать футов поблескивал в темноте под дождем и был готов к немедленному отплытию.

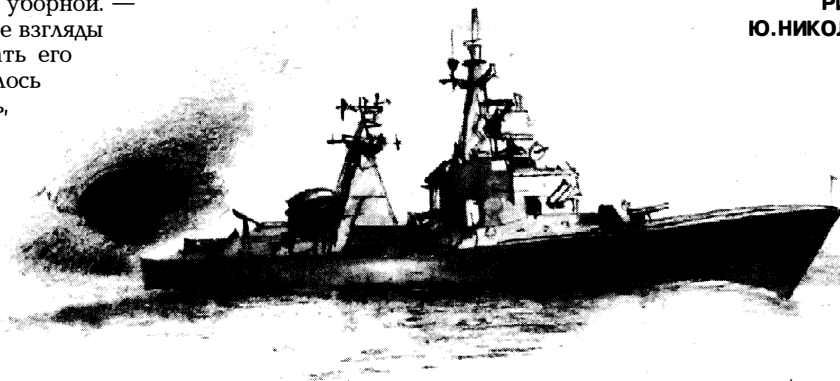
Уиллоуби властвовал в машинном отделении, светясь детской радостью при виде двух, в превосходном состоянии, дизелей. Гордон и Ивэнс грузили на заднюю палубу лишние поддюжины бочек с топливом. Маккиннон же с Вэнньером обходили стоявшие за молом другие, более крупные суда в поисках раций, оказывавшихся тотчас раскуроченными. Наткнувшись в гавани еще на один баркас, они вывели из строя магнето на нем.

Ровно в десять вечера баркас, мерно урча, вышел в абсолютно спокойное море. Николсон умоля Телака отправиться с ними, но тот наотрез отказался, сказав, что не представляет себе жизни без своего народа. И двинулся вверх по длинной пристани, ни разу не обернувшись. И Николсон знал, что видит его в последний раз.

Едва они отплыли в темноту, четверо японских, все еще привязанных к носилкам солдат, сломя голову затеялись по пристани, пронзительно крича высокими голосами, вскоре потнувшими во внезапном звуковом крещендо: достигший конца мола баркас, с полностью открытыми дроссельными клапанами и работающими на максимальной мощности двигателями, рванул в направлении мыса Ява и скрывавшегося за ним Тиморского моря.

В половине третьего утра они встретились с английским военным кораблем — противолодочным эсминцем «Кенмор».

Перевели с английского
И. АЛЧЕЕВ
и Н. НЕПОМНЯЩИЙ
Рисунки
Ю. НИКОЛАЕВА

Со всей Великоб

С погодой в день открытия Британского фестиваля пива повезло. 33 градуса в тени. Под сводами гигантского «Гранд-холла» лондонской «Олимпиады» собралась огромная толпа желающих освежиться этим замечательным напитком — настоящим, без дураков, приготовленным по старинным рецептам.

Было из чего выбирать — в различных бочках, бочонках, бочатах выкатили свыше 300 сортов. Бархатное, задумчивое, темное, золотистое, летнее, легкое из сотен кранов бежит в сверкающее стекло, и уже вокруг улыбки, удовлетворенное покачивание головой, обсуждение достоинств с пивоварами, у которых готовы ответы на любые вопросы.

Главный организатор фестиваля — «CAMRA» «Общество за Настоящее Пиво» проводит его восемнадцатый раз и отбирает сорта пива с величайшей строгостью. Настоящее британское обязательно должно быть не пастеризованным и не фильтрованным. И, конечно, не газированным — пузырьки и пена только за счет естественных процессов брожения. И должно подаваться не слишком холодным — сильное охлаждение помогает скрыть отсутствие аромата, которым отличается правильно сваренное пиво.

Можно сравнить — в одном из уголков наливают и угощают своим пивом гости из Германии, Франции, Финляндии, Чехии, в другом — пожалуйста, отведайте гавайское или чилийское...

Среди поклонников пенящегося напитка много женщин. Стройные, улыбочивые... Они составляют четверть состава «CAMRA», так что представление о любителе пива, как о заросшем мужике с огромным животом, порядком устарело.

Лучшие сорта, которые определит жюри, поедут в Германию, в Мюнхен — представлять Великобританию на всеевропейском «ОКТОБЕРФЕСТЕ» — Октябрьском фестивале.

А. БЕРКОВИЧ
Фото автора
Лондон

РИТАНИИ — ПИВО, ПИВО, ПИВО...

HEAD BREWER VOTED
BEER OF THE YEAR '95
ATIONS TO TONY SKIPPER
RTFORD BREWING TEAM.

